

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК **ВОЛГА** № 2 2024

Литературно-художественный журнал

16+

РАБОТЫ ХУДОЖНИЦЫ КСЕНИИ ЧЕПЕЛЕНКО

Иллюстрация к циклу «Учитель»

16+

XXI ВЕК

ВОЛГА

№ 2 2024

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России (Саратов)
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России (Саратов)
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы (Саратов)
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
Е.Н. Манова – директор музея Н.Г. Чернышевского (Саратов)
А.Н. Тимофеев – член правления Союза писателей России,
председатель Совета молодых литераторов
Союза писателей России (Москва)
С.А. Хомутов – член Союза писателей России (Рыбинск)

САРАТОВ
2024

№ 2 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД	
Павел ШИРОГЛАЗОВ. Верное слово моё	3
ОТРАЖЕНИЯ	
Виталий БОГОМОЛОВ. Былинки	6
СТАТЬИ	
Андрей РУМЯНЦЕВ. Что ты тёмн, Дон!	16
ПОЭТОГРАД	
Александр НЕСТРУГИН. Русское поле	38
ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА	
Алексей НЕБЫКОВ. Воден дявол	43
ПОЭТОГРАД	
Анатолий АВРУТИН. Что останется людям и птицам...	51
ДЕСЯТАЯ ПЛАНЕТА	
Ксения ЧЕПЕЛЕНКО. В стиле Ехемріа	57
ПОЭТОГРАД	
Елена ЯГОВКИНА. За любовь заплачено любовью...	68
ПАМЯТЬ	
Сергей ФОЛИМОНОВ. «Не могу писать без любви»	71
ПЕРЕВОД	
Залина ДОГУЗОВА. Жажда всей земли...	80
ПОЭТОГРАД	
Елена КОЛЕСНИКОВА. За руку с весной	84
ОТРАЖЕНИЯ.	
Светлана ФЕДОРОВА. Потерянные вещи	87
КАМЕРА АБСУРДА	
Екатерина ЯНСОН. Козёл.	92
РЕЦЕНЗИИ	
Александр БОЙНИКОВ. «Лишь стоит истину найти...»	95
Елена САФРОНОВА. Чем детектив приятнее зазеркалья	98
Елизавета МАРТЫНОВА. Свет и красота.	101
Елизавета МАРТЫНОВА. «Русская мечта» Татьяны Катаевой	102
Людмила ЛИПАТОВА. Увидеть в людях волшебство	103
СОБЫТИЕ	
Татьяна КРЫЛОВА. О чём мечтают дети	105
КОНКУРС	
В вечном подвиге мы живём... Поэтическая мозаика	107
ВОЛЖСКИЙ АРХИВ	
Андрей ЛЕОПОЛЬДОВ. Взгляд на Заволжский край в Саратовской губернии	113
СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ	
Анастасия КРУГЛОВА. Будьте готовы, друзья!	119
Людмила БРАГИНА. Кот Пандоры	181

**Павел
ШИРОГЛАЗОВ**

ВЕРНОЕ СЛОВО МОЁ

Всё осталось, как было в дымных сумерках дня:
В этом русская сила, родовая броня.
Вековые горнила ждут святого огня.
Всё осталось, как было до и после меня.

Всё как есть, так и будет испокон и вовек:
Роковую из судеб обретёт человек.
Сколько б жизнь ни топила – смерть придёт от коня.
Всё осталось, как было до и после меня...

Я не червонец, чтобы всем угодить:
Не втиснешь Слово в цифровую печать.
Моё призвание – по свету ходить
И фонари в кромешном мраке включать.
Я не червонец, чтобы стать подлецом
И предоставить Богу фотоотчёт.
Иду с котомкой и терновым венцом,
И не нужны мне ордена и почёт.
Я не червонец, чтоб пустили в размен
И промотали на распутье дорог.
Не требуй паспорт у меня, полисмен,
И дай мне, Боже, пару новых сапог.

-
- Павел Андреевич Широглазов родился в 1985 году в Иркутске. В настоящее время является сотрудником литературно-краеведческого центра им. Н.М. Рубцова в Череповце. С 2017 года – руководитель фольклорного театра кукол «Етишкина Жизнь». Автор трёх поэтических книг: «Нараспаху в белый свет», «Четвёртая ипостась», «Молоко облаков», «Небесный почтальон». Публиковался во многих печатных изданиях страны и зарубежья: «День поэзии», «Вологодский Лад», «Завалинка», «Невский альманах», «Литературный Санкт-Петербург», «Наш современник», «День литературы», «Тамбов», «Российский писатель», «Петруска настамба» (Сербия) и др. Стихи переведены на китайский и сербский языки. Участник нескольких музыкальных проектов. Является постоянным экспертом и мастером поэтических секций на многих всероссийских семинарах и фестивалях, в том числе Всероссийского совещания молодых писателей в Химках и Фестиваля имени Л.И. Ошанина в Рыбинске. Член Союза писателей России, член Российского фольклорного союза. Живёт и работает в Череповце.

Я не червонец, разве ломаный грош:
Возьми его и наудачу носи.
И даже если ты однажды умрёшь,
Тебя бродяги помянут на Руси.

И всё-таки был я в помине
У этого серого дня,
Где русское слово отныне
На свет потекло из меня.
Глаза, наводнённые синью,
Поднял я и в вязком чаду
Увидел другую Россию,
Которой никак не найду.
Да здравствуют серые лета,
Судьбу обратившие вспять,
Бездомная правда поэта
И тихая родина-мать!

РОДИНА

Руки твои пахнут земляникой,
Водянистым небом и рекой.
Если перестанешь быть великой,
Я тебя придумаю такой.
Всё пройдёт, останется гречиха
Вперемешку с комплексом вины.
Ты моя последняя врачиха
На фронтах языческой войны.
Ты моё мятущееся эхо
В Белозёрских северных лесах –
Не бывает жизни без ореха
И любви без трещин в небесах.
Будь со мной непознанной и дикой,
Обернись правдивою строкой.
Если перестанешь быть великой,
Я тебя придумаю такой.

ПОСОХ

Меня ты узнаешь из книг и постов,
А что до житейских вопросов –
Я самый беспомощный воин Христов,
Земная осина – мой посох.
Неладное что-то творится в раю:
Павлины сбиваются в стаю.
Я всё, что имею, другим раздаю
И снова себя обретаю.
Пускай не умею я строить мостов,
В занозах душа и заносах.
Идёт несгибаемый воин Христов,
Сжимая осиновый посох.

РЕКА

Небо стальное лежит в реке у самых её излучин.
Целую ночь неизвестно с кем слушаю скрип уключин.
Всё остальное сошло на нет недалеко от старта –
Кто-то незримый диктует мне талую песню марта.

А мир безнадёжен из года в год: вода и любовь по кругу,
И я, вписавшись в круговорот, гоняю взащей зверюгу.
Прощаю злобу своим врагам, несчастным моим Сальери,
Чтоб люди жили по берегам в нехитрой любви и вере.

БЕЗВРЕМЬЕ

Я обезлюдел изнутри, поизносив себя снаружи,
И сколько в душу ни смотри, там только мартовские лужи.
Не верь, не бойся, не проси, живи и радуйся без денег.
Сегодня праздник на Руси, а завтра чистый понедельник.
И станет не для кого петь свою любовь и сырость вёсен.
Нам суждено перетерпеть нелепое многоголосье,
Где всякий всякому под стать и не заметен в общем хоре.
Всех книжек не перелистать и близких не утешить в горе.
И сколько в душу ни смотри и ни ищи первоисточник,
Сломали душу изнутри и заменили на подстрочник.
Нам исковеркали судьбу, чтоб мы в потёмках измельчали
И не смогли начать борьбу за Слово, бывшее в начале...

СОЛНЦЕ

Мать-и-мачехи солнце овражное
На нетвёрдые ноги встаёт.
Понял в жизни я самое важное
И едва не лишился её.
Божий мир, словно шалого крестника,
От неправды и зла берегу.
Я небесного слышу наместника,
А увидеть никак не могу.
Пусть снаружи оно и неражное,
Только верное слово моё.
Мать-и-мачехи солнце овражное
На нетвёрдые ноги встаёт...

**Виталий
БОГОМОЛОВ**

БЫЛИНКИ

ГРОБ С КАМНЯМИ

Было раннее утро. Солнечное такое, тихое. Лёшка собирался идти на рыбалку, торопливо уминал скудный завтрак, выбирая из варёной мясистой рыбы тонкие кости. Цвёл шиповник, хорошо клевал голавль – у него ход. Об этом Лёшка и думал. В дверь постучали.

– Можно! – крикнул с безразличием Лёшка. И буркнул: – Вежливые какие граждане...

В избёнку вошла Алевтина, староста деревни. Он удивился: неожиданно, чего это ей надо?

– Лёша, здравствуй! Маня умерла, надо могилу копать.

– Здорово, Аля! Какая Маня? – удивился он. – В нашей деревне, вроде, нет таких...

– Она жила в Петровке, полтора километра от нас. Но у них там кладбища своего не было, сам знаешь. Хоронили всех на нашем. А теперь и от самой Петровки следов не осталось. Тоже похоронили. Маня ещё в восьмидесятых уехала в город, к дочери, у неё и доживала свой век. Завещала похоронить её здесь, на родине. Вот дочь позвонила. Всё оплатит. Гроб привезут к четырём часам.

Про рыбалку Лёшка сразу забыл – такая шабашка подвернулась. В голове мгновенно сложилась картина похорон. Один помощник Лёше – Сашка, постоянный напарник. Но вдвоём тяжело копать: земля у них в Чёрной Речке – глина. Значит, придётся третьим звать Николу. А где Никола, там и Ванька. Этот халяву за десять вёрст под землёй чувствует. Как прибор землетрясения. Потом ещё на хвост сядут человека три, не меньше. Итого семеро. А заказчики городские, богатые... Надо просить за работу на десять пузырей, не меньше.

-
- Виталий Анатольевич Богомолов родился в 1948 году в г. Тавда Свердловской области. Детство и юность прошли в Ординском районе Пермского края. Служил в армии, работал в колхозе, на заводах Перми. Окончил Пермский государственный университет имени А.М. Горького. Лауреат конкурса имени В.М. Шукшина «Светлые души», областной и краевой премии в сфере культуры и искусства, премии имени русского поэта А.Ф. Мерзлякова. Кавалер литературного ордена Ф. Достоевского. Член Союза писателей России. Живёт в Перми.

– Две тыщи, меньше никак! – поставил Лёшка условие.
– Не многовато? – засомневалась Алевтина.
– Попробуй сама копать, дешевле будет, – равнодушно предложил Лёшка. – Я вон на рыбалку собрался идти. Голоавль хорошо клюёт. Некогда мне базар гнать. Привыкли все к бесплатному...
– Лёша, не подводи меня! – Алевтина притворно повысила голос. – Заплатят, думаю, раз обещают. Давайте идите копать. Покойник ждать не будет. Не делайте позор на всю нашу деревню. А то и на область даже.
– Ну гляди, своими доплачивать будешь, – ответил шутливо Лёшка.
Алевтина поняла, что это согласие.
– К четырём часам привезут! – напомнила она.
– К трём будет готово, – заверил Лёшка. – Давай посылай сейчас ко мне Сашку Батрака, чтоб мне не бегать за ним. Я хоть чаю той порой попью.
Она ушла.
Лёшка сварил по-быстрому чифирчику, с наслаждением почуркал и вышел на улицу.

С кладбищенского холма вся Чёрная Речка, своей единственной улицей изогнувшаяся коромыслом вдоль одноимённой речки, как на ладошке лежала.

– Любуются покойнички-то наши своей деревенькой, – проговорил Лёшка, задумчиво оглядывая знакомый почти с пелёнок пейзаж.

Кладбище было старым, неухоженным, сильно заросшим. Выбрали на взгорке местечко, где было меньше кустов (копать легче, корней нет): пусть старушка радуется солнышку...

– Эх, лопаточка моя, – заговорил Лёшка, обращаясь к своему орудию труда, – сколько ты народу на тот свет отправила... Наверное, тебе за это рай светит, а я вот одну только дуру на тот свет прописал, и то семь лет ада схлопотал...

Мужики рассмеялись. Лет пятнадцать назад, когда в широкий ход пошёл спирт «рояль» (говорили, что американский), от которого не пьянели, а дурели, ничего не соображая, озверевший Лёшка из ревности зарубил топором свою жену-алкоголичку, отсидел семь лет. Освободился по УДО. Теперь жил в своей избёнке тихо, на пособие по безработице (работы никакой в округе не было), подкармливался рыбной ловлей, иногда перепадавшими шабашками. От воровства воздерживался по принципу: не воруй где живёшь, не живи где воруеть.

В последние годы он числился негласно в Чёрной Речке главным могильщиком.

Как Лёшка и предполагал, за третьим приглашённым – Николаем – притащился Ванька, который мог только языком трепать. Принялись копать. Работали втроём попеременно: двое копают, третий переводит дух, затем подменяет следующего. И дело шло в общем-то споро. Оставалось углубиться ещё на пару штыков, когда под лопатой заскрежетало, к удивлению мужиков, ржавое железо.

– Откуда железо на такой глубине? – удивился Лёшка. – Клад, что ли? Я в детстве слышал от отца, что в гражданскую войну где-то тут, на кладбище, никитовские мужики награбленное золото закопали... Банда у них была...

– Мужики! Застолбил – делим поровну! – Подскочил как на пружине Ванька.

– Таким сачкам, как ты, – заклёпки от женских трусов, – осадил его Лёшка.

– Ребята, а это ведь... – высказал догадку Сашка Батрак, – кто-то здесь в цинковом гробу был похоронен. Могила в этом месте была.

– Так, вроде, никаких признаков, что могила? – усомнился Лёшка.

– Если старая, так какие тебе признаки, – многознающе подтвердил Ванька. – Детдомовских придурков сколько тут было похоронено – попробуй найди хоть одну могилку... Всё время сровняло, – заключил он.

Лёшка согласился.

В начале шестидесятых в Чёрной Речке несколько лет был приют для детей-олигофренов, которые жили мало и часто умирали...

Принялись строить предположения, кто бы тут мог быть похоронен в цинковом гробу. Никого не смогли вспомнить.

– Кончай перекур! – скомандовал Лёшка, потягиваясь. – Гости-то уж скоро нагрянут, а у нас не то что стол не накрыт, а ещё и дрова не нарублены, чтоб суп варить.

– Жрать, Лёха, хочется, – пожаловался Никола.

– Терпи! – дал Лёша наказ. – Пока не закопаем, никто жрать нам не даст... Чего из дома не взял?

– Взял бы, да никто не дал. Нечего, – пожаловался тоскливо Никола.

Стали осторожно выбирать куски истлевшей жести, чтоб сделать подкоп вбок и сложить туда кости. Но костей не оказалось. Точнее, была одна кость – бедренная и ещё обломок другой кости, похоже, от голени. Лежали они на комьях истлевшей ткани, которая при прикосновении рассыпалась, обнажая камни.

Мужики переглянулись в недоумении: камни в гробу?

– Ну её на... Мне страшно! – признался Сашка и панически выскочил из почти готовой могилы.

Возникло напряжённое молчание. Каждый испытывал необъяснимую тревогу, таинственность которой требовала хоть какого-то объяснения. Видавший виды Лёшка принялся осторожно расковыривать камни. Остальные сгрудились на краю могилы, смотрели вниз.

– У нас таких не бывает, – озадачился Лёшка, выбрасывая один из камней кверху, мужики невольно отшатнулись.

Из-за этой заминки могилу к назначенному времени выкопать не сумели. Приехавшим чуть раньше назначенного времени людям на «пазике» с гробом старушки Мани и на джипе пришлось немного ждать. И то: сто пятьдесят километров от города – попробуй время точно рассчитать... Прибыли только дочь Мани – Людмила, две Маниных внучки и их мужья. Один долговязый, лохматый, постарше, другой помоложе, лет тридцати пяти, крепыш среднего роста, угрожающе стриженный наголо. Они стояли в стороне, возле сверкающей на солнце чёрной «тойоты» крепыша, курили, о чём-то разговаривая. Собрались оповещённые Алевтиной жители Чёрной Речки, десятка полтора; в основном это были женщины и дряхлые старушки, которые помнили Маню.

Они окружили Людмилу, расспрашивали её о жизни Мани в последние годы, с которой когда-то вместе работали в одном колхозе.

– Бабоньки, – обратилась озабоченно к ним Клавдия Ивановна, которая в деревне читала по умершим Псалтырь, – у Мани-то ведь сын похоронен где-то здесь, надо было рядом их положить. Людмила? В каком месте брат-то у тебя похоронен?

– Не знаю, – пожалала та растерянно и стыдливо плечами.

– Староста? – повернулась Клавдия к Алевтине.

– А я-то откуда могу знать? Я первый год старостой, а в то время здесь вовсе не жила, – ответила Алевтина, которая вернулась в свою родную деревню, как вышла на пенсию.

– Готово! – крикнул за всех Лёшка, вылезая из могилы весь мокрый от пота, внизу пришлось подчистку делать одному.

Не зная размера гроба, он предусмотрительно сделал в ногах подкоп.

Выбравшись наверх, бросил неодобрительный взгляд на стоявших несколько в сторонке от других молодых мужиков: на поживу пришли...

Подошла Алевтина, попеняла Лёшке:

– Чёт вы, друзья, обещали к трём, а и к четырём не управились? Вроде, трезвые сегодня?

Люди стали грудиться к могилке. Клавдия Ивановна заглянула в глубину, перекрестила яму, одобрила: хорошая-де могила.

– Так вон, видишь, – стал Лёшка оправдываться перед Алевтиной, – наткнулись на железный гроб... А в нём одна кость с обломком и камни. Ничего не понятно! – Зябка передёрнул Лёшка плечами.

Он жестом указал на собранные в сторонке изъеденные ржавчиной пластинки железа и горку камней. Кость и обломок другой кости он положил в подкоп, присыпал землёй.

– Гадали мы тут с мужиками, кого у нас в цинковом гробу могли похоронить, – да никто не вспомнил.

Слыша этот разговор, Клавдия Ивановна вдруг оживилась, встрепенулась вся.

– Так это, поди, Манин-то сын тут и лежит! – воскликнула она предположение. – Я помню, в 81-м году его привезли! В Аф... в Аф... – заикаясь, она старалась выговорить трудное для неё слово. Наконец справилась: – В Аф-ганистане его убили. Военные привезли и хоронили... Маню сразу после этого и парализовало тогда. А смотри-ка, скоко ещё прожила! – удивилась Клавдия Ивановна.

– А почему всего одна кость с обломком? Ножная. А остальные где тогда? – растерянно удивился Лёшка.

Народ внимал с интересом этому разговору. Молчали, вникая в услышанное.

– Да, может, всё, что осталось от него! – проговорила Клавдия Ивановна озарившую её догадку.

И это стало настолько очевидным, что никто не возразил.

– Гроб запаян был, вскрывать офицер не разрешил, – вспоминала Клавдия Ивановна. – Стёклышко, помню, сверху было, в головах, да в него ничё не увидишь, краской замазано изнутри...

– Эт-то-о да-а! – согласился ошеломлённый Лёшка. – Стёклышко я нашёл в могиле. А камни?! – развёл он вопросительно руками и оглянулся на горку камней, сложенных вместе с остатками железного гроба. Туда же было брошено и стёклышко.

Все с любопытством повернулись, посмотрели на эти камни.

– Бог его знает, – покачала в недоумении Клавдия головой и задумчиво проговорила, крестьясь: – Вот где мать-страдалица с сыночком-то встретилась... Через тридцать пять годочков, выходит... Царствие Небесное!

Автобус уехал. По знаку Людмилы зять-крепыш достал из вместительного багажника своей «тойоты» лёгкий складной стол. Внучки Мани выстави-

ли на него поминальную трапезу: пироги, сок в коробках, воду, одноразовые пластиковые стаканчики. Две бутылки водки.

– Это вот грех! – вздохнула осуждающе Клавдия Ивановна.

Старушки одобрительно качнули головами. Пришедшие на поживу мужики, увидев бутылки, скромно и стыдливо, ободряюще подталкивая друг друга, приблизились к столу.

Людмила в сторонке разговаривала с Алевтиной, та поманила Лёшку. Он подошёл.

– Вот, как договаривались, – протянула ему две тысячи рублей двумя купюрами.

– Помельче бы! – заволновался Лёшка. – Сотенными бы..

Сашка, Никола и Ванька напряжённо косились в сторону Лёшки, который старался заслонить своим телом денежный расчёт. Людмила достала из кошелька две пятисотки, а вторую тысячу отсчитала сотенными. Сделала замену. Лёшка и крупные, и мелкие купюры сунул в разные карманы.

– А это вам за могилку, отдельно от других, как принято, – протянула Людмила пакет, – помяните маму. И.. Коленьку, брата.

Принимая пакет, Лёшка радостно ощутил тяжесть стекла.. «Две..» – отметил он про себя. Перекрестился на просьбу Людмилы помянуть. Но вышло как-то суетно, неловко и фальшиво. Пообещал за могилкой присмотреть, поправить, когда земля осядет. Махнул напарникам рукой, и они, прихватив верёвки, топор и лопаты, двинулись вдогонку за ним. К нему домой.

Шли молча. Неожиданно Саша Батрак (так его прозвали за фамилию Батраков) объявил:

– Я понял, Лёха, откуда в гробу камни.

Все остановились, уставились на него вопросительно.

– Из Афгана, чтобы вес был у гроба, – пояснил Сашка. – Как будто там не одна нога, а целое тело. Потому и стекло было закрашено.

– Верно ведь догадался, собака! – согласился удивлённый Лёшка. – Потрясающе!

– А тряпки для чего? – спросил Ванька. – Камни-то в тряпки были завёрнуты.

– А ты хочешь, чтоб они загремели в гробу, когда его в могилу опускали? – усмехнулся Лёшка. – Потрясающе! – качал он головой, не переставая удивляться находчивости военных.

ЧЕЛОВЕК ЛИШНИЙ...

Славка Чижов – в далёком прошлом деревенский житель, в восьмидесятых прошедший Афган, повидавший жизнь, повидавший смерть – теперь работал на заводе. Сухой, поджарый, жилистый мужчина среднего роста. Имел семью, двух уже взрослых детей, жену (не красавицу, но добрую и заботливую, такую же сухощавую, как сам). А в цехе все звали его, как пацана, Славкой. Это в пятьдесят-то два года. Человеком он был скромным, хотя в бригаде уважаемым, знали, что за Афган у него орден, но так вот сложилось и прилипло – Славка, и всё.

Уже несколько лет подряд на выходные (и зимой, и летом) Славка обязательно уезжал из шумного города на дачу. Жена к даче пока не очень тянулась, особенно как подросли дети, а Славка в свободные от работы дни не мог оставаться в прокопчённом и загазованном, в ревущем моторами миллионном городе. Прихватив потёртый рюкзачок с продуктами, он утречком в субботу садился в автобус, проезжал шесть остановок и ещё километр шёл к железнодорожной площадке, дорога к которой от городской окраи-

ны, от кооперативных гаражей спускалась по Кривому логу. Обочины дороги, склоны огромного тенистого лога, заросшие кустами и деревьями, и крохотная речушка на дне его были завалены подлыми (по определению Славки) людьми – строительным мусором, изношенными автопокрышками, изуродованными бамперами автомашин, особенно стеклянными и пластиковыми бутылками, ну, и прочей разной дрянью. Отходами, как говорят, жизнедеятельности цивилизованного человека. Ну, такие вот следы оставляет он, шагая по этой самой жизни...

За все годы по дороге с дачи Славка ни разу не выбросил не то что банки, бутылки или пакета с мусором, но даже билета на проезд в транспорте – всё вёз до города, до мусорных баков, и всегда больно переживал, видя порой, как из багажника остановившейся роскошной машины летел в кювет мешок мусора.

На выходе из Кривого лога к железной дороге речушка ныряла в зарешечённую бетонную трубу под железнодорожное полотно. Метрах в шести-семи от него, вдоль посадочной площадки, был проложен бетонный лоток шириной в четверть метра для отвода в ту же трубу дождевых и талых вод. А ещё метров через пять от лотка вздымался высокий и крутой склон, который тянулся вдоль Камы, то ближе к ней, то дальше, на десятки километров. Под ним и проходила железная дорога, к которой приводил Славку Кривой лог, собственно, рассекая этот склон.

Как раз возле посадочной площадки из склона сочился родничок, струйка его, в которую он собирался, сбегала к лотку и, найдя в стыке проход в человеческий палец шириной, радостно булькала здесь светлой, прозрачной водицей.

В этом месте Славку Чижова всегда охватывало отрадное состояние, особенно в начале лета, когда в логу, по которому он приходил к площадке, пели соловьи. А в мае по склонам белым-бело цвела и благоухала черёмуха.

Образование Славки укладывалось в рамки профессионально-технического училища – оператор станка с числовым программным управлением. Но, как ни странно для нашего безумно-суматошного времени, он любил на даче читать книжки: и прозу, и стихи, и разную интересную публицистику. Чтение давало ему богатый материал для размышлений о своей жизни. Некоторые стихи он даже запоминал. Однажды вычитал у местного поэта такие строчки:

Сочится под землёй
 таинственная влага,
Чтоб выпасть ручейком
 живым на дне оврага.
Не так ли в сердце
 копятся слова,
Что в тексте выдаёт
 нам голова?

Опустив книжку на колени, Славка задумался, представил родничок возле посадочной площадки и сказал: «Это про него!» Про родничок, значит.

Приходя к электричке, Славка всегда умывал лицо холодной водой из родника, чувствуя после этого, как при просыхании кожа на лице растягивается, будто молодеет. Пить эту воду он, правда, остерегался: хотя она и была хрустально чиста, но всё-таки родник выбивался из склона, на котором раскинулся город с его разными зловещими пакостями... И всё равно одним видом родник всегда вливал в душу радость.

Одно угнетало чувствительного Славку: нередко и возле родника валялись пустые бутылки, пивные банки, пакеты, разный мусор. В такие минуты на Славку нападала тоска. Порой невольно вспоминал Афганистан, потерянных друзей, своё тяжёлое ранение за месяц до дембеля. Чудом выжил тогда, чу-удом... Вода в Афгане, к слову сказать, ценилась как святыня...

В тот раз, выдвигаясь большой группой на боевое задание, они сами нарвались на засаду. Неизвестно, что там произошло... Только ждали их душманы и к встрече хорошо подготовились. Впоследствии вспоминая тот страшный бой под перекрёстным огнём на уничтожение – безысходные крики раненых, кровь, изорванные пулями, испластанные взрывами мёртвые тела товарищей, изуродованные, обезображенные, неотвратимое присутствие смерти, – он понял, постепенно со временем осознал, что из того боя вынес веру в Бога, а через неё открыл в себе способность радоваться жизни и всему сущему... Именно это не дало ему после сломаться, спиться, как другим...

В вертушку тогда его закинули, посчитав мёртвым, но при выгрузке на базе жизнь, ещё не расставшаяся с его телом, видимо, подала какие-то свои сигналы-признаки... Наверное, Ангел-хранитель кружился над ним по материнскому благословию, по её молитвам. Она после рассказывала, как, сердцем почуяв беду, металась и плакала в тот день, не находя места. И молилась, молилась... Хирурги долго копались в его развороченном животе, вырезая, соединяя и сшивая, но спасли...

Каждый раз, шагая от железной дороги (уже по тишине) полем до своей дачи, в любое время года он испытывал восторг, который не мог бы выказать многими словами, но который укладывался для него в одно простое, точное и всеохватное слово – благодать. В такие моменты ему часто думалось о беспредельности Вселенной, о тех не поддающихся воображению миллиардах лет, которые можно лететь со скоростью света – 300 тысяч километров в одну секунду – и за эти миллиарды лет (это сколько же в них секунд?!) преодолеть всего лишь малую часть Вселенной. Дух захватывало.

И он радовался нежной и таинственной голубизне земного неба, облакам причудливой формы, пылающим закатам, птицам, траве росистой, сверкающей на утреннем солнце самоцветными бриллиантами, плеску широкой реки, волнуемой ветром, и даже дождю и снегу. За городом, на природе, в тишине и одиночестве он ощущал себя неотделимой частицей всего этого, и его благоговейный восторг был сродни молитве Творцу за всю эту благодать. За чудное единство всего. Благодать, разрушить которую (считал он с несокрушимой своей упёртостью) мог только человек.

Здесь Славке было хорошо, легко, и в душу не набивались никакие меркантильные проблемы, было ясное понимание своей малости в бесконечности Вселенной, особенно когда ночью долго смотришь на звёзды, понимание того, что для счастья нужно вовсе не завоевание мира, не обладание всеми его богатствами, а здоровье, пища и вода, необходимая одежда. А радость, счастье – вот они, вокруг. Наслаждайся! И вовсе нет нужды за ними гоняться в тридесатое царство. Главное, чувствовать себя человеком. Че-ло-ве-ком!

Настанет час –
всё потеряет смысл.
И содрогнётся
душенька в печали,
И будет слишком
запоздалой мысль,
Что жизнь не та
осталась за плечами.

И эти строчки он вычитал у того же поэта. Сказано точно. Должно быть, прочувствованно, продуманно. Они потому и вспомнились сейчас, что были созвучны его собственному состоянию. Значит, жить надо так, чтобы за плечами осталась жизнь «та», за которую не больно, не стыдно...

На материальные блага он смотрел как на пшик, понимал, исходя из своих убеждений, что человек должен трудиться, добывать необходимое, но не «собирать сокровищ на земле», не накопительствовать бездумно. У него самого не было даже машины, хотя мог скопить на неё при неплохих своих заработках. Всё отдавал жене, детям, церкви; сколько-то, конечно, уходило на дачу. Сам он довольствовался малым. Ну что взять с блаженного!

Он и на даче, и вне дачи часто размышлял о величии, гармоничности, сложности, разумности окружающего мира и – о беспредельности Вселенной. О совершенно ничтожной малости человека, который в этом величии, по сути-то, такой же невидимый атом, из каковых сам состоит. Но при этом возомнил вот себя владыкой природы. Если бы Славка стал о своих размышлениях говорить людям, его бы осмеяли – философ с пэтэушным потолком, действительно сочли бы блаженным.

Некоторые знакомые и без того посмеивались над его верой, аскетизмом, но Славка к их насмешкам относился снисходительно. Ибо знал, что, начнись даже самая обычная гроза с жуткими ударами молний и грома, да одного такого «взрыва» рядом, близкого, сильного, когда земля вздрагивает, достаточно, чтобы с насмешника слетела вся его спесь! А вот когда вокруг тебя мины рвутся, выскивая твоё тело, чтобы превратить в клубящийся серый дым, тут уже и безбожник начинает молиться...

А его детей, казалось ему, интересовали в жизни только удовольствия и наслаждения, и воспринимать мир они готовы были только через экран, через киногероев Голливуда. Они мечтали разбогатеть, быть известными, иметь особняк и престижную машину, ничего не делая. Они любили, не сдерживая себя, хорошо поесть, выпить пива, потусоваться в молодёжном кафе, выехать на природу на шашлыки. Вели длинные и, по мнению Славки, пустые разговоры. Получив высшее образование, дети не нашли себя в профессии, считались менеджерами, отсиживали положенное время в нелюбимых офисах. Славка с болью видел, что они были отравлены цинизмом, не любили родину, говорили о ней с презрением, были уверены, что здесь ничего не достигнешь. И он понимал, что сделать с ними он уже ничего не сможет: мир изменился, и жить они хотели только в этом изменившемся мире, и их абсолютно не интересовало, в какую сторону эти изменения – в лучшую или в худшую, они об этом не думали. Главное, сейчас им было хорошо, и этого достаточно. Ну вот такое поколение... Другого он не видел пока.

А Славка в изменившемся мире для себя места не находил. Да, смирился с ним, да, работал, делал привычные задания, получал зарплату, но жил в мире другом, своём, который для него начинался с железнодорожной площадки возле Кривого лога, устремляясь в миллиарды световых лет, в беспредельность Вселенной... Конечно, он не был уверен в своей правоте на сто процентов и постоянно сомневался.

Однажды, придя утром на железнодорожную площадку, он обнаружил огромный сук дикой яблони, стоящей на склоне выше родника. Видимо, ради чьей-то потехи сук зверски был отодран от ствола и брошен прямо на струйку родника. При виде каждого спиленного в городе дерева он страдал душой. Вот и сейчас ему больно было видеть ободранную яблоньку, ну кому она помешала?..

Славка обломанную яблоневую ветвь с завязями плодов оттащил в сторону, под кусты ивняка. Несколько человек, ожидающих электричку, безучастно наблюдали за его действиями. Он не обращал на них внимания. Ему сейчас пришла в голову мысль: а что если родник этот облагородить? И Славка мгновенно увидел в своём воображении картинку: от бетонного лотка – деревянный трапик метра три длиной, чтоб по нему подходить к трубе, из которой родниковая вода будет вытекать. Трубу (достаточно метровой длины) можно вкопать и закрепить в то место, из которого родничок выбивается из земли. Труба будет пластиковой – металл бомжи тут же выдерут и сдадут, а пластик, может, и не тронут. Что ещё? Возле трубы – доска-мосточек поперёк ручейка. А справа можно бы и скамеечку даже соорудить, чтоб сумку поставить или пакет положить тому, кто к роднику подойдёт руки помыть, лицо освежить... И всё, полный ажур!

С этого дня он, спускаясь по дороге вдоль Кривого лога, стал попутно присматривать на стихийных свалках среди вывезенных строительных отходов подходящие дощечки, бруски, подбирал их и припрятывал в одном укромном месте в зарослях. Однажды, когда Славка счёл, что материалов скопилось достаточное количество, он приехал сюда с дачи под вечер с лопатой, топором, ножовкой, гвоздями, обрезком толстой пластиковой трубы... За час с небольшим он воплотил свой замысел в реальность. Сделал и скамеечку: забил четыре колышка, на них положил горизонтально и приколодил доску.

Постоял, полюбовался своей работой, послушал падающую из трубы, звонко запевшую струйку родника, в груди невольно появилось тёплое, спокойное, нехвастливое удовлетворение от сделанного доброго дела. Приятно было. Это естественно, как движение сока по стеблю травинки. Даже к месту стихотворение вспомнилось, которое когда-то учили в начальной школе, про старика, который на исходе лета посадил у полевой дороги на память вишню, без сожаления о том, вспомнят о нём или не вспомнят. Всё равно он вишню посадил. Для людей посадил. Чтоб отдыхали в тени, когда вырастет большая. Он для души поступок сделал. Для самоуважения.

В следующие выходные, придя утром на электричку, Славка не мог поверить своим глазам, его чуть кондрашка не хватил, застучало-затукало в затылке и в висках: скамеечка возле родника была разломана, от его трубы и следа не осталось, дощечки трапика были размётаны по сторонам, часть совсем исчезла...

У него сжалось сердце, да так, что даже слёзы выкатились из глаз. Нет, своих трудов ему не было жаль. Сейчас в его представлении здесь было сходство с тем, как если бы хирурги сделали человеку операцию, спасая жизнь, а ночью в палате ему бы кто-то, просто так, из хулиганских побуждений, взял и все швы разорвал... После госпиталя Славку не один год преследовал такой сон...

«Эх, люди, люди, – только и смог он выдохнуть, с горькой обидой покачивая головой и мысленно спрашивая себя: – Ну как вас после этого мне любить?.. Как?»

Больно было за человека. Тонко чувствуя гармонию природного мира, где всё в ладу, он теперь ещё отчётливее ощущал, что из всех тварей этого мира только один человек – лишний, потому что всё зло и разрушение всемирного лада исходит исключительно от человека. И подумалось ему тоскливо, что если человек не изменится, то с такой тварью конец этого мира, должно быть, не очень-то и далёк.

До самого прихода электрички он всё смотрел и смотрел в скорбной растерянности на разгромленный, искалеченный родничок.

В электропоезде под стук колёс, в бессильном негодовании перекатывая желваки, он вдруг решил упрямо: а вот всё равно я обустрою родник! Посмотрим, кто кого...

МАТОВЫЙ АНГЕЛОЧЕК

На прогулке я люблю ходить быстро, иначе какой толк от неё.

Вот иду я так однажды по улице Студенческой. Весна. Благодать. Кроны деревьев зелёным дымком окутаны – почки раскрываются. Впереди меня – три весёлые девочки шагают бойко, жизнерадостно, разговаривают. Налаживаясь обогнать их, невольно отметил про себя, что девочки, должно быть, из состоятельных семей, уж очень хорошо и со вкусом одеты, благоухают не по возрасту дорогим парфюмом. Ну, просто украшение весны! Ангелочки.

И только я с ними поравнялся, как одна из них загнула такого мужичьего отборного матюга, от которого, думаю, даже бывалый зэк остолбенел бы, поскольку эта грубая матерщина вывалилась из уст хрупкого и молочно-обаятельного существа лет пятнадцати. Нелепой оказалась невольно проскочившая перед этим мысль о бунинском «Лёгком дыхании», об Оленьке Мещерской, не по возрасту рано созревшей и развившейся гимназистке. Тут впору было бы, пожалуй, представить какую-нибудь мерзкую, раскорячившуюся собачонку на газоне, присевшую потужиться...

Они боковым зрением, несомненно, видели меня, что я иду слева от них и начинаю обгонять, что я уже поравнялся с ними. Они просто шли и разговаривали, не было никакой нужды материться: ни в атаку смертельную в этот момент они поднимались из окопов, ни, на худой конец, мешки с мусором тащили.

Понятно, что я для них не существовал в этот миг, но я был в шоке и сказал выругавшейся девице, что потрясён и что в голове моей не укладывается то, что услышал.

– Вы даже, – говорю, – не сознаёте, по-моему, себя девушкой, будущей женщиной-матерью...

Думаете, девица смутилась? Как бы не так! На той же волне, с весёлым смехом она призналась мне:

– Я сознаю, когда я добрая...

И ответил я на это с горечью душевной:

– Женщина должна себя сознавать женщиной даже во зле, только тогда его и победить возможно, это зло.

Сейчас скажу назидательную фразу: если девушка надушена самыми дорогими, самыми модными и утончёнными духами, а изо рта её клубится дым сигареты и вываливается матерщина, то – грош цена её дорогому благоуханию!

Страшно что-то происходит с нашим обществом. Но как винить молодёжь, которую мы сами таковою сделали. Как?

**Андрей
РУМЯНЦЕВ**

ЧТО ТЫ ТЕМЁН, ДОН?

*К 40-летию со дня кончины М.А. Шолохова
(21 февраля 1984 г.)*

Каждая великая книга таит загадку: как же автор достиг такого совершенства, такой полноты жизни в своём повествовании? Герои, их судьбы, мир вокруг них – всё до последней чёрточки одушевлено, правдиво, непреложно, как твоё собственное бытие, твои переживания и поступки.

Но это общая загадка великих писателей. А есть ещё загадки личные, у каждого автора свои.

Когда думаешь о романе «Тихий Дон», они, эти загадки – рядом, под рукой. Первая из них – как двадцатилетний автор мог замахнуться на такой грандиозный замысел, как нашёл богатырские силы осуществить его? Далее: как пришла смелость сесть за эпопею о времени совсем близком, ещё не остывшем от пролитой крови, kloкочущей ненависти? Ведь только три года прошло после мировой, а потом российской междоусобной бойни. Сказано было современником: «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянье». А такую народную трагедию, что обрушилась на Россию, и вообще-то трудно было охватить взором: ещё и не видны были её национальные масштабы, не подсчитаны потери, не оценены ближние и дальние последствия. Даже восстановить картину восьмилетних сражений, хотя бы на части фронтов – на западе и юге, было нелегко: ни собранных воедино и открытых для постороннего глаза документов, ни достаточного числа опубликованных свидетельств участников. Наконец, ещё одна закавыка: невиданное в истории потрясение, постигшее Россию и разошедшееся, как круги на воде от бро-

-
- Андрей Григорьевич Румянцев – поэт, журналист, переводчик, общественный деятель, заслуженный работник культуры Бурятии, Народный поэт Бурятии, член Союза писателей России и Союза журналистов России. Автор более тридцати книг. Его произведения публиковались во Франции, Болгарии, Эстонии, Китае, Канаде, Монголии, Казахстане. За плодотворную творческую деятельность удостоен многих литературных премий: Комитета по культуре Иркутской области (1996), Губернаторской премии Иркутской области (2004), Международной премии им. С. Есенина «О Русь, взмахни крылами!» (2017), премий журналов «Наш современник» (2010 и 2013) и «Сибирь» (2005). Лауреат Всероссийского литературного конкурса им. Твардовского «За далью – даль» (2015) и Международного фестиваля «Золотой Витязь» (2016, 2018) и др. Является действительным членом Петровской академии наук и искусств. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. С 2004 года является членом Высшего творческого совета Союза писателей России. Живёт в Москве.

шенного камня, по всему миру, ещё не осмыслено умами, на него нет устоявшихся взглядов, оно рождает разноречивые толки, ожесточённые споры, оно продолжает мучить, приводить в ярость, разрывать сердца – да как же молодому автору хватило разума, житейского и душевного опыта, чтобы осмыслить неостывшее людское буйство, провести сквозь него своих героев, не теряя из виду ни одного в немислимом переплетении судеб!

Кажется, эти вопросы и ответы на них – из области фантазий. Однако роман – вот он, перед нами. Огромная эпопея в четырёх томах.

Позже Шолохов вспоминал:

«Начал я писать роман в 1925 году. Причём я первоначально не мыслил так широко его развернуть. Привлекала задача – показать казачество в революции. Начал я с участия казачества в походе Корнилова на Петроград... Донские казаки были в этом походе в составе третьего конного корпуса. Начал с этого... Написал листов 5–6 печатных. Когда написал, почувствовал: что-то не то... Для читателя останется непонятным, почему же казачество приняло участие в подавлении революции? Что это за казаки? Что это за Область Войска Донского? Не выглядит ли она для читателя некоей Terra incognita?..*

Поэтому я бросил начатую работу. Стал думать о более широком романе. Когда план созрел, приступил к собиранию материала. Помогло знание казачьего быта...»

К началу работы над эпопеей М. Шолохов уже написал «Донские рассказы». С их страниц пахло жизнью особенной, неведомой читателю, ароматом южных степей, дыханием того быта и того языка, которые замесивались русским казачеством в течение нескольких веков. Причём мастерство рассказчика Шолохов обретал на глазах. Сравните рассказы «Родинка», появившийся в 1924 году, и «Лазоревая степь», созданный двумя годами позже. Первый из них автор начинает вроде бы ещё неопробованным, неестественным голосом:

«На столе гильзы патронные, пахнувшие сгоревшим порохом, баранья кость, полевая карта, сводка, уздечка наборная с душком лошадиного пота, краюха хлеба. Всё это на столе, а на лавке тёсаной, заплесневевшей от сырой стены, спиной плотно к подоконнику прижавшись, Николка Кошевой, командир эшелона, сидит».

А в «Лазоревой степи» этот голос найден, он звучит естественно от начала до конца; может быть, нет-нет да мелькнёт какая-нибудь литературная красивость, но это от чрезмерного желания сказать образно и по-своему:

«Дед Захар задыхался порывисто и часто; на минуту лицо его сморщилось и побелело; страшным усилием задушив короткое старческое рыдание, он вытер ладонью сухие губы, отвернулся. В стороне за музгой коршун, косо распластав крылья, ударился в траву и приподнял над землёй белогрудого стрепета. Перья упали снежными лохмотьями, блеск их на траве был нестерпимо резок и колюч...»

Иные критики называли «Донские рассказы» предысторией «Тихого Дона» – Шолохов решительно возражал: *«...Нельзя видеть предысторию там, где её нет. Некоторые литературоведы вырывают из текста слова,*

* Тайная, закрытая область.

сходные места, выражения, ищут совпадения. Однако всё, что они приводят в доказательство, на самом деле не имеет никакого значения в творческой истории создания «Тихого Дона».

Совпадения, конечно, можно найти без труда. Скажем, в рассказе «Лазоревая степь» главный герой служит кучером у старого пана и его сына. Пан не прочь побаловаться с женой кучера, своей горничной. Он посылает мужа среди ночи за фельдшером, а сам пробирается в каморку к его жене. Но догадливый кучер возвращается с дороги домой и жестоко избивает плетью старого хозяина. Эта история напоминает взаимоотношения отца и сына Листницких, Аксиньи и Григория (не совпадает буквально, а лишь напоминает). В другом рассказе, «Председатель реввоенсовета республики», хуторской ставленник большевиков по фамилии Богатырёв и его помощник Никон едут в волостной исполком за оружием и встречаются в степи атамана банды Фомина с четырьмя казаками. Начинается расправа над активистами новой власти, но Богатырёва спасает милицейский отряд. В «Тихом Доне» банде Фомина и её стычкам с красными тоже посвящено немало страниц. В рассказах и романе можно найти одни и те же фамилии, названия станиц и т.д.; там и там идёт речь о Верхнедонском восстании казаков против советской власти, о реквизициях зерна и проч. Это естественно: материал «Донских рассказов» и «Тихого Дона» один и тот же. Но произведения эти, разумеется, самостоятельные. Самое же существенное, чем они рождаются, – это не время действия и не события, описанные в них. Они близки художественно: дотошным знанием казачьих традиций, быта, языка, неукоснительной правдой изображения, оригинальной творческой манерой писателя.

Михаил Шолохов глубоко знал жизнь донского казачества – жизнь земледельческую и ратную. Сколько мелких подробностей быта узнаёшь из романа! Автор не мог почерпнуть это из книг или из разговоров со знающими людьми. Это надо было увидеть собственными глазами, вобрать в душу. Возьмите даже самое будничное: как запрячь коня и быка, вести плуг по пахотному клину, ловить рыбу в Дону, накормить лошадь сеном и овсом, скосить траву в низине и на косогоре, приготовить хлебово – на десятки «как» читатель найдёт живой, точный и запоминающийся ответ. Шолохов равнялся тут на отечественных классиков. Он говорил позже: *«Общеизвестно, что Лев Толстой знал душу русского мужика, как никто из нас, современных писателей; Горький исходил всю Россию пешком; Лесков исколесил её на почтовых и вольнонаёмных лошадях; Чехов, даже будучи тяжело больным, нашёл в себе силы и, движимый огромной любовью к людям и профессиональной писательской настоящей любознательностью, всё же съездил на Сахалин. А многие из нынешних писателей, в частности многие из москвичей, живут в заколдованном треугольнике: Москва–дача–курорт и опять курорт–Москва–дача».*

Но знание жизни – это богатство писателя, которым ещё предстоит распорядиться. Важно, какое произведение – по охвату событий, философскому осмыслению их – напишет автор, черпая из своей богатой кладовой: рассказ, повесть, роман, эпопею. Замысел, который осуществил Михаил Шолохов, грандиозен во всех отношениях.

«Тихий Дон» – это роман о кровавой судьбе России в первой четверти прошлого века, художественное свидетельство о русском человеке в дни войны и революции, повествование правдивое и страшное. Войны в двадца-

том веке достигли предельной жестокости. И, может быть, «Тихий Дон» вызвал огромный интерес в мире потому, что везде, в любом уголке земли, хотят знать правду: каков же человек на войне?

А он всякий. Он тяжело, мучительно переживает встречу со смертью – пока ещё не со своей, а с чужой. Он зажимает в кулак своё пугливое и негодующее сердце и без жалости убивает другого человека. Наконец, он испытывает дикую радость из-за того, что может уничтожить себе подобного, как муравья или жучка; в этом ощущении себя сверхчеловеком, властелином чужой жизни и смерти – опьянение преступника. Разные люди – разное отношение к войне. Шолохов как раз увидел разных людей: он всматривается в них, сравнивает, пытается понять первого, второго, третьего... И в этом исследовании человека на войне, в этом честном рассказе о фронтовике – вселенский смысл его книги, всеобщее значение её.

На первых страницах романа Гришка Мелехов и его сверстники, молодые казаки, ещё во власти мирной, беззаботной юности. Родной курень, обжитой и ухоженный баз, сложившийся столетиями быт – всё свято с младенчества, а извечный круг крестьянских, хлеборобских забот дан Богом. И вдруг война, чёрная страда, страшный урожай которой – трупы, обезображенные раненые, кровь и вши. Противная разуму, безбожная работа, цель которой – убийство, убийство и убийство, меняет душу человека, корёжит её безжалостно и беспрерывно.

Когда впервые на фронте, ещё у прусско-русской границы, встретились Григорий и Петро Мелеховы, разговор у братьев не мог не коснуться их нового кровавого ремесла.

« – Как оно? – спросил Петро, стягивая рубаху, обнажая белое тело с ровно надрезанной полосой загара на шее.

– А вот видишь, как, – заторопился Григорий, и голос окреп в злобе, – людей стравили, и не попадайся! Хуже бирюков стал народ. Злоба кругом. Мне зараз думается, ежели человека мне укусить – он бешеный делается.

– Тебе-то приходилось... убивать?

– Приходилось! – почти крикнул Григорий и скомкал и кинул под ноги рубаху. Потом долго мял пальцами горло, словно пропихивая застрявшее слово, смотрел в сторону.

– Говори, – приказал Петро, избегая и боясь встретиться с братом глазами.

– Меня совесть убивает. Я под Лешнювом заколол одного пикой. Сгоряча... Иначе нельзя было... А зачем я этого срубил?

– Ну?

– Вот и ну, срубил зря человека и хвораю через него, гада, душой. По ночам снится, сволочь. Аль я виноват?

– Ты не обмялся ишо. Погоди, оно придёт в чоку».

А вот однополчанин Григория, казак Алексей Урюпин, по кличке Чубатый, тот сразу «обмялся». Для него война – мать родна.

« – Убью и не вздохну – нет во мне жалости! – Глаза Чубатого смеялись, но Григорий по голосу, по хищному трепету ноздрей понял, что говорит он серьёзно.

– Дикой ты и чудак, – сказал Григорий, внимательно осматривая лицо Чубатого.

– У тебя сердце жидкое. А баклановский удар знаешь? Гляди!

Григорий долго не мог усвоить сложной техники удара.

– Сильный ты, а рубить дурак. Вот как надо, – учил Чубатый, и шапка его в косом полёте разила цель с чудовищной силой.

– Человека руби смело. Мягкий он, человек, как тесто, – поучал Чубатый, смеясь глазами. – Ты не думай, что и как. Ты – казак, твоё дело – рубить не спрашивая. В бою убить врага – святое дело. За каждого убитого скашивает тебе Бог один грех, как и за змею. Животную без потребности нельзя губить – тёлка, скажем, или ишо что, – а человека уничтожай. Поганый он, человек... Нечисть, смердит на земле, живёт вроде гриба-поганки».

Григорий сказал тогда Чубатому:

« – Волчиное в тебе сердце, а может, и никакого нету, камушек вместо него заложенный.

– Могёт быть, – охотно соглашался Чубатый».

Я думаю о том, что только великий художник может передать другим людям потрясающую правду о бессмысленности и жестокости войны, особенно той, что не связана с освобождением народа от рабства или защитой собственной земли. Шолохов дошёл до глубин этой правды; первая мировая война как вселенская бойня нарисована им с небывалой для двадцатилетнего писателя силой. Вспоминается картина В. Верещагина «Апофеоз войны»: пирамида человеческих черепов и вороны на её макушке. Этот символ напоминает и предостерегает; шолоховские же строки, которые я сейчас выпишу, западают в память за пределами по жестокости подробностями преступной войны; его картина жжёт и не даёт покоя.

«Казачья сотня насторожённо двигалась пешим ходом к переднему краю.

На небольшой прогалине наткнулись на длинную стёжку трупов. Они лежали внакат, плечом к плечу, в различных позах, зачастую непристойных и страшных.

Тут же похаживал солдат с винтовкой и противогазовой маской, привешенной сбоку, у пояса. Около трупов была густо взмешана влажная земля, виднелись следы многих ног, глубокие шрамы на траве, оставленные колёсами повозки. Сотня шла в нескольких шагах от трупов. От них уже тёк тяжкий, сладковатый запах мертвечины. Командир сотни остановил казаков и со взводными офицерами подошёл к солдату. Они о чём-то говорили. В это время казаки, изломав ряды, надвинулись ближе к трупам, снимая фуражки, рассматривая убитых с тем чувством скрытого трепетного страха и звериного любопытства, которое испытывает всякий живой к тайне мёртвого. Все убитые были офицеры. Казаки насчитали их сорок семь человек. Большинство из них были молодые, судя по виду – в возрасте от 20 до 25 лет, лишь крайний справа, с погонами штабс-капитана, был пожилой. Над его широко раскрытым ртом, таившим немые отзвуки последнего крика, понуро висели густые чёрные усы, на выбеленном смертью лице хмурились в смелом разлёте широкие брови. Некоторые из убитых были в изватанных грязью кожаных тужурках, остальные – в шинелях. На двух или трёх не было фуражек. Казаки особенно долго смотрели на красивую и после смерти фигуру одного поручика. Он лежал на спине, левая рука его была плотно прижата к груди, в правой, кинутой в сторону, навсегда застыла рукоять нагана. Наган, видимо, пытались вынуть – жёлтая широкая кисть руки белела царапинами, но, зная, плотно вкипела сталь – не расстаться. Белокурая курчавая голова, со сбитой фуражкой, словно ласкаясь, никла щекой к земле, а оранжевые, тронутые синевой губы скорбно, недоумённо кривились. Сосед его справа лежал вниз лицом, на спине горбом бугрилась шинель с оторванным хлястиком, обнажая сильные, напружиненные мускулами ноги в брюках цвета хаки и коротких хромоновых сапогах, с покривлёнными на сторону каблуками. На нём не было фуражки, не было и верхушки черепа, чисто срезанной осколком снаряда; в порожней черепной короб-

ке, обрамлённой мокрыми сосульками волос, светлела розовая вода, – дождь налил. За ним в распахнутой тужурке и изорванной гимнастёрке лежал плотный, невысокий, без лица; на обнажённой груди косо лежала нижняя челюсть, а ниже волос белела узкая полоска лба с опалённой, скатавшейся в трубочки кожей, в середине между челюстью и верхушкой лба – обрывки костей, чёрно-красная жидкая кашлица. Дальше – небрежно собранные в кучу куски конечностей, шмотья шинели, истрощённая мятая нога на месте головы; а ещё дальше – совсем мальчишка, с пухлыми губами и отроческим овалом лица; по груди резанула пулёмная струя, в четырёх местах продырявлена шинель, из отверстий торчат опалённые хлопья.

– Этот... этот в смертный час кого кликал? Матерю? – заикаясь, клацая зубами, спросил Иван Алексеевич и, круто повернувшись, пошёл как слепой.

Казаки отходили поспешно, крестясь и не оглядываясь. И после долго берегли молчание, пробираясь по узким прогалинам, спеша уйти от воспоминаний виденного...

...Щербатый Афонька Озеров, лапая руку Ивана Алексеевича, шёпотом сказал:

– Этот парнишка... последний... гляди, небось, за всю жисть бабу не целовал... И зарезали, это как?

– Это где же их так наворочали? – вмешался Захар Королёв.

– В наступление или. Солдат, какой охранял мертвяков, гутарил, – помолчав, ответил Борщёв».

В мировой литературе война 1914–1918 годов получила яркое художественное воплощение. Вершинами стали романы «Прощай, оружие!» Эрнеста Хемингуэя, «Огонь» Анри Барбюса, «На западном фронте без перемен» Эриха Марии Ремарка. Пожалуй, все эти произведения, при бесспорной самобытности каждого из них, объединяет одна доминанта – мысль о жестокости и бессмысленности мировой бойни, по словам Хемингуэя, «самой колоссальной, какая только была на земле». Точно так же, как Григорий Мелехов, герой американского писателя лейтенант Фредерик Генри дезертирует с фронта. И точно так же, как Шолохов, французский писатель в своём романе «Огонь» приходит к выводу, что война несёт человеку одиночание, полную деградацию.

Если бы автор «Тихого Дона» написал только первую и вторую книги романа, его свидетельство о мировой войне достойно вошло бы в ту сокровищницу, о которой мы упомянули. Но трагедия русского народа, втянутого в эту бойню, имела продолжение, и Шолохов проследил её в своей эпопее до конца.

Писатель не политик, его исследование жизни – художественное. Невиданное по трагизму, социальным потрясениям время, когда участие России в мировой войне, разруха, противостояние классов переросли в революцию и гражданскую резню, нарисовано Шолоховым в ярчайших художественных образах, нарисовано честно, без предубеждения, с огромной изобразительной силой. Для писателя нет правых и виноватых, своих и чужих; он не осуждает одних героев и не защищает других. Его задача – беспристрастно, правдиво, убедительно передать событие, человеческий поступок, картину жизни; читатель сам откликнется на рассказ автора любовью или возмущением, состраданием или гневом.

Поразительно, что в дни, когда победившая власть оказывала на писателей идеологическое давление, пыталась контролировать их творчество, выра-

батывала нужные ей литературные рецепты, молодой Шолохов оказался стоек и непреклонен. По тем страницам романа, которые посвящены революции, мы хорошо можем представить, как относились к ней разные слои казачества.

Коренной казак был, конечно, против неё; казачество помнило, зачем утверждали его русские цари, какие обязанности и привилегии закрепляли за этим сословием. В шестнадцатом году Урюпин, упомянутый нами станичник, говорил Григорию:

« – ...Толку-то нету от этих революций, баловство одно. Ты пойми то, что нам, казакам, нужна своя власть, а не иная. Нам нужен твёрдый царь, наподобие Миколая Миколаевича, а с мужиками нам не по дороге – гусь свиные не товарищи. Мужики землю норовят оттягать, рабочий жалованье себе желает прибавить, – а нам чего дадут? Земли-то у нас – ого! А окромя чего надо? То-то и ба, что пустая торба. Царёк-то у нас хреновый, нечего греха таить. Папаша ихний был потвёрже, а этот достукается, что взывает, как в пятом годе, революция, и к едрене-Матрене пойдёт всё колесом с горы. Нам это не на руку. Коль, не дай Бог, прогонят царя, то и до нас доберутся. Тут старую злобу прикинут, а тут земли наши зачнут мужикам нарезать. Ухи надо востро держать... »

Узнав о февральской революции, земляки Мелехова тревожно рассуждали:

« – Раз равенство – значит, с мужиками нас поравнять хотят...

– Гляди, небось, и до земельки доберутся?.. »

Но, с другой стороны, голоштаные казаки надеялись, что революция облегчит их жизнь, сравняет в правах и достатке с богатеями. Один из таких бедняков, Иван Лагутин, предчувствуя перемены, смело делится своей надеждой с офицером Евгением Листницким летом 1917 года:

« – Что ж, господин есаул, – видимо, решившись, заговорил Лагутин, поднимая глаза, настойчиво разыскивая взгляд Листницкого, – большевики последнюю земляшку у меня не возьмут. У меня в аккурат один пай, им моя земля без надобности... А вот, к примеру – вы не обижайтесь только! – у вашего папаша десять тыщев десятин...

– Не десять, а четыре.

– Ну, всё одно, хучь и четыре – рази мал кусок? Какой же это порядок, можно сказать? А кинь по России – таких, как ваш папаша, очень даже много. И так рассудите, господин есаул, что каждый рот куска просит. И вы желаете кушать, и другие всякие люди тоже желают есть. Это ить один цыган приучал кобылу не есть, дескать, привыкнет без корму. А она, сердешная, привыкала, привыкала да на десятые сутки взяла да издохла... Порядки-то кривые были при царе, для бедного народа вовсе суковатые... Вашему папаше отрезали вон, как краюху пирога, четыре тыщи, а ить он не в два горла есть, а так же, как мы, простые люди, в одно. Конечно, обидно за народ!.. Большевики – они верно нацеливаются, а вы говорите – воевать...

Листницкий слушал его с затаённым волнением. К концу он уже понимал, что бессилён противопоставить какой-либо веский аргумент, чувствовал, что несложными, убийственно-простыми доводами припёр его казак к стене, и оттого, что заворошилось наглухо упрятанное сознание собственной неправоты, Листницкий растерялся, озлился».

Это только в заранее обдуманых, сшитых по заготовленным выкройкам романах действующие лица гладко говорят то, что от них хочет автор. А в подлинных произведениях герои ведут себя своеобразно, не спрашивают разрешения на свои доводы, выбирают на распутье стёжки по собственному разумению. У Шолохова сколько казаков – столько и судеб, и характеров, и мнений о жизни. Ещё один казак, Ефим Изварин, толковывает Мелехову:

« – Гриша, ты, дружок, пойми вот что – это основное: сейчас казаку и крестьянину с большевиками по пути. Знаешь, почему?

– Ну?

– Потому... – Изварин крутил носом, округляя его, смеялся: – Потому, что большевики стоят за мир, за немедленный мир, а казакам война вот где сейчас сидит!

Он звонко шлёпал себя по тугой смуглой шее и, выравнивая изумлённо вздыбленную бровь, кричал:

– Потому казаки пахнут большевизмом и шагают с большевиками в ногу. Но-о-о, как толь-ко кон-чит-ся вой-на и большевики протянут к казачьим владениям руки, пути казачества и большевиков разойдутся! Это обосновано и исторически неизбежно. Между сегодняшним укладом казачьей жизни и социализмом – конечным завершением большевистской революции – непереходимая пропасть...»

И можно было понять паническое настроение Петра Мелехова, честно-го служаки, офицера, который после мировой войны естественно оказался среди белоксаков и вместе с ними потерпел поражение, – загнанный и смертельно уставший, он возвратился в родной хутор, предчувствуя появление красных:

« – Ну что? – спросил Пантелей Прокопьевич, едва Петро перешагнул порог. – Навоевался? Без погон приехал? Ну иди-иди, поручкайся с братом, матью порадуешь, жена вон истосковалась...»

...Все ждали от Петра слова, а он, кивнув с порога хрипловато: «Здорово живёте!» – молча раздевался, долго обметал сапоги просяным венником и, выпрямив согнутую спину, вдруг жалко задрожал губами, как-то потерянно прислонился к спинке кровати, и все неожиданно увидели на обмороженных, почерневших щеках его слёзы.

– Служивый! Чего это ты? – под шутиливостью хороня тревогу и дрожь в горле, спросил старик.

– Пропали мы, батя! »

Они должны были пропасть, оказавшись, как зёрна между жерновами, в мелеве Гражданской войны. Не уйдёшь с отступающими белыми – расстреляют красные. Переметнёшься к красным – рано или поздно получишь пулю от тех станичников, что ненавидят большевиков.

Для многих воюющих с обеих сторон эта бойня казалась бессмысленной.

«Я бы этих верховодов, – говорил офицер из казаков Григорию Мелехову, – свёл один на один и сказал: «Вот вам, господин Ленин, вахмистр – учитель у него владеть оружием. А вам, господин Краснов, стыдно не уметь». И пускай бы, как Давид с Голиафом, бились: чей верх, того и власть. Народу всё равно, кто им правит. Как вы думаете, господин хорунжий?»

В этом была сермяжная правда. Казак дрался против большевиков потому, что боялся: у него отберут землю в пользу «мужиков», уничтожат казачье самоуправление, сословные традиции и быт; мужики же, составившие Красную армию, видели в казаках опору царской, ненавистной власти, государство в государстве: вроде бы русский это народ, да какой-то особенный, гонористый и высокомерный.

Говорить обо всём этом в романе – безбоязненно и выстраданно – мог только писатель бесстрашный. Особенно когда дело касалось неслыханных зверств с обеих сторон. После гражданской войны в Советской Рос-

сии появилось немало произведений, в которых монстрами изображались лишь белогвардейцы. Только они пытались, расстреливали, рубили шашками пленных, «выбивали» дурь из мирных жителей, сочувствовавших Советам, мародёрствовали и насильничали. И вся революционная романтика состояла в том, чтобы «умереть за дело рабочего класса»:

*Возникай содружество
Ворона с бойцом –
Укрепляйся мужество
Сталью и свинцом,*

*Чтоб земля суровая
Кровью истекла,
Чтобы юность новая
Из костей взошла.*

А на чьей крови и на чьих костях должна была взойти новая жизнь? На крови и костях Григория и Петра Мелеховых?

Самой яркой фигурой из красных казаков был в годы гражданской войны Подтёлков. Шолохов ввёл его в роман как лицо подлинное, историческое. Основываясь на документах и воспоминаниях, писатель нарисовал его без конъюнктуры, с художественной прямоотой.

«Ещё до избрания его председателем ревкома он заметно переменился в отношении к Григорию и остальным знакомым казакам, в голосе его уже текли сквозняком нотки превосходства и некоторого высокомерия. Хмелем была власть в голову простого от природы казака».

Однажды, в начале гражданской войны, в штаб к Подтёлкову привели «густую толпу» взятых в плен казачьих офицеров. Обезумевший от ненависти, Подтёлков собственноручно зарубил шашкой старшего из них, Чернецова.

«Подтёлков рубанул его ещё раз, отошёл постаревшей, грузной походкой, на ходу вытирая покатые доли шашки, червоневшие кровью. Ткнувшись о тачанку, он повернулся к конвойным, закричал выдохшимся, лающим голосом:

– Руби-и-и их... такую мать! Всех!.. Нету пленных... в кровину, в сердце!

Лихорадочно застучали выстрелы. Офицеры, сталкиваясь, кинулись врассыпную. Поручик с красивейшими женскими глазами, в красном офицерском башлыке, побежал, ухватясь руками за голову. Пуля заставила его высоко, словно через барьер, прыгнуть. Он упал – и уже не поднялся. Высокого, бравого есаула рубили двое. Он хватался за лезвия шашек, с разрезанных ладоней его лилась на рукава кровь; он кричал как ребёнок, – упал на колени, на спину, перекачивал по снегу голову; на лице виднелись одни залитые кровью глаза да чёрный рот, просверленный сплошным криком. По лицу полосовали взлётывающие шашки, по чёрному рту, а он всё ещё кричал тонким от ужаса и боли голосом. Раскорячившись над ним, казак, в шинели с оторванным хлястиком, прикончил его выстрелом. Курчавый юнкер чуть не проорвался через цепь – его настиг и ударом в затылок убил какой-то атаманец. Этот же атаманец вогнал пулю промеж лопаток сотнику, бежавшему в раскрылатившейся от ветра шинели. Сотник присел и до тех пор скрёб пальцами грудь, пока не умер. Седоватого подвесаула убили на месте; расставаясь с жизнью, выбил он ногами в снегу глубокую яму и ещё бы бил, как добрый конь на привязи, если бы не dokonчили его сжалившиеся казаки.

Григорий в первый момент, как только началась расправа, оторвался от тачанки, не сводя с Подтёлкова налитых мутью глаз, хромя, быстро зако-

вылял к нему. Сзади его поперёк схватил Минаев, — ломая, выворачивая руки, отнял наган; заглядывая в глаза померкшими глазами, задыхаясь, спросил:

— А ты думал — как?»

После Мелехов мучился: «Не мог ни простить, ни забыть Григорий гибель Чернецова и бессудный расстрел пленных офицеров».

Люди впадали в первобытное зверство. Ежедневные убийства и насилия с обеих враждующих сторон выталкивали на поверхность борьбы самых аморальных, злобных, неуправляемых садистов. Кто такой Мишка Кошевой, получивший неограниченную власть в хуторе Татарском? Неуч, выскочка, жестокий самозванец. Напросившись на должность председателя ревкома, он в первые же минуты своего правления в хуторе «сказал, глядя в пространство, не разжимая зубов:

— Я вам, голуби, покажу, что такое советская власть!»

За всем поведением Кошевого, его резкими разговорами, больше смахивающими на демагогию, виден человек недалёкий. Получив должность, «он надел новые шаровары, сунул в карман наган». По хутору он «шёл медленно и важно; походка его была столь необычна, что кое-кто из хуторных при встрече останавливался и с улыбкой смотрел ему вслед. Прохор Зыков, повстречавшийся ему в переулке, с шутилой почтительностью попытлся к плетню, спросил:

— Да ты что это, Михаил? В будний день во всё доброе вырядился и выступаешь как на параде... Уж не сызнова ли свататься идёшь?»

Уже по этим строкам мы можем судить об отношении автора к своему герою. Но ироническая улыбка читателя вскоре обязательно сменится чувством омерзения к этому холоду и церберу новой власти. Загнав под глубокий речной яр Петра Мелехова с десятком белоказаков, Кошевой и его воинство пообещали сохранить им жизнь, если они вылезут наверх. А когда те вылезли, Мишка приказал Петру (заметьте: с обеих сторон — жители одного края, иные — одного хутора):

« — Раздевайся!

Петро проворно скинул полушубок, бережно свернул и положил его на снег; снял папаху, пояс, защитную рубашку и, присев на полу полушубка, стал стаскивать сапоги, с каждой секундой всё больше и больше бледнея...

— Бельё не сымай, — прошептал Мишка и, вздрогнув, вдруг пронзительно крикнул: — Живей ты!..

Петро засуетился, скомкал снятые с ног шерстяные чулки, сунул их в голенища, выпрямившись, ступил с полушубка на снег босыми, на снегу шафранно-жёлтыми ногами.

— Кум! — чуть шевеля губами, позвал он Ивана Алексеевича (Котлярова, большевика. — А.Р.). Тот молча смотрел, как под босыми ступнями Петра подтаивает снег. — Кум Иван, ты моего дитя крестил... Кум, не казните меня, — попросил Петро и, увидев, что Мишка уже поднял на уровень его груди наган, расширил глаза, будто готовясь увидеть нечто ослепительное, как перед прыжком, вобрал голову в плечи. Он не слышал выстрела, падая навзничь, как от сильного толчка...

На заре разведка, посланная к Красному яру, вернулась с известием, что... Петро Мелехов с десятью казаками лежат изрубленные там же, в вершине яра... »

Кошевой не пощадил даже насильственно мобилизованного белыми подростка — однохуторянина Маныцкова, который несколькими минутами раньше, плача, просил взрослых:

« — Отцы! Родимые! Пустите вы меня отсель! Не хочу... Не желаю умирать! »

Звери в человеческом обличье оставили мальчишку на снегу таким: *«затылок его был срезан начисто умелым ударом; чёрные сосульки волос бахромой окаймляли обнажённые черепные кости».*

В Донском ревкоме, установившем свою власть над приречным краем, действовал трибунал. Здесь подвизался казак Илья Бунчук. Шолохов так описывает его круглосуточные занятия:

«В эту же ночь Бунчук с командой красновардейцев в шестнадцать человек расстрелял за городом, на третьей версте, пятерых приговорённых к расстрелу...»

Почти ежедневно в полночь вывозили за город на грузовом автомобиле приговорённых, наспех рыли им ямы, причём в работе участвовали и смертники, и часть красновардейцев. Бунчук строил красновардейцев, ронял чугуно-глухие слова:

– По врагам революции, – и взмахивал наганом, – пли!..»

Белые тоже не оставались в долгу. Причём чаще всего смерти предавались не одиночки, а десятки и сотни людей. Ожесточение в междуусобной войне достигало такого накала, что её участники теряли всякое человеческое подобие, зверствовали и глумились над жертвами с дьявольской изощрённостью. Думаю, даже описывать такие картины – а Шолохов строго руководствовался документами и воспоминаниями участников событий – было небезопасно для психики:

«В конюшне для станичных жеребцов – длинном каменном здании, стоявшем на краю станицы, – было битком набито более восьмисот пленных красноармейцев. Стража не выпускала их оправляться, параш в помещении не было. Тяжкий, густой запах человеческих испражнений стеною стоял около конюшни. Из-под дверей стекали зловонные потоки мочи; над ними тучами роились изумрудные мухи... День и ночь в этой тюрьме для обречённых звучали глухие стоны. Сотни пленных умирали от истощения и свирепствовавших среди них тифа и дизентерии. Умерших иногда не убивали по суткам...»

На другой день в пески вывели первую партию пленных в двести человек. Измождённые, иссиня-бледные, еле передвигающие ноги красноармейцы шли как тени. Конный конвой плотно окружал их нестройно шагающую толпу... На десятивёрстном перегоне Вёшенская-Дубровка двести человек были вырублены до одного.

Вторую партию выгнали перед вечером. Конвою было строго приказано: отстающих только рубить, а стрелять лишь в крайнем случае. Из полутораста человек восемнадцать дошли до Казанской...»

Это происходило на земле, одинаково дорогой и белым, и красным. Даже тогда, когда казаков объединяло одно желание – мирно хозяйствовать на своём хлебном поле и луговом покосе, жить только своим трудом, разным силам – станичным и окружным атаманам, белым генералам, красным крикунам – удавалось сбить казаков с толку, стравить между собой, замешать злобу на крови. В противостоянии характеров, амбиций, коренных и мелочных интересов часто верховодами оказывались люди фанатичные, безрассудные и безжалостные.

Восставших в тылу Красной армии донских казаков возмущала продрозёрстка. Поэтому, когда к ним в плен попал командир карательного отряда Лихачёв, они, не очень-то разбираясь в классовых теориях, просили одно:

уйдите из нашего края. Но самоуверенный и бесстрашный рубака Лихачёв, не признававший никаких препятствий для утверждения коммуны, вёл себя на допросе дерзко. С презрением отвечал он на вопросы вожака повстанцев Суярова:

« – Вот что, Лихачёв, – начал Суяров, переглядываясь с командирами сотен. – Скажи нам, какой численности у тебя отряд?»

– Не скажу.

– Не скажешь? Не надо. Мы сами из бумаг твоих поймём. А нет – красноармейцев из твоей охраны допросим. Ишо одно дело попросим (Суяров налёг на это слово) мы тебя: напиши своему отряду, чтобы они шли в Вёшки. Воевать нам с вами не из чего. Мы не против Советской власти, а против коммуны и жидов. Мы отряд твой обезоружим и распустим по домам. И тебя выпустим на волю. Одним словом, пропиши им, что мы такие же трудящиеся и чтобы они нас не опасались, мы не супротив Советов.

Плевок Лихачёва попал Суярову на седенький клинышек бородки. Суяров бороду вытер рукавом, порозовел в скулах. Кое-кто из командиров улыбнулся, но чести командующего защитить никто не встал.

– Обижает нас, товарищ Лихачёв! – уже с явным притворством заговорил Суяров. – Атаманы, офицеры над нами смеялись, плевали на нас, и ты – коммунист – плюёшься. А все говорите, что вы за народ... Эй, кто там есть?... Уведите комиссара. Завтра отправим тебя в Казанскую».

Суяров обещал Лихачёву на допросе:

« – ...У нас не так, как у вас, – расстрелов нету. Мы тебя вылечим, и ты ишо, может, пользу нам принесёшь...»

Но едва казаки вывели Лихачёва за хутор, как самосуд свершился. *«...В семи верстах от Вёшенской, в песчаных, сурово насуспенных бурунах его зверски зарубили конвойные. Живому выкололи ему глаза, отрубили руки, уши, нос, искрестили шашками лицо. Расстегнули штаны и надругались, испоганили большое, мужественное, красивое тело. Надругались над кровоточащим обрубком, а потом один из конвойных наступил на хлипко дрожащую грудь, на поверженное навзничь тело и одним ударом наискось отсёк голову».*

Гражданская война всё время оставляет людям возможность для отмщения, возмездия. Только что Кошевой убивал земляков-станичников, сжёг полхутора, в том числе дом Коршуновых – и вот Митька Коршунов злодейски расправился с матерью Мишки и её младшими детьми, спалил её неказистый курень. Давно ли Штокман, Подтёлков и Котляров, видные большевики, с революционной непреклонностью отправляли пленённых казаков из белого стана на смерть, а уже судьба приготовила расплату им. Закономерна сцена, когда Григорий становится свидетелем казни подтёлковцев. Увидев в толпе Мелехова, Подтёлков с ненавистью говорит ему:

« – ...Что же, расстреливаешь братьев? Обвернулся?... Вон ты какой... – он, близко придвинувшись к Григорию, шепнул: – И нашим и вашим служишь? Кто больше даст? Эх, ты!..»

Григорий поймал его за рукав, спросил, задыхаясь:

– Под Глубокой бой помнишь? Помнишь, как офицеров стреляли... По твоему приказу стреляли! А? Генерича тебе отрыгивается! Ну, не тужи! Не одному тебе чужие шкуры дубить!..»

Нет, не зря бдительные критики двадцатых-тридцатых годов называли роман Шолохова контрреволюционным. В нём не соблюдались их правила: белые должны быть только демонами, красные – только ангелами. Ну, чуть-чуть может, писателю разрешалось смешивать краски. А у Шолохова всё не так.

Поясняя свою позицию, автор «Тихого Дона» писал в предисловии к английскому изданию романа: «...В отзывах английской прессы я часто слышу упрёк в «жестоком» показе действительности. Некоторые критики говорили и вообще о «жестокости русских нравов».

Что касается первого, то, принимая этот упрёк, я думаю, что плох был бы тот писатель, который прикрашивал бы действительность в прямой ущерб правде и щадил бы чувствительность читателя из ложного желания приспособиться к нему. Книга моя не принадлежит к тому разряду книг, которые читают после обеда, единственная задача которых состоит в способствовании мирному пищеварению.

А жестокость русских нравов едва ли превосходит жестокость нравов любой другой нации... И не более ли жестоки и бесчеловечны были те культурные нации, которые в 1918–1920 годах посылали свои войска на мою измученную родину и пытались вооружённой рукой навязать свою волю русскому народу?»

В мире хорошо понимали переживания шолоховских героев: их страдания повторялись (и повторяются сейчас) то в Испании, то в Афганистане, то в Ираке. Сердце вселенской Матери всегда отзовется на русское, вдовье:

«Рви, родимая, на себе ворот последней рубахи! Рви жидкие от безрадостной, тяжкой жизни волосы, кусай свои в кровь искусанные губы, ломай изуродованные работой руки и бейся на земле у порога пустого куреня! Нет у твоего куреня хозяина, нет у тебя мужа, у детишек твоих – отца, и помни, что никто не приласкает ни тебя, ни твоих сирот, никто не избавит тебя от непосильной работы и нищеты, никто не прижмёт к груди твою голову ночью, когда упадёшь ты, раздавленная усталю, и никто не скажет тебе, как когда-то говорил он: «Не горюй, Аниська! Проживём!» Не будет у тебя мужа, потому что высушили и издурнили тебя работа, нужда, дети; не будет у твоих полуголых, сопливых детей отца; сама будешь пахать, боронить, задыхаясь от непосильного напряжения, скидывать с косилки, метать на воз, поднимать на тройчатках тяжёлые вороха пшеницы и чувствовать, как рвётся что-то внизу живота, а потом будешь корчиться, накрывшись лохунами, и исходить кровью».

Кажется, только братьям Мелеховым оставлял писатель поначалу души, не запятнанные чёрным грехом – расстрелами плененных и беспомощных людей. Конечно, это тоже не ангелы. Григорий, например, мог хлестнуть по лицу плёткой и назвать последним словом Аксинью, изменившую ему; мог оттолкнуть ногой обеспамятевшую от горя Дарью, которая ползла по двору на четвереньках за людьми, переносившими из саней в дом её мёртвого мужа; мог в закипевшем бою зарубить мчавшегося навстречу красноармейца; но насилие над женщиной, мародёрство, издевательство над слабым вызывали у него гнев. Однако среди всеобщей, повальной низости это доставалось ему постоянными нравственными усилиями.

Может быть, трагизм «Тихого Дона» в том и состоит, что кровавый век постоянно толкает честного и доброго человека в омут зла, преступления, а тот ищет силы выстоять и сохранить свою душу. Но какой ценой это даётся!

Мелехов говорит своей жене Наталье:

« – Какая уж там совесть, когда вся жизнь похитнулась... Людей убиваешь... Неизвестно, для чего всю эту кашу... У меня вот тут сосёт и сосёт, кортит всё время... Неправильный у жизни ход, и, может, и я в этом вино-

ватый... Зараз бы с красными надо замиричься и – на кадетов. А как? Кто нас сведёт с Советской властью? Как нашим обчим обидам счёт про-извести? Половина казаков за Донцом, а какие тут остались – остервенились, землю под собой грызут... Всё у меня, Наташка, помутилось в голове... Я так об чужую кровь измазался, что у меня уж и жали ни к кому не осталось. Детву – и эту почти не жалею, а об себе и думки нету. Война всё из меня вычерпала. Я сам себе страшный стал... В душу ко мне глянь, а там чернота, как в пустом колодезе...»

В чём же вина Григория Мелехова перед Советской властью? Её нет. То, что он участвовал во время раздрая в обороне Дона от наступающей Красной армии – в этом нет вины Мелехова. Его понимание событий: мужичье идёт, чтобы установить на Дону не казачьи порядки, верно, и его житейский опыт приказывает ему защищаться. Что ещё? Больше претензий к Мелехову не может быть. Он честен, не скрывает своих взглядов, да они и близки большинству казаков; и если не все из них поступают как Григорий, так это их трагедия: одних запугали, другие безвольно отстранились от решения своей судьбы. Мелехов, как и все в его семье, – работник. Он никогда не надеялся на чужие руки, только на свои; он никогда не зарился на чужое добро; у него нет зуда отбирать что-то у других, жить на дармовщину. Он готовил себя к честной трудовой жизни на донской земле. И всякое насилие над своей душой он не переносит, жизнь по чужой указке ему претит. Почему же силой оружия его заставляют изменить свою судьбу?

Сегодня, смотря на шолоховских героев незашоренным взглядом, мы можем только поражаться, как свободно от всякой идеологии, от заданности художественное повествование писателя. Поведение того же Григория выверено, объяснимо, естественно до мельчайших подробностей. Как мог он поступить после германского фронта весной 17-го года? Только так, как поступил: самовольно отрешиться от ненавистной войны. Где должен был оказаться он после Октябрьской революции – георгиевский кавалер, офицер из казаков? Конечно, в армии донского атамана Краснова. К чему могла подвигнуть его бессмысленная междоусобная драка белых и красных, лживая и эгоистичная позиция казачьей верхушки? К переходу к красным, если учесть, что ход событий толкнул к ним многих его одностаничников. Наконец, мог ли он стать единомышленником хуторских и иногородних самозванцев, всех этих кошевых, котляровых и штокманов – заправил ревкомов и ревтребуналов, приобретших неограниченную власть над станичниками, измученными войной, смутой, реквизициями, ежедневной угрозой смерти? Конечно, нет, потому что зрелый, умный, самостоятельный, трудолюбивый казак хорошо видел жестокость, несправие и ущербность жизни, которая ему готовилась. Вот что чувствовал Григорий, например, когда примкнул к восставшим против Советов казакам Верхне-Донского округа – и разве не прав был он в своей горячечной решимости?!

«Тенью от тучи проклубились те дни, и теперь казались ему его искания зрящими и пустыми. О чём было думать? Зачем металась душа, как зафлаженный на облаве волк, в поисках выхода, в разрешении противоречий? Жизнь оказалась усмешливой, мудро-простой. Теперь ему уже казалось, что извечно не было в ней такой правды, под крылом которой мог бы посогреться всякий, и, до края озлобленный, он думал: у каждого своя правда, своя борозда. За кусок хлеба, за делянку земли, за право на жизнь всегда боролись люди и будут бороться, пока светит им солнце, пока тёплая сочится по жилам кровь. Надо биться с тем, кто хочет отнять жизнь, право на неё; надо биться крепко, не качаясь, – как в стенке, – а накал ненависти, твёр-

доставит борьба. Надо только не взнуздывать чувств, дать простор им, как бешенству, – и всё.

Пути казачества скрестились с путями безземельной мужичьей Руси, с путями фабричного люда, чтобы биться с ним насмерть. Рвать у них из-под ног тучную донскую, казачьей кровью политую землю. Гнать их, как татар, из пределов области! Тряхнуть Москвой, навязать ей постыдный мир! На узкой стёжке не разойтись – кто-нибудь кого-нибудь, а должен свалить. Проба сделана: пустили на войсковую землю красные полки, испробовали? А теперь – за шашку!»

Но шашкой, оказывается, в междоусобной войне не убедишь никого. У крестьянина Саратовской губернии, вместе с другими солдатами Сердобского полка, восставшими против большевиков, своя правда – он с надрывом кричал о ней на митинге:

« – ...Я скажу, товарищи, дорогие бойцы, что наши теперь открытые глаза. Мы знаем, против кого надо идти! К примеру, у нас в Вольском уезде что было говорено? Равенство, братство народов! Вот что было говорено обманщиками коммунистами... А что на самом деле получилось? Хотя бы мой папашка – прислал нам сообщение и слёзное письмо, пишет: грабёж идёт несусветный среди белого дня! У того же у моего папашки хлебец весь вымели и мельничушку забрали, а декрет так провозглашает за трудовое крестьянство? Если мельничушка эта трудовым потом моих родителей нажитая, тогда я вас спрашиваю: это не есть грабёж коммунистов? Бить их в дым и кровь!»

А у Мишки Кошевого другая правда, которую он утверждал в родном хуторе и окрест огнём, наганом и шашкой:

«Непримиримую, беспощадную войну вёл он с казачьей сытостью, с казачьим вероломством, со всем тем нерушимым и косным укладом жизни, который столетиями покоился под крышами осанистых куреней. Смертью Штокмана и Ивана Алексеевича вскормилась ненависть, а слова приказа только с предельной яркостью выразили немые Мишкины чувства... В этот же день он с тремя товарищами выжег дворов полтораста станции Каргинской...»

«Войну с казачьей сытостью...» – а разве сытость – это плохо? «С нерушимым укладом жизни...» – а разве нерушимый уклад не есть основа народного бытия? И разве могут в станице полтораста семей жить несправедно, а Мишка праведно? После многих смертей, принесённых Кошевым на родную землю, едва ли смерть Штокмана и Котлярова вскормила его ненависть; скорее, она, эта ненависть, была патологической. Ведь как этот мерзавец расстреливал столетнего деда Гришаку Коршунова? Кошевой прискакал к коршуновскому дому, чтобы спалить его. А в доме – один дед.

« – Ну, мне тут с тобой свататься некогда! – с холодным бешенством сказал Мишка. – Из дому выходишь?»

– Нет! Изыди, супостатина!

– Самое через вас, таких закослелых, и война идёт! Вы самое и народ мутите, супротив революции направляете... – Мишка торопливо начал снимать карабин...

После выстрела дед Гришака упал навзничь, внятно сказал:

– Яко... не своею си благодатию... но волею бога нашего приидох... Господи, прими раба твоего... с миром... – И захрипел, под белыми усами его высочилась кроввица.

– Примет! Давно бы тебя, чёрта старого, надо туда спровадить.

Мишка брезгливо обошёл протянувшегося возле сходцев старика, взбежал на крыльцо».

В роду Мелеховых справедливость и чистая совесть почитались выше всего. Когда Кошевой сжёг курень Коршуновых и другие подворья хуторян, Пантелей Прокопьевич сказал сыну Григорию:

« – ...А жгёт хутор друзьяк твой, пропади он пропастью!

– Кто?

– Мишка Кошевой, будь он трижды проклят! »

А вернулся с белогвардейцами Митька Коршунов и отплатил тем же зверством семейству Кошевых – убил мать с малолетними детьми. Пантелей Прокопьевич так встретил на своём базу нового ублюдка, зашедшего, по родству, в гости:

« – Постой-ка! – крикнул он ещё издали. – Не вводи коней на баз!

– Что такое, сваток?

– Поворачивай обратно! – Пантелей Прокопьевич подошёл вплотную и, глядя в жёлтые, мерцающие Митькины глаза, твёрдо сказал: – Не гневайся, сват, но я не хочу, чтобы ты был в моём курене. Лучше подобру уезжай, куда знаешь.

– А-а-а... – понимающе протянул Митька и побледнел. – Выгоняешь, стало быть?

– Не хочу, чтобы ты поганил мой дом! – решительно повторил старик. – И больше чтоб и нога твоя ко мне не ступала. Нам, Мелеховым, палачи несродни, так-то! »

Звериную жестокость особо не приемлют матери. Материнские сердца зывают к сердцам сыновним: «Опомнитесь!» Ильинична, мать Мелехова, просит Григория:

« – Ты Бога-то... Бога, сынок, не забывай! Слухом пользовались мы, что ты каких-то матросов порубил... Господи! Да ты, Гришенька, опамятуйся! У тебя ить вон, гля, какие дети растут, и у энтих, загубленных тобой, тоже небось детки поостались... Ну как же так можно? В измальстве какой ты был ласковый да желанный, а зафаз так и живёшь со сдвинутыми бровями. У тебя уж, гляди-кось, сердце как волчиное исделалось... Послухай матерю, Гришенька! Ты ить тоже не заговорённый, и на твою шею шапка лихого человека найдётся... »

Это о Боге написано в тридцатые годы, когда оголтело насаждали безбожие; это о возмездии за любое убийство Шолохов напоминал в дни, когда по законам классового государства обрекались на смерть тысячи людей. Тем, кто говорит сегодня о Шолохове – писателе советской закваски, надо бы ответить: да, советской закваски. И он это доказывал без лукавства, без продумной хитрецы тех, кто позже отрёкся от вчерашних клятв; доказывал каждым поступком и каждым словом. Но как художник он непреклонно и до конца был верен правде жизни; в любой строке своего романа он был выше классовых догм и предрассудков, словно сама жизнь отметала перед его взором временное, преходящее, клубящееся внизу и застилающее глаза, а предлагала взглянуть повыше, где праведные давно уже узрели путеводное, проверенное веками, греющее души.

Он и любимого героя своего, Григория Мелехова, ведёт не только сквозь ад, где трупы устилают дорогу, где правят смерть и страдания; он ведёт своего героя и через огонь очищения. Мелехов постоянно смиряет жажду отмщения, порыв ответить расстрелом на расстрел. Узнав на марше, что в станице Усть-Хопёрской казаками захвачены коммунисты Иван Котляров и Мишка Кошевой, он мчится туда, чтобы отвести от них беду:

«Захватить бы живым Мишку, Ивана Алексева... Дознаться, кто Петра убил... и выручить Ивана, Мишку от смерти. Выручить... Кровь легла промеж нас, но это не чужие ж мы?! – думал Григорий, бешено охаживая коня плетью, наметом спускаясь с бугра».

И не вина Григория, что жизнь снова и снова отнимает у него возможность помочь ближнему и дальнему, наперекор жестокости, вероломству, предательству...

Шолохов не возвышает, не приукрашивает героев. Ни одна дурная привычка, ни один сословный изъян, ни одна худая черта не остались без внимания правдивого летописца. Посмотрите, как относятся казаки к женщинам, даже к самым близким и, кажется, любимым. Когда Петро Мелехов собрался вновь идти к белым, боясь возмездия красноармейцев, женская половина семьи всполошилась: *«И мы не останемся! Пеши уйдём!»*

« – Дуры! Сучки! – иступлённо заорал Пантелей Прокопьевич, перекашивая глаза, невольно ища костыль. – Стервы, мать вашу курицу! Цыцте, окаянные! Муцинское дело, а они равняются...»

Дуняшка, надвизывавшая паголенок чулка, подняла от спиц голову, шёпотом сказала:

– Скотину с собой можно угнать... Не оставаться же из-за скотины.

И опять бешенство запалило старика...

– ...Бездомовница! Поганка! Гнида! Наживал, наживал им – и вот что припало услышать!.. А овец? Ягнят куда денешь?.. Ох, ох, су-у-укина дочь! Молчала бы!»

Такая площадная брань, оскорбления сопровождают разговоры казаков с женщинами на многих страницах романа.

Но самое поразительное то, с какой беспощадной правдой рисует Шолохов душевно близких ему героев: Аксинью, Наталью, Григория, Ильиничну, Дуняшку.

Они потому и притягательны, потому и остаются с нами навсегда, как люди действительно жившие рядом, что мы видим их высокие человеческие качества и изъяны, червоточинки, душевное несовершенство.

Потрясающ в этом смысле образ Аксиньи. Её самоотверженная и страстная любовь к Григорию сочетается с нравственными провалами: иногда кажется, что она ведёт себя как похотливая самка. Евгений Листницкий, возвратясь с фронта с молодой женой, решил избавиться от Аксиньи, горничной в доме отца, с которой у него была связь. Он объявил это казачке вечером, вызвав её в сад. И вот что услышал:

« – Ну что же, уйду... Напоследок аль не пожалеешь? Меня нужда такой бессовестной сделала... Измучилась я одна... Ты не суди, Женя...»

Он досадливо кашлянул и вдруг почувствовал, как она снова робко ищет его руку...

Через пять минут он вышел из-за куста мокрой пахучей смородины, дошёл до прясла и, пыхая папирской, долго тёр носовым платком брюки, обзеленённые в коленях сочной травой.

Всходя на крыльцо, оглянулся. В людской, в жёлтом просвете окна, виднелась статная фигура Аксиньи, – закинув руки, Аксинья поправляла волосы, смотрела на огонь, улыбалась...»

Мы говорим об этом не для того, чтобы осуждать шолоховскую героиню – всякие проповеди тут будут ханжескими. Да, Аксинья с её постоянной

мечтой о семейном гнезде и трагической бездомностью, с неизбывной, великой любовью и роковой, мучительной судьбой – она не нуждается ни в суде, ни в оправданиях, ни в жалости. Мы принимаем и любим её такую, какая она есть: русская женщина, нравственно покалеченная, а затем и физически убитая русской смутой.

А возьмите Наталью. Другой характер, другая натура – созданная для тихой, счастливой семейной жизни, для вечной и чистой любви к одному, сердцем выбранному мужчине. Что сделала судьба с ней в те же годы, озарённые пожаром, вымокшие в крови и слезах, не пощадившие ни её, ни мужа, ни детей? Эта могла быть побойчей, порезче, порешительней со своей соперницей, со всей ломающей, втаптывающей в грязь жизнь, могла воевать за сердце мужа – но это была бы другая Наталья, а не та, что отпечаталась в нашей памяти как святая мученица, безответная страдалница, как ещё одна чудесная русская женщина, тоже многократно духовно и физически покалеченная, а затем тоже убитая безжалостной смутой.

В романе нет ни одной «выпрямленной», «правильной» судьбы; шолоховские герои жестоко ошибаются, мучительно ищут свою дорогу, заходя то в один, то в другой тупик; впадают в чёрное отчаяние и обретают призрачную надежду. Правда, красящая человека и отталкивающая от него, непреложна для Шолохова. Наверно, как сын донской земли, он мог бы подсластить землякам, особенно тем, кто «от сохи»; например, не подчёркивать их навязчивую и неоправданную заносчивость перед «мужиками», сословное превосходство над всеми и вся в России. Но такими их воспитало отечество.

«В правление трое казаков провели пьяного окровавленного казака. Откидываясь назад, он рвал на себе рубаху, закатывая калмыцкие глаза, хрипел:

– Я их, мужиков, в крррровь! Знай донского казака!

Кругом, сторонясь, одобрительно посмеивались, сочувствовали.

– Крой их!

– За что его сбатовали?

– Мужика какого-то изватлал.

– Их следоват!

– Мы им ишо врежем.

– Я, браток, в тысячу девятьсот пятом годе на усмирении был. То-то смеху!»

В мужике казаку все не нравилось: и мешковатый вид, и свой выговор, и неумение молодецкато сидеть на коне. Пётр Мелехов поддержал Дуняшку, увидевшую из окна красноармейцев и засмеявшуюся над их посадкой в сёдлах:

« – Чудно глядеть на ихнюю езду? – спросил он. – А им не жалко. Побьют спину коню – другого подценят. Мужики! – И с бесконечным презрением махнул рукой. – Он и лошадь-то, может, в первый раз видит: «Малти поедем, гляди – и доедем». Отцы ихние колёсного скрипу боялись, а они джигитуют!.. Эх! – Он похрустел пальцами, ткнулся в дверь горницы».

Была для этой ненависти к мужикам, к новой «мужичьей» власти ещё одна причина: верховодить по хуторам и станицам стали те, кто всегда работал с прохладцей и жил одним днём. Крепкий хозяин, такой, как сват Пантелея Прокопьевича Мирон Коршунов, пожалуй, лучше других выразил несправедливость, которую несли большевики:

« – ...Чертова власть! Она, сват, всему виновата. Да разве это мысленное дело – всех сравнять? Да ты из меня душу тяни, я не согласен! Я всю жизнь работал, хрип гнул, потом омывался – и чтобы мне жить равно с этим, какой пальцем не ворохнул, чтоб выйтить из нужды? Нет уж,

трошки погодим! Хозяйственному человеку эта власть жилы режет. Через это и руки отваливаются: к чему зараз наживать, на кого работать? Нынче наживёшь, а завтра придут да под гребло...»

Эту несправедливость не удалось изжить и за семьдесят лет. А сколько таких заноз кровотоцило тогда! И как нужно было писателю знать все беды, тревоги и надежды народа, чтобы они прозвучали из живых и смелых уст!

Шолохов начал «Тихий Дон» в 1925–1926 годах, а закончил в 1939–1940-х. Четырнадцать лет для молодого, быстро растущего таланта много значили. Сравнивая первые и последние части романа, мы можем представить, как менялись повествование, его форма, стилистика, язык. Первые страницы «Тихого Дона» написаны автором, ещё привыкающим к эпической манере письма. Тут есть мелкие, необязательные подробности, касается ли это судьбы героев, особенно второстепенных, или событий, или картин природы. Часты донские, областные словечки и обороты речи. В литературе двадцатых годов это обращение к местному языковому колориту было чуть ли не повсеместным; считалось, что диалектные слова обогащают язык литературы, делают его оригинальным. У Шолохова: «в ендове свиристела турчелка»; «отбивали улеши, так он подговаривал всё Малашку Фролову канаться»; «турсуча рукой ремень»; «мужика какого-то извалал»; «волк выскочил на кургашек – давнишнюю сурчину»; «за что его сбатовали»; «земля до бесконца краю клёклая». Проскальзывали в тексте, как блёстки фольги, словесные завитушки-красивости: «разматывалась голубая пряжа июльских дней»; «остальные молчали, зажатые в кулаке одного чувства»; «ветер трубил в лесах, мчался по степи, разворачиваясь в лаву, опрокидывая и круша оцетиненные кафе бурьянов»; «время заплетало дни, как ветер конскую гриву».

И всё же, как в лучших «Донских рассказах», яркая живописность картин, осязаемая вещность каждого предмета, подлинность любого запаха или звука – всё говорило о редком даре художника. Чуть преображённое или употреблённое в новом контексте слово обретало свежесть, преображало всю речь:

«Дальний приближался лесок. Дорога, п р о к а л ы в а я его, выходила на к у р г а н и с т ы й гребень. В лесу р у ч ь и с т о ж у р ч и л с я ветер. На стволах с о х а т ы х дубов золотую прозеленью у з о ф и л и с ь чешуйчатые плиты ржавчины. Где-то далеко стрекотала софок. Она пролетела над дорогой, косо и з б о ч и в хвост. Ветер сносил её, и в стремительном полёте летела она, накренившись, мелькая рябым опереньем».

Оставалась неизменной оригинальность фразы, её индивидуальные признаки, но смысловое содержание углублялось, наполнялось большей художественной силой.

Попробуем, например, сравнить шолоховские пейзажи.

В первой книге романа читаем:

«Редкие в пельном расцветном небе зыбились звёзды. Из-под туч тянул ветер. Над Доном на дыбах ходил туман и, пластаясь по откосу меловой горы, сползал в яры серой безголовой гадюкой. Левобережное Обдолье, пески, ендовы, камышистая непролазь, лес в росе – все полыхали испулённым, холодным заревом. За чертой, не всходя, томилось солнце».

«К вечеру собралась гроза. Над хутором встала буря туча. Дон, взломаченный ветром, кидал на берега гребнистые частые волны. За левадами палила небо сухая молния, давил землю редкими раскатами гром. Под тучей,

раскрылатившись, колесил коршун, его с криком преследовали вороны. Туча, дыша холодом, шла вдоль по Дону, с запада. За займищем грозно чернело небо, степь выжидающе молчала.

В хуторе хлопали закрываемые ставни, от вечерни, крестясь, спешили стафухи, на плацу колыхался серый столбище пыли, и отягощённую вешней жарюю землю уже засевали первые зёрна дождя».

Автор подыскивает «резкий», энергичный глагол, усиливающее и закрепляющее мысль наречие, ёмкое и живописное прилагательное, причастие. «Зыбились звёзды», «на дыбах ходил туман, сползал в яры безголовой гадюкой», «томилось солнце», «палила сухая молния», «давил землю гром», «раскрылатившись, колесил коршун», «грозно чернело небо», «колыхался столбище пыли», «землю засевали зёрна дождя», «исступленным заревом», «взломаченный ветром», «гребнистые волны» – за всем этим стоит стремление писателя найти необычное, запоминающееся слово; автор ещё избегает развёрнутой, подробной фразы; его предложения коротки, односложны и в тех сложносочинённых предложениях, где поставлены запятая или союз «и», хочется поставить точку, да логически там и делаешь паузу.

В четвёртой же книге романа авторская фраза иная (мы по-прежнему возьмём пейзажи). Она размашиста, подробно в описании живописных деталей и чёрточек, она явственней окрашена чувством повествователя или его героя. Так и видится художник, который обрёл могучую силу и свободу мастера; его кисть ничем не стеснена, он волен рисовать свежо и вдохновенно:

«Из-за горы в предгрозовом величавом безмолвии вставляли вершины белых клубящихся туч. Жарко калило землю полуденное солнце. На выго- не свистели суслики, и тихий грустноватый их посвист странно сочетался с жизнерадостным пением жаворонков. Так мила сердцу Натальи была установившаяся после орудийного гула тишина, что она, не шевелясь, с жадностью вслушивалась и в бесхитростные песни жаворонков, и в скрип колодезного журавля, и в шелест напитанного полынной горечью ветра.

Он был горек и духовит, этот крылатый, степной, восточный ветер. Он дышал жаром раскалённого чернозёма, пьянящими запахами всех полегу- ших под солнцем трав, но уже чувствовалось приближение дождя: тянуло пресной влагой от Дона, почти касаясь земли раздвоенными остриями кры- льев, чертили воздух ласточки, и далеко-далеко в синем поднебесье парил, уходя от подступавшей грозы, степной подорлик».

Тут другое дыхание фразы – широкое и вольное. Но, как и в пейзаже из первой книги романа, здесь, в четвёртой, видны та же рука, тот же творче- ский характер.

«В величавом безмолвии», «клубящиеся тучи», «землю калило солнце», «напитанный полынной горечью», «крылатый, степной ветер», «пресная влага от Дона», «чертили воздух ласточки», «парил подорлик» – та же сти- листика, может быть, более выверенная, классически ясная, но в сути своей шолоховская, хорошо узнаваемая.

В четырёхтомном романе множество описаний природы, но ни разу Шолохов не повторился, рисуя пейзаж; ни единое слово не совпадает с пре- дыдущим, когда автор вспоминает весеннюю траву, зимнюю позёмку, пропы- вающее облачко – всегда ключевые, определяющие слова новы и по-иному, чем раньше, живописны.

Вот облачко, увиденное глазами одного из героев, Ивана Котлярова:

«Окрылённое ветром, с искрящимся, белым, как парус, надвершием, оно стремительно плыло на север, и в далёкой излуине Дона отражалась его опаловая тень».

А вот в другой раз, уже в авторском тексте:

«...Лишь на юге, над кромкой обдонского перевала, перед восходом солнца появилось крохотное, ослепительно розовое облачко. Обращённая к востоку сторона его будто кровоточила, истекая багряным светом. Солнце возшло из-за песчаных, прохладных после росы бурунов левобережья. И облачко исчезло в невиди».

Много страниц посвящено в романе любви Аксиньи и Григория. И всегда в шолоховском рассказе плотское, чувственное, греховное, даже порочное перемежается с возвышенным, небесным, поэтическим. Тут всегда красота слова наливается новой силой, завораживает, омывает читательское сердце, и вздымает в памяти личное, пережитое. Мне хочется напомнить, какое острое переживание захватывает Григория и Аксинью после мимолётной встречи у Дона, когда за плечами у обоих долгая разлука, множество неверных, грязных поступков, унизивших их любовь.

Но как описывает Шолохов смятение (а может быть, просветление?) чувств земных и грешных героев!

«Зимой над крутобережным скатом Обдонской горы, где-нибудь над выуклой хребтиной спуска, именуемого в просторечье «тиберем», кружат, воют знобкие зимние ветры. Они несут с покрытого голызнами бугра белое крошево снега, сметают его в сугроб, громоздят в пласты. Сахарно искрящаяся на солнце, голубая в сумерки, бледно-сиреневая по утрам и розовая на восходе солнца – повиснет над обрывом снежная громадина. Будет она, грозная безмолвием, висеть до поры, пока не подточит её из-под исподу оттепель или, обременённую собственной тяжестью, не толкнёт порыв бокового ветра. И тогда, влекомая вниз, с глухим и мягким гулом низринется она, сокрушая на своём пути мелкофослые кусты терновника, ломая застенчиво жмущиеся по склону деревца боярышника, стремительно влача за собой кипящий, вздымающийся к небу серебряный подол снежной пыли...»

Многолетнему чувству Аксиньи, копившемуся подобно снежному наносу, нужен был самый малый толчок. И толчком послужила встреча с Григорием, его ласковое: «Здравствуй, Аксинья дорогая!» А он? Он ли не был ей дорог? Не о нём ли все эти годы вспоминала она ежедневно, ежечасно, в навязчивых мыслях возвращаясь всё к нему же? И о чём бы ни думала, что бы ни делала, всегда неизменно, неотрывно в думках своих была около Григория. Так ходит по кругу в чигире слепая лошадь, вращая вокруг оси поливальное колесо».

Шолохов – художник насквозь русский. Когда он пишет о донской земле, о пахоте или сенокосе, о рыбалке или хлебной страде, словно степь-матушка шепчет ему особенные, незаёмные, только казаку близкие, родные слова: *«Караулил людей луговой скоротечный покос, доцветало за Доном разнотравье, невровень степному, квёлое и недуховитое. Одна земля, а соки разные высасывает трава; за бугром в степи клёклый чернозём, что хряц: табун прометётся – копытного следа не увидишь; тверда земля, и растёт по ней трава сильная, духовитая, лошади по пузо; а возле Дона и за Доном мочливая, рыхлая почва гонит травы безрадостные и никудышные, брезгует ими и скотина в иной год».*

Это строки из первой книги «Тихого Дона». Но чем шире развёртывается действие романа, тем просторней, под стать орлиному, становится взгляд, свободней язык, мудрее осмысление. Чем больше людей вовлекается в бурливый смертный поток тёмной жизни, тем более вселенским становится их тяжко добытый земной опыт. И рассказчик уже не только донской, вскормленный казачеством; он – художник могучей силы, чувствующий за спиной

дыхание великой державы, грозных событий, захвативших её. И герои-то его видят себя не песчинками на узком берегу родной реки, а насельниками большого, цветущего, созданного для счастья, но осквернённого самими людьми мира:

«Удручённый воспоминаниями, Григорий прилёг на траву неподалёку от этого маленького, дорогого сердцу кладбища и долго глядел на величаво распротёртое над ним голубое небо. Где-то там, в вышних беспредельных просторах гуляли ветры, плыли осиянные солнцем холодные облака, а на земле, только что принявшей весёлого лошадирика и пьяницу деда Сашку, всё так же яростно кипела жизнь: в степи, зелёным разливом подступившей к самому саду, в зарослях дикой конопли возле прясел старого гумна – неумолчно звучала гремячая дробь перепелиного боя, свистели суслики, жужжали шмели, шелестела обласканная ветром трава, пели в струистом мареве жаворонки и, утверждая в природе человеческое величие, где-то далеко-далеко по суходолу настойчиво, злобно и глухо стучал пулемёт».

«Тихий Дон» – книга при всём её трагизме не пессимистическая. От неё не веет могильным тленом. Она оставляет надежду. Её оптимизм – в несломленном духе, в стойком характере Григория Мелехова. Такие люди, как он, не предадут жизни, выстоят; у таких людей даже в безвыходном, тяжком положении руки тянутся к земле, к труду, к доброму делу. А Россия – в этом мы убеждены так же, как и Шолохов, состоит из Мелеховых. В ней, конечно, есть и Мишки Кошевые, и Фомины, и Котляровы, но всё же в массе своей народ русский состоит из Мелеховых, прикипевших к земле, не сбиваемых с ног, честных и справедливых наперекор жестокости, лжи, коварству.

Непринятый и непонятый ни в одном из враждующих станом, Григорий возвратился домой. Возможно, его в тот же день отправят в застенки, а то и подведут под расстрел такие фанатики, как Кошевой. Мы страдаем, следя за судьбой Григория. Но, подняв глаза от шолоховского романа, мы ищем вокруг и находим Мелеховых. Это они после каждой народной беды обустроивают разрушенный дом, а значит, Россию. На них вся надежда и сейчас, и в будущем.

**Александр
НЕСТРУГИН**

РУССКОЕ ПОЛЕ

ПРЕДЧУВСТВИЕ

...Погладит мать по голове: «Примстилось...»,
И я кивну. Вздохну и спать пойду –
И сквозь оконных роз морозных стылость
Увижу сад... И снова там, в саду,
Нет ни души. Но ветка покачнулась...
И, как дыханье, – белый лунный дым...

...Проснулась мама. И душа проснулась.
Как за меня сейчас тревожно им...

ЯЗЫК И ГОВОР

В ходу лишь он, словарный гонор,
Московский выговор, а жаль:
Как с поду бублик, вкусен говор
Волжан, поморов, вологжан!

И разве выводил в пробирке,
Не мыл, не плавил, не ковал
Свои реченья край сибирский,
Америку не открывал?

-
- Александр Гаврилович Нестругин родился в 1954 году в селе Скрипниково Калачеевского района Воронежской области. Окончил юридический факультет Воронежского государственного университета. Автор девяти книг поэзии и прозы. Публиковался в журналах «Русское эхо», «Дон», «Подъём», «Берега», «Простор», «Сура», «Сельская новь», «Молодая гвардия», «Наш современник», «Москва», «Московский вестник», «Роман-журнал XXI век», «Аргмак. Татарстан», «Простор» (Казахстан), «На любителя. Русский литературный журнал в Атланте» (США), «Южное сияние» (Украина), «Новая Немига литературная» (Белоруссия) и др., в газетах «Российский писатель», «Литературная Россия», «Литературная газета», в альманахах «День поэзии», «Чаша круговая». Лауреат всероссийской литературной премии «Имперская культура» им. Э. Володина (2008), международного литературного конкурса им. А. Платонова «Умное сердце» (2012), Всероссийского литературного конкурса им. С. Есенина, премии Воронежского комсомола им. В. Кубанёва в области литературы (1988), премии «Родная речь» журнала «Подъём». Награждён медалью В.М. Шукшина. Член Союза писателей России. Живёт в райцентре Петропавловка Воронежской области.

И некогда не суржик жалкий –
Москва, державный дух копи! –
Наш вышел говор слобожанский
Навстречу кочевой Степи!

«Саратов, глушь!» – своё поносим,
Упорны в крайности другой:
То с галльским носимся прононсом,
То бредим аглицкой нудьгой.

И потому – а чо? а неча! –
Отрежу без обиняков:
Нет – и не будет русской речи
Без говоров и говорков!

И ты, язык мой, не украдкой –
Кого бояться нам, скажи? –
Где сбито, подорожник с Вяткой,
Чтоб не нарвало, приложи...

Свет июня – как благая весть:
Теплит свечки бор, глухой и колкий.
И трава-песчанка, листья – жечь,
Выдохнула лёгкие метёлки!

Пусть траве той скоро – ножеветь
(Я тогда в друзья к ней не полезу!),
А метёлкам бежевым – ржаветь
И пылить изъеденным железом.

Тут на водопой гоняют скот,
В зной течёт с горы песок калёный.
Тут весной железо прорастёт,
И не ржой – песчанкою зелёной.

ШТОРКИ

Он держится, держится, держится – что ты!
Из жёлтых жердёл закрывает компоты;
Всё сам покупает – картошку, крупу ли;
Выносит на улицу кошку слепую,
И сыто мурлычет та кошка слепая:
Он кормит овсянкой её и супами!
...Он крошит воробышкам хлебные корки...
И к Пасхе стирает советские шторки –
Руками, как раньше жена их стирала, –
Красивые, в рубчик, сама выбирала!
Стирает их чутко – не крутит, не месит...
Он к празднику чистые шторки повесит,
Хоть это и стоит усилий немалых.
...И смотрит сиротство с тех шторок линиях...

Даже если всего лишь зерно я,
Разве нет зрячей воли в зерне?
Безнадёжное дело земное
Без меня безнадёжно вдвойне!

Хоть и послано было за мною
С мыслью – жизнью за то поплатись! –
Безнадёжное дело земное
Не смогло без меня обойтись....

Рассержу, растревожу, задену
Здравый смысл, но скажу всё равно:
Если всё же я взялся за дело,
Так ли уж безнадёжно оно?

Стужа гулко ударится оземь,
С треском реки, как окна, забьёт...
От зерна занимается озимь –
И в крови больно крошится лёд!

Это всё отзывается мною:
Вспухший Дон, зеленеющий лес...
Безнадёжное дело земное
Без приставки безжалостной «без».

Спросят, чем же приманила глушь? –
В душу, говорю, никто не лезет...
Насушил байрачных спелых груш –
Тёмных, чуть не чёрных на разрезе.

И – дожди – то в ряд, то сплошняком –
Кличут зиму... Не поспоришь с ними.
А в сарае пахнет сушняком –
Августом, опушками лесными.

ЭПОС

Андрею Авраменкову

Знаешь, он по-разному слагался,
Эпос обретений и утрат...
Ты родился в городе Луганске,
Я же помню – Ворошиловград.

Вроде, всё без драм тогда решилось:
Кто он перестройке, этот Клим,
Первый красный маршал Ворошилов? –
А ведь так меж нас вбивали клин!

Как же это стать могло законом? –
Я не о названье... Горько мне:
Ты родился в городе знакомом,
Нашем, русском! – но в чужой стране...

Та вина нам долго не простится...
Только, сколько душу ни травы,
Городу в Россию возвратиться
Выпала дорога – на крови.

И сказать – вернулся! – рано слишком:
Всё ещё идёт через войну.
Ты об этом скупко пишешь книжку –
И ещё напишешь не одну.

Не лукавым призраком Гомера
Эти муки ради славы для –
Чтобы не забыли, как горела
В том пути дымилась и горела –
Не чужая – русская земля...

РУССКОЕ ПОЛЕ

Как он давно перешёл через поле
Это, ровесник мой Дмитриев Коля!
Шёл, чуть клонясь на ветру, на веку,
Больше обочиной, по польнику...
Мы же остались. И с жиру, не с жиру
Вместо просёлка большак проложили:
Не спотыкайся и брови не хмурь,
Поле с придуманной долей рифмуй...
Сколько там – на большаке, на слуху?
Тьма! И к своим не пробиться стиху,
Помнящему полюнок тот и поле,
Что не придумывал Дмитриев Коля...
Даже боюсь потеряться порой.
«Дмитриев Коля» – и путь, и пароль...

КОСИТ КТО-ТО ЛАТКУ ЗА ПЛОТИНОЙ...

Хутора ушли – а мы и рады?
...Старый пруд, кого он тем смутил,
Что так долго – не забавы ради! –
Позабывтым стёклышком светил?

Высох он – и стих шумок моторный,
Звук шагов и поплавок шлепки.
И уже спорыш дороги торной
Стёрла степь, как влагу со щеки.

Жили люди... Пели про Катюшу,
Про степного сизого орла...
Стихло всё. А яблони и груши
В плен орда терновая взяла.

Только кто-то – вряд ли для скотины,
Перевёл её давно народ –
Косит всё же латку за плотиной,
И не первый, видно, косит год.

Всё мы помним – скифство и хазарство,
Вон в музее – половецкий стан...
Косит кто-то – вряд ли для хозяйства;
Может, раньше песни пели там?

Будет где потом сойтись потомкам
Раз в году – и вместе, не тайком
Хоть поплакать – над рябиной тонкой
И в степи замёрзшим ямщиком...

**Редакция журнала «Волга–XXI век»
поздравляет своего постоянного автора,
замечательного поэта
Александра Гавриловича Нестругина
с юбилеем!**

**Алексей
НЕБЫКОВ**

ВОДЕН ДЯВОЛ

Иные обещания лучше никогда не давать, ибо настанет время, и за исполненное призовут к ответу.

Странной казалась Назару Калине, следователю Невельской прокуратуры, гибель автоинспектора и его сына, отправившихся вдоль побережья острова Сахалин на моторной лодке по какому-то тихому, предрассветному делу.

Небольшой портовый Невельск – ближайший к Японии город России. От него до самой южной части острова Сахалин не более ста километров, а там через пролив Лаперуза вдвое меньше до японского Хоккайдо. Мужчины в Невельске, как и в прежние времена, занимаются рыбным промыслом, оставляя близких на три-шесть месяцев, чтобы, вернувшись из плавания, отдыхать самым прекратительным образом и, в конце концов порастратив добытое, снова уйти в рейс. В дни возвращения много вымывает на берег утопленников, но по сезону теперь нерестового запрета нет, моряки собираются в море, и не время для подобных находок...

Об исчезновении родных заявила ещё два дня назад жена автоинспектора. Обращение приняли, но к розыску не приступили, сохраняя негласное правило «трёх суток ожидания». И вот теперь, когда местные обнаружили на берегу разбухшие, изувеченные стихией тела, а недалеко от них разбитое деревянное судно, офицер полиции надумывал служебные поручения задним числом, чтобы отчитаться перед вызванным для осмотра Назаром Демьяновичем Калиной.

-
- Алексей Александрович Небыков – русский прозаик, просветитель, литературный продюсер, юрист и предприниматель. Основатель и главный редактор портала «Печорин.нет». Член Союза писателей России. Номинатор литературной премии «Национальный бестселлер» (2021). Инициатор и руководитель творческих экспедиций в горы: Килиманджаро (2019), Эльбрус (2021, 2023), Пик Раздельная (2022), Пик Ленина (2023).

Создатель проекта обзоров литературной периодики «Русский академический журнал». Окончил МГЮА имени О.Е. Кутафина и Высшие литературные курсы Литературного института, где обучается сейчас в аспирантуре. Участник литературных школ, мастер-классов и научных конференций. Лауреат литературных конкурсов и премий, в том числе финалист Премии имени Фазила Искандера (2018) и Всероссийской литературной премии «Гипертекст» (2023). Публиковался в журналах «Роман-газета», «Нева», «Москва», «Аврора», «Дон», «Турист» и в других печатных и сетевых изданиях.

Дело казалось решительно ясным: на плоскодоне не справились с управлением, оказались в воде и погибли. Осталось лишь собрать доказательства и огласить несчастливый вывод. Правда, никому ранее не знакомый капитан юстиции Калина, заступивший на службу в городе в тот самый день, не спешил соглашаться с обстоятельствами и зачем-то дольше необходимого крутился на месте трагедии.

Вязкое чувство преступления захватило Назара, и, закончив с осмотром, он отправился в прокуратуру, чтобы сообщить коллегам о запутанном случае.

Прокурор города Невельска Юрий Александрович Ким был строгим и распорядительным. Нечастые служебные тревоги и суровый нрав местных жителей помогали его способности наводить в подконтрольных местах порядок – дела возникали, расследовались и всегда закрывались, несмотря на всякие обнаруженные неясности. Собственно, и дел каких-то особых не было: или в семье проступок, или в портовых бардаках мордобой, или в рыболовном деле разлад, которые можно устранить часто без привлечения полиции.

А здесь вдруг, как непогода в охотный день, Назар Демьянович, из самой Москвы, после академии, решается на работу на самых дальних рубежах необъятной, как и русская душа, Родины. Сообщили, что по распределению, а там как оно на самом деле...

Назар Калина припарковался в тесном дворе прокуратуры и вошёл. На стене против входа висел стенд: «Работник прокуратуры предан делу и неподкупен. Вступай в наши ряды, чтобы верой и правдой служить обществу и Закону».

Что-то подобное рассказывали Назару и на правовых лекциях, но влюбился в профессию следователя он ещё в детстве, увлекая себя книгами, следя за отважными сыщиками и неизбежностью наказания. Калине нравилось ворошить преступления, вникать в убеждения душегубов, доискиваться в судьбах людей до обстоятельств, приводящих к роковым развязкам. А ещё действовать на стороне добра, защищая редкое в наше время честное имя правоохранителя.

– Здравствуйте, Назар Демьянович, – встретил следователя крепким рукопожатием прокурор у открытой двери своего кабинета. – Доложили, что вы прямо в первый день угодили на несчастный случай. Знакомьтесь, Карahanов Баир Сергеевич, старший следователь по нашему ведомству. – И прокурор указал на сидевшего за столом подтянутого, черноволосого майора юстиции.

Назар поздоровался, коллега сдержанно кивнул в ответ.

– Не желаете подкрепиться «ерофеичем»? – продолжил прокурор, приглашая Назара к небольшому закутку в кабинете, где оказались графин с бурой жидкостью, парадные стопки и мелкий сухофруктовый припас. – Вы человек в наших местах новый, расскажете о себе. Мы ведь здесь храним традиции гостеприимства и всегда рады новому товарищу в строю.

– Не время, Юрий Александрович. Ведь не несчастный у нас, полагаю, случай... – проявил настороженность Назар.

Неслужебный подход к службе никак не способствовал работе правоохранителя, но ссориться в первый час знакомства Назар не имел обыкновения.

– Что же, к делу, – разочарованно пригласил прокурор Назара к рабочему столу. – Разрешаю доложить!

– Итак, – приступил Назар, – двое местных утонули. Отец и его сын-подросток. Для чего вышли в море – неясно. Одеты не по-рыбацки, никаких в лодке снастей. На полу закреплено разбитое бытовое зеркало. У мото-

ра лодки повреждён бак шилом или чем-то подобным. Рано делать выводы, но предполагаю сто пятаю...

– У нас тут обычно ничего невиданного не случается, откуда сто пятая? – заворчал прокурор. – Но распоряжения дам, бумаги у дежурного справят. И, пожалуй, раз такое всё затевается непростое, попрошу в попутчики к вам Баира Сергеевича. – И он многозначительно посмотрел на старшего следователя. – Кроме того, вы у нас птица столичная, не каждый свояк изволит правду говорить. Значит, поможешь? – И, дождавшись кивка от Баира, прокурор подытожил: – На том и окончим.

Назар Калина не возражал против помощи немногословного коллеги. Как-никак человек в городе он новый, а тут и познакомится, и освоится. Но расчёт на содействие не оправдался. Баир отказался встречаться с супругой погибшего и моряками, взяв на себя заботы о разрешительных бумагах и запросы по линии связи.

До окончания дня ещё было несколько часов, и Назар надеялся застать моряков, нашедших утопленников, в порту. Суровые, неприветливые, иссушенные крутой жизнью в море и негодной на берегу, они ничем не помогли расследованию: шли вдоль берега по рыболовным делам, увидели блеск винтов на камнях и разбитую лодку, подошли ближе, различили покойников, сообщили в полицию. Всё.

Следующей в списке на беседу значилась супруга погибшего. Но Назару доложили, что утратившую в одночасье близких мужчин женщину после опознания в помутившемся состоянии забрали на скорой, и тревожить её расспросами врач до завтра не разрешил. Время результатов вскрытия ещё не наступило, а напарник Баир на связь с Назаром не выходил.

Следствие пока забуксовало. И Назар решил дойти до Сахалинского мореходного училища, где готовили капитанов, навигаторов, мотористов и других спецов морского экипажа. Многие невеличкие, далёкие от морских профессий, учились в «мореходке» заочно. Получить навыки судоводителя, стать капитаном дальнего плавания мечтал каждый из них. Владело подобное чаяние и Назаром Демьяновичем. Разузнав всё об испытаниях, сроках обучения и прочем образовательном, Назар отправился домой, чтобы, выспавшись, с рассветом продолжить расследование.

Утром капитан юстиции Калина заехал в прокуратуру, где случился странный, даже неприятный разговор с прокурором города и следователем Карахановым. Вскрытие ничего не обнаружило – никаких следов насилия, лишь должны от столкновения со стихией раны и повреждения. Последние звонки утопших проверили, незнакомых номеров не выявили. Для всех удар и потрясение. События предшествующих дней привычные: автоинспектор каждую ночь после работы дома, сын на каникулах на виду у матери. В общем, всё ясно и судьбой назначено. И нет нужды в опросах и продолжении дела.

Тем не менее Назар настоял на следствии, получил от коллег бумаги, чтобы являться в дома и задавать вопросы, и отправился к супруге погибшего, надеясь разрешить загадки непонятого путешествия на рассвете.

Вдова автоинспектора жила на берегу Татарского залива, на последнем этаже пятиэтажного дома, выкрашенного свежей краской, из окон которого в летний сезон можно было наблюдать стаи пугливых сивучей, полюбивших отчего-то малолюдный город Невельск, его волнорезы и жителей.

– Значит, не сказал, куда отправляются? – спросил вдову Назар.

– Нет, не сказал... Ссорились мы в последние дни. Зеркало муж разбил. Пожалел денег на грузчиков, а я допекала. Вот и решил от него избавиться. Во дворе габаритное не оставишь, мусорка только маломер по уграм берёт.

А у него ещё неприятности на работе. Не распознала я. А теперь обоих лишила... – И она заплакала, не справляясь с собой.

Назар при виде женских слёз всегда чувствовал себя беспомощным, неправым. Всё, что мог он в подобный момент сказать, сделать, казалось таким несущественным, бесполезным. Долг правоохранителя заставлял его и дальше, через чужую боль, доискиваться до правды, но в этот раз Назар Калина сделал то, чего никогда себе в последующем не позволял.

– Сочувствую вашему горю и совершу всё для разрешения дела. Вы обязательно узнаете обо всех деталях гибели близких, – пообещал Назар и доверительно накрыл руки вдовы ладонями. – Но вы должны рассказать обо всех подозрениях. Любая деталь...

– Город у нас небольшой, все на виду. Мужчины в основном ловом заняты. Но нечистое это дело, страшное. Пропадают люди... Вот в доме напротив в прошлом месяце вернулся с рыбалки только пёс Чувик, а хозяина и след простыл. Говорят, рассорился с начальником переработки «Сивуч Интернешнл». Всё они здесь под себя подмяли – и «Главрыбвод», и местных моряков в страхе держат. Да что я вам говорю, расспросите коллег, каждый месяц люди исчезают. Думала, силовики под защитой... А нет, похоже, и мой не тому дорожку перешёл. Сам он никогда не рассказывал. Но неделю назад заявился ко мне пьяный сосед со второго этажа, болгарин Пётыр Ташев. Мужа дома не было, и сосед долго стучал в дверь, страшно ругался, кричал на своём языке. Он водителем работает у большого начальника. Оказалось, что муж задержал его нетрезвым за рулём и готовил дело к лишению прав. А они для Петыра и жизнь, и средства. Закончил он, правда, плачем у моей двери, обещал принести какой-то кашкавал. Мужу я про это не стала рассказывать, крутой он у меня в таких вопросах, покалечил бы беднягу...

Назар проговорил ещё некоторое время с вдовой и, окончательно убедив себя в неслучайности трагедии, отправился вниз к соседу-болгарину.

Петыр Ташев был скуп на откровения и немногословен. Отрицал все подозрения, хотя и подтвердил, что случился на дороге проступок, но не пьяное вождение, а лишь превышение скорости. Дело, мол, погибший на него не стал заводить, по-соседски, в чём следователь сам может убедиться, справившись в автоинспекции. А что касается беспокойства жены, то он обещает подойти с извинениями. Уже при расставании Назар поинтересовался у Петыра, не знает ли тот что-нибудь о разбитом зеркале. Этот вопрос неожиданно вызвал самые сердечные признания у водителя.

– Это всё Воден дьявол, морской, по-вашему – чёрт, – зашептал Петыр. – В дни полной луны выбирается он на берег и сидит свою дюжину дней на болотах, зазывая к себе жертв-прохожих. Не время тогда для охоты и для прогулок под убывающей луной. Кто явится ему на глаза, сразу может погибнуть, а кому удаётся от него спастись, того дьявол всё равно метит – бьёт, будто случайно, в домах зеркала, нарушая границы между мирами и приближая несчастную жертву к гибели...

Невероятной казалась Назару легенда болгарина, но руки Петыра неудержимо тряслись, глаза помутились, а нутряной страх пробирал его искренно и непритворно.

– Виноват, по-вашему, этот морской чёрт? – скорее выгадывая время для иного вопроса, уточнил Назар.

– Да, видно, попался ему инспектор. Ну, а спастись, значит, можно, утопив зеркало с меткой на рассвете в море. Потому и отправились, сын помог. Корабль ведь посередине между мирами идёт. В океане, значит, смерть, а над водой, на суше – жизнь. И если метку дьявола в мир неживой ски-

нешь, есть шанс не приметиться. А решение, значит, я ему это и надоумил. Но не успели они. Видать, судьба...

Распрощавшись с Петыром, Назар созвонился с автоинспекцией – дел в отношении гражданина Ташева не было. Болгарин не врал.

Ранним утром Назар пробудился от звуков клаксона под своим окном. Это был Баир, решительно зазывающий столичного коллегу.

– Назар, дорогой, служба терпит, традиции – нет. Двинем на лодках на Монерон – охота, пикник и наши места сивучные, – приглашал Баир, не принимая никакого отказа.

Назару приятно было внимание коллеги, но больше всего он радовался возможности выйти в море...

До острова Монерон шли на моторных лодках почти два часа, Калина быстро освоился и, признавшись Баиру в любви к судоводжению, благодарил за неожиданную радость.

С юга на север остров растянулся на семь километров и был вдвое длиннее с запада на восток. Коллеги-следователи шли мимо скалистых берегов и невысоких, поросших пихтами и елями, остроконечных склонов, сопок – по-местному. Баир рассказывал про образованные волнами и ветром пещеры в скалах, про маяк и метеостанцию на Монероне, возведённые ещё в начале двадцатого века. Встречались им по пути лопухи, разросшиеся выше человеческого роста, способные укрыть самого крупного мужчину от непогоды, а еще юркие, обильные рыбой реки. Рядом с одной из них и расположились путники на привал.

Справа от реки начинался крупнотравный широкий луг, спадающий с крутого обрыва в море, а с другой стороны, за обильными зарослями бамбука, пряталось топкое место.

– Здесь живописно, а пройдя до края, можно увидеть сивучей, греющих брюхи после обеда на берегу, – рассказывал Баир, доставая из рюкзака различный припас и указывая в сторону обрыва.

– Это ведь всё неспроста? – вдруг уточнил Назар. – Самое время нам объясниться.

Баир насторожился, даже погрузстнел, но постарался придать голосу прежнюю безмятежную интонацию:

– О чём ты, мой друг?

В этот момент что-то затрещало, защёлкало. Короткие жуткие вздохи раздались со стороны бамбука. Казалось, там на ветру кому-то сильно не хватало воздуха. И вот неведомое существо начало часто и недовольно бухтеть, через какое-то время перейдя на громкое ухающее мычание. Что-то inferнальное было в этих звуках, и немного нашлось бы смельчаков, способных решиться на прогулку по укывшемуся за бамбуком болоту.

«Неужели об этом рассказывал Петыр?» – думал про себя Назар, но Баир, заметив растерянность коллеги, вытащил из чехла ружьё и отправился в заросли.

Вскоре оттуда донеслись выстрелы. Назар различил не менее восьми. И действительно, вернувшись к месту стоянки, Баир предъявил коллеге тушки восьми убитых им птиц. Целая семья стала добычей правоохранителя. Особи были неизвестного Назару вида – средней длины лапы, похожие на куриные, только намного толще; тело охристо-рыжее, яйцеобразное, крупное; длинный прямой клюв с зазубринами на конце; а ещё круглые, застывшие ужасом, жёлтые глаза. Баир сообщил, что более птицы не мешают, а Назар всё не мог избавиться от чувства свершившегося на его глазах дурного проступка.

– Так что тревожит тебя, мой друг? – всё так же просто обратился к Назару Баир.

– Вы не сказали, что знали утопленника, – не обращая на фамильярность коллеги в обращении, продолжил Назар. – И даже общались с ним в последние перед выходом в море часы...

– Не пойму, откуда такая чистуха?.. Сам проверь распечатку, – с вызовом и неприязнью ответил Баир.

– Он звонил с аппарата жены. И ещё я беседовал с Петыром, – наугад добавил про Ташева Назар.

– Не знаю, что там тебе наговорил этот болгарский чёрт. Но право твоё – раз дознался, слушай...

И Баир стал рассказывать о случившемся Назару, наполняя стопки настойкой «ерофеича».

Одноклассник Баира, Ташев Петыр, попался в ходе облавы автоинспектору. Возможно, был нетрезв или скорость превысил, но имелись основания для лишения прав. На мольбы Петыра автоинспектор не соглашался, и тогда Баир, помня о школьном товариществе, поговорил со смежником. Дело замяли, а утопленникам просто не повезло. Всё остальное, странное-невьясненное, не имеет к Баиру отношения и не стоит того, чтобы начинать служебку и делать из Караханова злодея.

– Ну что? Оформляем отказник, – подытожил Баир, доставая из рюкзака нужную форму. – Тут и Юрий Александрович просил побыстрее. Петыр ведь на людях ничего не расскажет. Безнадёга.

– Баир Сергеевич, я вынужден дать делу решительный ход с изложением обстоятельств...

– Зря ты так, не по-нашему это, не по-сахалинскому. Ну, да будет. Давай по одной – и назад! – И Баир протянул Назару полную густой настойки стопку.

Капитан юстиции Калина опрокинул в себя вязкую жидкость, и голову его как-то сразу закружило. Он прилёг на траву и стал рассматривать суетливо пролетающие над ним облака, заворачивающиеся, переплетающиеся никогда прежде невиданным образом...

Назар пробудился, когда уже стемнело. Головная боль отдавала в виски, тошнота без конца подступала, подхватывала. Он был на поляне один, collega оставил его и, похоже, хотел отравить.

Следователь направился к лодкам. Карманы его были пусты, и, оставшись без связи, он уже раздумывал, каким образом будет выбираться с давно не обитаемого острова.

Но лодка была на месте, Баир ушёл на своей. Море крутило, ветреная погода должна была разразиться ливнем. Опытные моряки не отважились бы выйти в море в начинающийся шторм. Но Назар не сумел различить опасность, завёл двигатель и отплыл в сторону Сахалина.

Вскоре набежал холодный вихрь, закрапал дождь, и прогулка на лодке в прежде тёплый день стала вмиг суровой пыткой. Назара било о борта и дно судна, штормовое волнение грозило ежесекундно выбросить его в море.

Больше часа Калина был в пути, и впереди через мглу непогоды наконец проявились очертания крупнейшего острова России. Седая пена с силой разбивалась о его берега, наполняя пространство вокруг яростным стоном и оглушительным шумом падающей воды.

Почти дойдя до земли, Назар захотел развернуть лодку, чтобы пройти вдоль береговой линии до порта Невельска. В самый момент поворотного манёвра мотор судна вдруг закашлял, затархтел и сник.

«Неужели вышел дизель?» – ощупывал Назар в темноте мотор.

В этот момент пальцы его провалились в ровное аккуратное отверстие в баке двигателя. Такое же, должно быть, нашли и утопленники, сражаясь со стихией на воде.

«Баир...» – только и успел подумать капитан юстиции Калина, прежде чем судно дало на волнах крен и перевернулось.

В понедельник утром прокурор города Невельск Юрий Александрович Ким был чрезвычайно обеспокоен: несчастные случаи с гражданскими ещё можно было как-то приукрасить, преподнести, но любая гибель сотрудников поднадзорного ведомства грозила решительным служебным расследованием, а там, кто знает, до чего областные коллеги способны доискаться, дорыскать.

И каким же было его облегчение, когда на пороге кабинета появился капитан юстиции Калина, пускай и разбитый, и растревоженный, но живой. Лицо Назара, прежде приятное, было сильно искорябано – ссадины и кровоподтёки покрывали его. Перемещался по комнате Назар с трудом, сильно прихрамывая на левую ногу.

– Назар Демьянович, ну куда это годится! Только к нам заступили и уже чуть не сгнули!

– Так по вине назначенного помощника! Следует немедленно арестовать Баира Сергеевича. Он причастен к гибели автоинспектора и почти преуспел в моей, – сказал Назар и представил прокурору обстоятельства неясного прежде дела.

Баир Караханов действительно вступился за одноклассника Петьра Ташева, которого хотели «ни за что» лишиться водительских прав. Он попросил автоинспектора об услуге – заменить лишение на иную меру воздействия. Погибший выполнил просьбу и даже прекратил дело. Довольный протекцией, Петьр пришёл с благодарностью к Баиру, презентовав не только хмельной и провиантный припас, но и аккуратно спрятанный конверт с деньгами, о чём, бравидуя безнаказанностью, зачем-то рассказал автоинспектору. Последний, и так недовольный вынужденным попустительством, сообщил Баиру, что знает, как Петьр отблагодарил его. Эта осведомлённость неприятно поразила и страшно обеспокоила старшего следователя Караханова. Баир решил, что всё изначально затевалось ради подставы, и теперь автоинспектор расскажет о взятке или начнёт шантажировать, а потому задумал избавиться от свидетеля. Виновный в злоключениях Петьр под угрозой расправы рассказал Баиру, что недавно поднимал в квартиру автоинспектора зеркало, которое они случайно разбили на лестнице. И последний теперь из-за скверных примет и суеверий намерен выбросить его в море в нелюдимое предрассветное время. Дальше, со слов повторно опрошенного Назаром Петьра, Баир выследил утопшего, пробил в его лодке топливный бак, рассчитывая на непогоду и стечение несчастливых обстоятельств...

– Страшное дело, Назар Демьянович... Непогожее для нас, невельчан. Но мы здесь, на далёкой от столицы земле верим в некоторое судьбы предопределение. Беды и неприятности не случаются сами по себе. Не безгрешен был автоинспектор, зря стал заглядывать в чужой карман. И Баир Сергеевич перешёл границы. Потому и присвоило их море... – вздохнув, развёл руками прокурор. – Обнаружили вчера лодку Караханова на берегу. И тело его, злополучного, рядом. Думал, ещё и вас утратили...

Новость о гибели коллеги-следователя поразила Назара. Он знал, что в каждом деле разыгрываются непростые судьбы людей, которые на самом деле не желают зла, а лишь ищут счастья...

– Так вот, раз уж нет у вас прямых улик, да и Баир Сергеевич больше не с нами, не ворошите дело. А?.. Пусть покоится с миром товарищ наш по службе. Прикроем по-братски.

– Простите, Юрий Александрович, но я так не могу, – справляясь с нерешительностью, ответил Назар. – Служба и честное слово требуют от меня иных поступков.

– Тут ведь ещё есть кое-что. В телефоне Баира Сергеевича нашли снимки, ваши снимки, на фоне убитых краснокнижных птиц.. Дело это, так сказать, сильно может навредить карьере следователя. Вы бы всё же подумали..

Назар ничего не ответил на это и, покинув прокуратуру, отправился к супруге погибшего. Многому в жизни его затем суждено было перемениться, но больше всего в тот час он боялся того, что придётся теперь отказаться от поступления в «мореходку». Попав в волнение и шторм, он осознал, что совершенно не переносит качку. Ну а разве бывают капитаны дальнего плавания, не способные противостоять колебаниям морского дьявола?

**Анатолий
АВРУТИН**

ЧТО ОСТАНЕТСЯ ЛЮДЯМ И ПТИЦАМ...

Ещё полчаса до пробудки,
Ещё не румянится даль.
Но мальчик играет на дудке,
И ветер разносит печаль.

Чего это, мальчик, чего ты
Дуденьем встречаешь рассвет?
Струятся печальные ноты
Испуганным птицам вослед.

И птицы от этой погони
Всё мечутся между дерев.
И мальчик их кормит с ладони,
Лепёшку в труху растерев.

Но всё ещё медлит светило,
И всё ещё полутемно.
И кажется – всё это было,
Я всё это видел давно.

И птиц, что с мелодией чуткой
Очнутя в луче золотом,
И этого мальчика с дудкой,
И всё, что случится потом...

-
- Анатолий Юрьевич Аврутин родился и живёт в Минске. Окончил БГУ. Автор двадцати пяти поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, нескольких книг переводов, книги избранной прозы, обладатель «Золотого Витязя-2022» в жанре поэзии, лауреат Национальной литературной премии Беларуси, Большой литературной премии России, премии им. Марины Цветаевой, годовых премий журналов «Москва», «Наш современник», «Молодая Гвардия» и многих других. Награждён орденом Франциска Скорины и одноимённой медалью. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака.

Рудин, Чацкий, Рахметов, Базаров –
Русской классики облик и глас...
Сколько было словесных пожаров,
Сколько диспутов было о вас!

Утопилась в грозу Катерина,
И Каренина шла к полотну...
Всё в минувшем давно, всё едино,
Всё смешалось в картинку одну.

У истории столько изломов,
Столько ужасов, столько пропаж!
Покатил в экипаже Обломов...
Как хоть выглядел тот экипаж?

Вновь Печорин одёрнул тужурку,
И Онегин бредёт среди молвы.
У Ростовых танцуют мазурку...
Позабыты мазурки, увь...

Всё в минувшем давно, всё далёко,
Век железный отправил на слом
Даже чёрную музыку Блока,
Что курсистки вдыхали в альбом.

Не познавшие литературы,
Без души накуражившись всласть,
Дети века летят с верхотуры,
Не мечтая в романы попасть.

Начать бы с чистого листа,
Не совершить былых ошибок...
И биография чиста,
И молод... И характер гибок.

Не ту любил... Не так речист...
Не те черты в соседях ценишь...
Здесь бесполезен чистый лист,
Ведь почерк... Почерк не изменишь.

Всегда мне казалось, что мука похожа на звук,
Всего и отличий – страдания жалкая малость.
Гораздо большее потеря ревнующих рук,
Несказанность слова... Всегда мне такое казалось.

А нынче за ворот холодная мгла потекла,
Промозглая полночь всё шарит озябшее горло.
И сам я – бесплотен, и сам я – холодная мгла,
Мне мука навстречу шершавые руки простёрла.

И чувствуя время лишь этой шершавостью рук,
К щеке прикасаюсь, а кожа всё так же шершава.
Шершавая птица шершаво присела на сук,
И в душу втекает шершавая эта отрава.

Какое прозреньё?.. Что мудрые молвят мужи?
Зачем это всё, если канули женские руки?
И чёрные мысли мне в горло вонзают ножи –
На лезвиях вязью: «Забудь о любви и разлуке!»

И что остаётся? Бесплотною мглою бредёшь,
Безмолвно крича, сам себя понимая едва ли..
И вырвать не в силах из горла тот призрачный нож,
И в венах не кровь, а лишь сгустки тоски и печали.

Зое

И если я рухну у входа,
Чуток до двери не дойдя,
И следом наступит свобода
От света, любви и дождя,
От рук твоих, глаз твоих, взгляда,
От всех этих споров взахлёб,
От сумрака и листопада,
От капель, упавших на лоб..
Ты знай, что оставил тебе я
Несделанность сделанных дел,
Обманчивость уз Гименея,
Всё то, что сказать не успел.
Да, да, не успел.. Не сказалось..
А сколько бы нужно сказать!
Как всё это быстро промчалось!
И вот роковая печать
Поставлена... Заперты двери,
И кто-то упал на порог..
Ты будешь сильнее потери,
Ты сможешь... Хоть я бы не смог..
Поэтому здравствуй, родная!
И, если захочешь, услышь,
Что шепчет снежинка, слетая
На ржавую ветренность крыш.
О чём это – ветка о ветку! –
Морзянят в ночи тополя?

Порадуйся весточке редкой,
Прости, если вздрогнет земля.
Подумай, что просто устала...
Но кто-то же, смерти назло,
Поправил твоё одеяло,
Когда оно на пол сползло...

Дверь резная, глушь лесная,
Двадцать первый гиблый век.
Я брожу себе, не зная,
Зверь я или человек.

Нынче очень редки кони,
Рафинадом дорожу –
Им коня кормлю с ладони,
Человека обхожу.

И гляжу, что встречный тоже,
Нервно голову подняв,
Реагирует похоже –
Прочь... Не мудрствуя... Стремглав.

Поброжу... Себе не веря,
Рухну в жухлую траву...
Только лошадь или зверя
Человеком назову.

Что останется людям и птицам,
Когда здесь не останется нас,
Когда мне уже не восхититься
Золотою бездонностью глаз?
Буду я и нигде, и повсюду,
Близь покинув и дальнюю даль.
Но печалиться больше не буду,
Хоть куда её денешь, печаль?..
Стану криком в ночи лебединым,
Тенью птицы в неспешной реке,
Алой бусинкой спелой рябины,
Тихим шелестом на чердаке.
Чёрной точкой на листике белом,
Крошкой смолы под бурой корой,
Каплей влаги, сбежавшей несмело
По окошку осенней порой.
Стану робким листком повилики,
Долгим криком в безлунной ночи...
А разбудят протяжные крики –
Не пугайся.. И не закричи...

Как много лет тому назад,
Здесь липы тихо шелестят,
И вечным кажется окно
В подлунном мире.
Всё тот же дом и тот же сад,
И этот сумеречный взгляд,
И так же вороны бренчат
На хриплой лире.

Как много лет тому назад,
Никто ни в чём не виноват...
Лишь одиночество грустит
У старой липы.
И ты опять наедине
С той тенью женщины в окне...
А где-то дальше, в глубине,
Глухие всхлипы.

Как много лет тому назад,
Такой же липкий снегопад,
И снег за шиворот ползёт,
Напоминая,
Что в этот холод ледяной
Вдруг станешь стылой пеленой
Под этой дымкою сквозной –
Судьба такая.

Как много лет тому назад,
Над входом лампы не горят,
И тень твоя перед крыльцом
Всё шире, шире...
И, как давно заведено,
В глазах – печаль, в крови – вино,
И вечным кажется окно
В подлунном мире.

Слишком долго ждали мы,
Позабыв печали,
А потом средь этой тьмы
Ничего не ждали.

Слишком часто слыша «нет»,
Каждый лишь молился.
Слишком часто белый свет
Чёрным становился.

Слишком белые снега
Пеленали дали,
А духмяные стога
Душу пеленали.

Даль сегодня хороша,
Всё глядим спросонок –
Вырывается душа,
Будто из пелёнок.

Впереди один пейзаж –
Только дали, дали...
Но за них ты всё отдашь,
Все свои печали.

Шаг вперёд... Шажок назад...
На сердце привольней.
Упирается в закат
Крест над колокольной.

**Ксения
ЧЕПЕЛЕНКО**

В СТИЛЕ ЕХЕМПЛА

*Ксения Чепеленко.
Иллюстрация к циклу «Учитель»*

-
- Ксения Олеговна Чепеленко родилась и живёт в Саратове. Сфера интересов охватывает различные области искусства, художественное творчество, научную и педагогическую деятельность. Произведения малой формы, стилизующие Ехемпла, – образцы средневекового жанра «примеров», представлены в виде притч.

ИЗ ЦИКЛА «УЧИТЕЛЬ»

1

Одиноко жил в своём замке молодой Герцог. Рано оставил он шумный свет с его пирами, шествиями и блестящим весельем и поселился в имении своём, окружённом лесами и болотами. Единственной радостью Герцога был сад его. Ибо прекраснее этого сада не было на свете. Росли в нём пышные розы и душистые нарциссы, скромные фиалки и огненные лилии, яркие тюльпаны, стоящие прямо, как солдаты на страже, и царственные магнолии, проливающие в жаркий воздух свой аромат, густой и терпкий, как вино. Приносил этот сад и чудные фрукты – ярко-жёлтые апельсины и нежные персики, спелые фиги и гранаты, истекающие соком, алым как кровь.

Да, прекрасен был сад Герцога, но чего-то не хватало в нём – ибо посреди него было место, на котором ничего не росло. И, бродя по саду своему, радовался юный Герцог, глядя на цветение, и задумывался, глядя на пустующую поляну. Так прошли многие годы.

Как-то раз охотник, принесший свежей дичи к столу Герцога, передал весть, что облетела все края. Войной прошла жестокая Королева по дальним странам и, разорив их, возвращалась домой с богатой добычей.

Но прекрасней золота и серебра был пленный Король тех дальних стран, и дивились на него жители городов и деревень, ибо были они пшенично-волосы и смуглы – он же был бледен, как лепесток лилии, темнее ночи были кудри его, а глаза его были голубыми, как море его страны.

Холодно выслушал юный Герцог этот рассказ, ибо, казалось, не должен был он коснуться его. Но назавтра же узнал он, что мимо замка его едет войско Королевы и что она, утомлённая дорогой, желала бы остановиться у него. Нехотя согласился Герцог и пригласил её к себе, среди слуг же её заметил он и Чужеземца, о коем говорил охотник, и подивился красоте его.

До поздней ночи пиrowала Королева в замке Герцога, а сам он, утомлённый шумом, вышел в свой сад. Сумерки уже спускались на него, и яркие звёзды освещали его своим медовым светом, а холодная луна сонно любовалась хрустальным станом фонтана. И сладко, но печально пел с ветвей миндального дерева соловей. И смотрел юный Герцог и на пробуждение ночных цветов, и на блеск капель в мраморной чаше фонтана. А счастье и грусть были попеременно в душе его. Но вот дошёл он до пустующей поляны и остановился в изумлении, ибо великое чудо открылось ему: в одночасье выросло там белоснежное деревце неопишуемой красоты. Рядом с ним стоял Король-чужестранец. Склонив голову, с печальной улыбкой смотрел он на деревце, и губы его шевелились, ибо на неведомом языке говорил он с ним, и листья дерева слабо шелестели и шептали ему в ответ. И прислушивались к их разговору цветы, а сам певец ночи соловей замолк, не желая нарушить их беседу.

Когда же вернулся в замок свой Герцог, застал он сборы, ибо желала продолжить путь свой Королева, спеша вернуться домой.

И вот с вершины холма глядел Герцог, как всё дальше и дальше уходит пышный кортеж, как смолкают звон оружия и пение труб. И когда скрылось последнее облако пыли над безлюдной дорогой, пошёл он в свой сад и приблизился к белоснежному дереву. Прекрасное, всё в цвету стояло оно, ветви свои протягивая к солнцу, и ярко-изумрудные листья его трепетали на лёгком ветру, а золотисто-чёрные пчёлы летали вокруг него, собирая сладкие капли нектара. Чудный запах дарило оно и утешение глазам – но не смола

стекала по стволу его и не роса блестела в белых цветах его – а горькие слёзы. Ибо ночью и днём, при восходе солнца и на закате тосковало оно о том, кто его покинул, роняя слёзы свои, словно спрашивало оно: «О, где тот, кто пробудил меня к жизни? Где тот, кто говорил со мной? На какой чужой стороне он теперь и на что смотрят его глаза? И придёт ли он ещё сюда говорить со мной? И увижу ли я его снова?»

2

Всю ночь шёл он и очень устал. Долго двигался он, вглядываясь в туман, и непроглядная тьма окружала его со всех сторон. Но наконец ночной мрак стал рассеиваться, и облачное серое утро встретило его перед деревенькой, утонувшей в грязи, ибо много дней подряд шёл дождь. Безрадостная картина открылась его взору: чёрные лачуги ютились на краю густого мокрого леса, а в глубоких лужах перед домами играли дети да валялись свиньи.

С трудом передвигая усталые ноги, подошёл Странник к одной из хижин и постучал в тёмное оконце. Хозяин вышел к нему навстречу. Тогда сказал ему Странник:

«Друг, долго шёл я и сильно устал. Позволь же мне отдохнуть у тебя, а потом покажи окрестности, ибо не ради праздных развлечений собрался я в путь. Знай же: перед тобой – Великий Строитель».

«Что ж, оставайся, – ответил ему старик, – не любят в нашем селе чужеземцев, но, быть может, творение твоё принесёт нам богатство и славу, и потому покажу я тебе ближние леса и поля. Но скажи, что хочешь строить ты?». И сказал ему Странник: «Я – строитель храмов, создам в этих краях нечто чудное».

Следующее утро было светлым. Ветер унёс облака, и солнце вышло на небосвод, сверкая подобно бриллианту. Чуден был густой зелёный лес – деревья его, словно великаны, держащие свод, стояли прямо, а вокруг них с радостными песнями носились лёгкие птицы. И улыбался Путник, вдыхая аромат цветов и тёплый запах мха, и думал, что нашёл то место, которое искал. И вот, когда увидел он изумрудную поляну у излучины неспешно текущего ручья, то воскликнул в радости, и эхо многократно повторило слова его: «Да, отыскал я! Здесь возвысится мой светлый Храм!»

Несколько лет прошло с тех пор. Как-то поздней осенью в избе старика, приютившего Строителя, собралась толпа крестьян. «Да, видно, зло пришло к нам вместе с тем Путником, – озлобленно говорили они меж собой, – вот и хлеб не родится у нас, и дети наши, смущённые его рассказами, не играют, как прежде, а часами сидят на поляне. А на ней... Не нам ли бахвалился он, что Великий Строитель? Не нам ли расписывал свой Храм под сенью лесов? И что же? И по сей день пуст тот зелёный холм, что он выбрал! Так не обманул ли он и не даром ли ест наш хлеб?». Но вот скрипнула дверь, и со светлой улыбкой вошёл в дом Строитель. И, оглядев изумлённо толпу, спросил: «Друзья! Зачем собрались вы здесь?» Зашумели крестьяне, а один из них ответил так: «Затем, чтобы сказать тебе: уходи! Не нуждаемся мы в праздных безумцах, и потому – уходи и ищи себе нового пристанища». «Что же, – тихо промолвил Строитель, – прощайте, глупые, неразумные люди». Взял он посох дорожный свой и, выйдя из хижины, исчез в холодном сумраке ночи.

Суровый мороз ударил этой зимой. Тяжко приходилось бедному человеку: ветер распахивал двери их убогих домов, выстуживал их жилища. Богачи же жарко топили свои печи, но много требовалось вязанок дров, и много при-

ходилось платить смелым лесорубам, которые ради пропитания ходили в лес за хворостом. Как-то далеко ушёл от дома юный Лесоруб и сильно замёрз – с трудом нёс он тяжёлую вязанку на своих плечах, с трудом двигался, а мороз колот его своими хрустальными иглами. Но, собрав свои последние силы, снова шёл он в путь. И вот добрался он до замёрзшей поляны, укутанной снегом, и, увидев вдали огни своего селения, подумал так: «Вот слава Богу и дошёл я до дому. Хоть и бедно моё жилище, а всё же теплее там, чем в этом ледяном лесу». И двинулся он дальше, но, ступив на поляну, невольно залюбовался он высокими деревьями в белых снеговых шапках и застывшим ручьём, блиставшим в лунном свете.

Но вдруг изменился мир вокруг него, и увидел он великое чудо: посреди холма стоял высокий Храм, коего никто никогда не видел – был он весь из прозрачного стекла, а внутри его горел яркий свет, затмевающий свет луны и звёзд, тёплый и благостный. А на колоннах из хрусталя сидели райские птицы. И звон колоколов звучал повсюду в воздухе, и слышал поражённый и восхищённый Лесоруб, как гудел огромный колокол, как серебристо смеялись маленькие колокольцы. А когда наконец смолк звон, призывающий праведных к вечеру, раздалось в соборе прекрасное пение. Это все небесные ангелы служили святую службу Господу нашему в Храме Великого Строителя.

3

У самого моря одиноко жил бедный Безумец. От рождения он был одержим и слеп, но не находили его страдания никакого сочувствия – жители его родного города гнали его прочь. И вот пошёл он, одинокий, на шум волн, чтобы жить в холодной пещере, обрызганной пеной морской, и питаться сырой рыбой, выброшенной приливом на берег. Много дней и ночей прожил он так, не зная, что проходит мимо него – день или ночь.

Как-то было чудное утро. И едва солнце поднялось над горизонтом и засверкало алмазами и золотом на голубом шёлке неба, пришёл на берег усталый Путник. И радостными криками приветствовали его чайки, летающие над волнами, и с улыбкой смотрело на него солнце, ибо был этот Путник – Божий Пророк. Из края в край ходил он, бесприютный, прославляя славными делами своими Творца, и вот подошёл к городу, стоящему на берегу. Но не вошёл в него, а, расположившись у моря, сложил из камней очаг и стал печь в нём каштаны и только что выловленную рыбу.

И аромат этих нехитрых яств разбудил Безумца, спавшего неподалёку. На четвереньках приполз он к Страннику и лёг рядом с огнём. И, взглянув на него, сжалился Пророк. Вздохнув, помолился он Богу и коснулся рукою глаз несчастного. И тотчас пелена спала с его век, и разум, спавший доселе, пробудился. Со слезами благодарил спасённый великого Пророка. А тот, улыбнувшись, сказал: «Что ж, сын мой, если ты этого желал, то возвратись в родной город и будь счастлив».

Ободрённый, пошёл Безумец в город, благословляя судьбу, и яркий, шумный день встретил его. Был тот город городом базаров, и всё можно было найти и купить в нём. Много народу разных племён и языков толпилось на площадях этого города. Но бродящий меж ними прозревший не радовался шуму и суете, и даже золото не занимало его, ибо глаза его, подаренные Пророком, не пленялись картинами алчности и праздности. И в толпе вдруг затосковал бедняк о пустынном берегу моря и о том, кто даровал ему разум – и, повернувшись, покинул он город и пошёл по прибрежному песку.

Вечер спускался к сверкающему морю, и солнце прощальной улыбкой искрилось на его волнах. И не было никого вокруг, лишь ветер неслышно бродил по влажному песку, да слабо дымилась зола в покинутом очаге из камней. И в горе воскликнул несчастный бедняк: «О, Боже! Зачем оставил я своего Спасителя? И зачем жить мне в городе, кой покинуло моё солнце? О, несчастный я! Не мне было слушать праздный шум толпы и оставлять моего Благодетеля... Но теперь пойду я за ним и в долгих странствиях вновь обрету его».

И, выйдя на пустынную дорогу, быстро зашагал он по ней и шёл вслед за уходящим солнцем всё дальше и дальше. И море слабо шумело ему вослед, а чайки глядели на него и со стоном кричали, словно прощались с тем, кто покинул и море, и чаек не для шумного города и праздных забав, а ради Солнца и Света.

ИЗ ЦИКЛА «ЦАРЬ ФАНТОМ»

1

О, царь Фантом! Истинно прекрасен ты, и царство твоё выше всех царств земли. Ибо вот что сравню с тобой? Глаза твои – камня чудные, не имеющие цены, волосы твои – золото расплавленное. Сам ты подобен мраморной колонне, и весь вид твой внушает трепет, как вулкан, дышащий огнём, и изумление – как солнце и луна, разом вышедшие на небо. О, царь Фантом! Да будет слава твоя перед всеми людьми на века!

...Давным-давно жил на земле Человек. В сумрачном городе вёл он дни свои, со всех сторон окружённый камнем домов и равнодушием людей, кои много раз твёрже любого камня. И был Человек тот весьма несчастен – света не видели глаза его, ибо от мрака предрассветного до сумрака вечернего трудился он, дабы заработать себе на пропитание; домой же возвращался порою ночью, дорогой горько кляня судьбу свою. Так шла его жизнь долгие годы, и истинно – высохло сердце его в страданиях сих, сокрушался некогда цветущий разум. Как безумец стал Человек тот в горе своём.

Вот однажды, возвращаясь в дом свой, остановился Человек тот и воззвал голосом весьма громким. И вот какими были слова его:

– О, царь Фантом! Говорят, прекрасен ты, и царство твоё выше всех царств земли. И если истинно то, что рассказывают о тебе люди, если правда все слова их, то с чем сравню тебя? Слава твоя велика, сила твоя беспримерна – так помоги же мне, светлый владыка, ибо не хочу я более жить на Земле, кровью и потом утучняя её разбухшее тело, и не хочу более говорить с людьми, ибо сердца их – гранит, а плоть – камень обугленный. Да будут прокляты они во веки веков. О, царь Фантом! С тобой хочу я быть и узреть все чудеса мира твоего. Услышь же меня, великий дух!

Так восклицал и, едва произнесли сие уста его, под землю опустился он, да так глубоко, что не слышно было и петушиного крика. И было ему это в удивление, ибо многим известно, что царство царя Фантома – царство подземное, но не многим ведомо, сколь глубоко место, отведённое ему. И едва погрузился под землю Человек тот, как узрел сияние столь сильное, что закрыл лицо своё, опасаясь ослепнуть.

Прямо перед ним высилось царство великое, и было оно прекрасней всех царств земли. И вступил Человек в царство то, и был встречен великим владыкою – светлым царём Фантомом. И истинно – нимало не солгали люди,

восхваляя красоту его, ибо были глаза его – камни чудные, волосы – золото расплавленное, сам он подобен колонне из мрамора. Всем видом своим внушал трепет, как вулкан, дышащий огнём, и изумление – как солнце и луна, разом взошедшие на небо.

И истинно счастье обрёл Человек тот, и в радости жил в царстве том многие годы. Но неразумны люди... Кто знает, может, это ветер с земли, пробившись сквозь толщи бесценных пород, принёс печаль в царство радости, а может, печаль та родилась в сердце Человека того, но только затоковал по тёмному роду, в коем был рождён, и по немногим друзьям, коих оставил.

Тогда перед светлы очи царя Фантома явился тот Человек и просил на краткий миг отпустить его в царство надземного мрака. И убеждал его царь Фантом, говоря:

– Вспомни слова, коими заклинал меня допустить тебя в царство моё, вспомни, сколь многое сделал я для души твоей и сколь счастлив был ты всё это время. Вспомни и одумайся, ибо нельзя тебе вернуться на землю – там для тебя лишь смерть.

Так говорил, но не внимал ему тот Человек. Тогда, тяжело вздохнув, сказал ему царь Фантом:

– Что же! Вот конь тебе, конь крылатый. Он понесёт тебя и явит тебе родные места, но помни: если сойдёшь ты с него и нога твоя коснётся земли, камнем обернёшься ты, из коего взят. И будет сердце твое – гранит, а плоть твоя – порода обугленная. Лети же и скорей возвращайся!

...Утро было над миром. И столь прекрасно было оно, что плакал Человек тот, приникая к холке коня своего, коня крылатого. И в глазах Человека того ожили в тот миг родные места его, где жил он и страдал долгие годы. Но не дни минули с тех пор, как оставил он землю, а века. И не могли уже воскреснуть друзья его, кои давно умерли и в прах обратились. И когда понял сие тот Человек, в горе великом соскочил он с коня своего, коня крылатого. И в тот миг, как коснулась нога его земли, камнем он обернулся, из коего взят был, гранитом сделалось сердце его, и породой обугленной – плоть его. Так и ныне стоит он на месте том, многим в напоминание...

О, царь Фантом! Да не покинут тебя нашедшие путь в царство твоё! Да не позовёт их воспоминание в город Печалей. Что в нём – лишь горе и смерть!

О, царь Фантом! Да забьётся во дворце твоём источник забвения, ибо не желаю я знать и не стремлюсь помнить. И да будет слава твоя неизменна перед всеми людьми на века!

2

Под небом и над землёй в высоких облаках парил некогда летучий остров. Он был великим чудом бескрайних небес. От края до края покрывали его невиданные цветы и деревья. Посреди же его в великой славе стоял хрустальный дворец, столь прозрачный и светлый, что, когда в небесах разгоралась заря, стены его отражали сияние солнца, а когда ночь – в него гляделась бледная луна.

Да, воистину много чудесного в мире! Вот: прекрасны цветы в облаках и дворец в небе, сияние дня и тихий мрак ночи. Но что сравнится с красотой властителя острова того, царя Фантома? Вот: весь вид его заслоняет совершенство небес. Взор спит словно молния, глаза же его ярче всех звёзд мира.

Будь же славен сотни раз, о великий властитель! Подданные твои не жнут и не сеют и не вяжут в снопы колосья, в радости живут они, и печаль им неведома. Все дни свои они гуляют по обширным облачным просторам, не трудясь и глядеть на землю, коею некогда оставили. Да, воистину так и живут подданные того государства небес – летучего острова, а далеко под ними расстилаются города и царства земные – там горят огни, слышатся шум и грохот экипажей, виднеются башни со шпилями, звонят колокола. И там, ютясь в каменных склепах, великое множество людей томится и страдает. Но что из того?

...Было сие во времена далёкие, века достославные. Жил тогда на земле один Человек, был знаток он легенд и сказаний людских, оттого многое знал он о государстве – летучем острове, и о властителе его, царе Фантоме. И от знаний тех сильно горело сердце его, и желание его оказаться в том заповедном месте было весьма велико.

И вот истинно: выходил он из дома своего в час, когда мрак завладел землёй, и зывал голосом сильным к Звёздам – спутникам ночи.

– О, прекрасные Звёзды, спутники ночи! Сверканием подобны вы очам Великого владыки – царя Фантома! Так разгоритесь же ярче, проступив на бархате небес, ибо не вижу ничего я во тьме, не знаю, что делать мне!

Так говорил. И вняли ему Звёзды; свет их проник сквозь тьму и осветил путь Человека того. Но горе! В то время далеко был остров летучий от места того, и посему печалился тот Человек несказанно.

И в печали своей зывал он голосом весьма сильным к Ветру, дующему в свой рог:

– О, Ветер, дующий в рог, сметающий всё на своём пути, всё разрушающий, но и всё созидающий, ибо ты влечёшь вперёд корабли и силой своей вращаешь мельничные колёса, к тебе зываю! Молю: помоги! На крыльях своих ближе поднеси к месту летучий остров, ибо сильно горит моё сердце, и в месте сём у меня нужда!

Так говорил. И внял ему Ветер. Вот тучи застлали небо, облака, на коих покоится государство то, государство великое. Но горе! Высоко парил он, и было не достать до него и никак не достигнуть его. Тогда ещё сильнее возвысил тот Человек голос свой, восклицая:

– О, великий властитель, царь Фантом! Услышь, молю, голос мой, услышь и внемли. Видишь: Звёзды послушались слов моих, и Ветер пощадил меня. Но что из того? Что из того, что много страдал я здесь, на земле. Что из того, что знаток я легенд и сказаний людских? Что из того, что много знаю я о достославном государстве небес – летучем острове, и о тебе, царь Фантом, если не могу достичь царства твоего и вынужден жить вдали от тебя?

Так восклицал Человек тот и плакал весьма горько. А в небесах тем временем собиралась буря, тысячу смерчей вырвались на свободу в тот миг, срывая крыши домов, поднимая волны на море. И вот из среды могучих стихий, из недр облаков летучего острова с шипением вырвалась молния, разящая, словно взгляд царя Фантома. Тогда хлынул дождь небывалый, и в изумлении великом смотрел Человек тот, как из нитей дождя возникла лестница, подобная серебряной, идущая от облаков и достигавшая земли.

Понял тогда Человек тот, что услышал слова его царь Фантом и, ниспадо не медля, ступил он на лестницу сию и скоро достиг вожделенных небес. Тогда кончился дождь, и в тёмном небе загорелась заря.

С тех пор живёт человек тот в том государстве, на острове летучем и, как все подданные царя Фантома, не жнёт и не пашет, не сеет и не вяжет в снопы колосья, а лишь гуляет по облачным просторам, не трудясь и глядеть на Землю, коею некогда оставил.

А далеко под ним, внизу, расстилаются города. Там горят огни, слышатся шум и грохот, виднеются башни, звонят колокола, и там, по-прежнему ютятся в каменных склепах, томятся и страдают люди. Но что из того? Ведь все они, если только загорятся сердца их, могут воззвать и к Звёздам, и к Ветру, и к Властителю государства небес – летучему острову. И да услышит их сей достославный царь!

3

Знаешь ли ты, где рождается Ветер? Сила его велика: могучие деревья вырывает он с корнем, и камни расщепляет натиск его. Ведаешь ли, где обитель громов? Грохот их, как рёв зверя, как неумолчный шум тысячи водопадов. Видел ли ты, где куются молнии и где скрыты силы ураганов, неистовства смерчей? На краю света, на крыше миров, там, где тучи темны – там куются они, там хранятся они, там гранятся они, и там среди льдов и огня обитает Власть.

Но что она? Чему подобна? В чём её тайна? Вот, говорят многие, что она – высокий замок без окон и без дверей, стены его изо льда, крыши – из багровых туч, извергающих снег. Другие рассказывают, что она – трон из камней бесценных, скреплённых кровью людской, пролитой напрасно. А иные молвят, что Власть есть корона, венчающая главу величайшего из владык.

О, царь Фантом! Знать хочу я, что за корона венчает твою главу. Уж не та ли, что зовётся властью, уж не та ли, что именуется гребнем василиска?

...Поздний вечер сгущался над Землёй, и горы, застывшие в величии только что сотворённых, смотрели друг на друга через чёрные бездны, из коих поднималась мгла. А по извилистой тропе медленно брёл одинокий Путник. Долго шёл он, был тяжек путь его, и иссякли силы, но всё же не останавливался он и в трудах своих не знал отдыха. И возымела к нему сострадание Дорога, каменистой ширью коей он шёл, и обращалась к нему со словом утешения.

– О, Путник! Скажи мне, зачем и куда идёшь ты моею каменистой ширью, и, может быть, я помогу тебе.

Так обращалась к нему Дорога та, и отвечал ей Путник:

– Благодарю тебя за слово привета, Дорога, каменистой ширью которой идут стопы мои. Благодарю, но помощь твоя мне ненадобна, ибо иду я на гору высокую, к крыше миров, туда, где стоит замок изо льда, в коем находится трон чудесный из камней бесценных, на коем сидит властитель мира, царь Фантом. Ради него и иду я, ради голоса его и взора его, дабы увидеть того, о ком лишь слышал из неверных легенд человеческих.

Так говорил, и печалилась Дорога, каменистой ширью коей он шёл, и говорила ему:

– О, Путник! Молю тебя, не ходи, не поднимайся к крыше миров, как задумал, не входи во дворец ледяной, не приступай к трону великому и не желай, молю тебя, о, не желай видеть Властелина мира, царя Фантома. Ибо воистину тяжка жизнь тому, кто не видел его, но, увы, кто хоть раз взглянул на владыку, тому смерть неминуема.

Так говорила Дорога, но не слушал её больше Путник – дальше шёл он, хоть и не желали идти его ноги, волей стремился, когда не стремилось тело. И по-прежнему не знал он отдыха на пути своём.

И имели к нему сострадание Горы, пики коих подпирали небо, и обращались они к нему со словами:

– О, Путник! Поведай нам, зачем и куда идёшь ты, и, может, мы поможем тебе?

Так обращались к нему Горы те, и отвечал им тот Путник:

– Благодарю вас, Горы, пики коих подпирают небо. Благодарю, но помощь ваша ненадобна мне, ибо иду я к крыше миров, к высокому замку, к прекрасному трону, к очам властелина, царя Фантома!

Так говорил, и печалились Горы, пиками подпиравшие небо, и говорили ему:

– О, Путник! Просим тебя, не ходи, куда задумал, и не желай видеть того, чей взгляд – смерть для сынов земли. Ибо вот – тяжка жизнь тому, кто не видел властителя мира, царя Фантома, но тот, кто хоть раз встретил его, не имеет и тяжкой жизни.

Так обращались к нему Горы те, но не слушал их более Путник тот. Дальше шёл он и по-прежнему не знал отдыха на пути своём.

И имели к нему сострадание Тучи, парящие в вышине, и обращались к нему со словами утешения:

– О, Путник! Скажи, куда идёшь ты, и, может, мы поможем тебе?

Так обращались к нему Тучи те, и отвечал им Путник тот:

– Благодарю вас, Тучи, парящие в вышине. Помощь же ваша мне ненадобна, ибо знаю я, что вы, как Дорога и как Горы, если расскажу вам, осудите стремление моё. Я же в решении своём непреклонен и от слов своих не откажусь вовек.

Так говорил и не слушал более Туч, парящих в вышине. И взошёл на гору высокую, ступив на крышу мира. Чудо тогда открылось ему: замок изо льда стоял перед ним, мраком окутанный, тьмой укреплённый. И вступил Путник в замок тот, открыв вход в него словом таинственным, словом заветным. И нашёл в замке том Путник тот трон из камней бесценных, а нашедши, пал ниц, ибо боялся лицезреть властителя мира, царя Фантома. И устремил к нему речь, и вот какими были его слова:

– О, царь Фантом! Тебе неизвестный, долго шёл я к тебе Дорогой, которую ты не знаешь, мимо Гор, коих ты не видел, мимо Туч, коих не касалось око твоё. Истинно, истинно – ты не видал их, и они не видали тебя и не слышали о тебе, а я слышал. Слышал я, что в тебе живёт ветер, сила его велика: могучие деревья вырывает он с корнем и камни расцепляет в песок. Слышал я, что в тебе находятся громы, голос коих – голос тысячи водопадов. И знаю я, где рождаются молнии, где скрыты силы ураганов, неистовство смерчей – в глубинах глаз твоих – там куются они, там хранятся они, там гранятся они и там, меж льдов и огня, обитает Власть. Истинно, многое знаю я. И от знания сего тяжело стало мне жить на свете, не выдав тебя. Вот пока шёл я, многие остерегали меня, но был я в решении своём непреклонен, в словах своих твёрд, и ныне перед тобою душа моя! Ответь же мне, и пощади, и ободри!

Так восклицал, и внял ему владыка мира, царь Фантом, и утешал его речью прекрасной, голосом неземным:

– О, Человек! Благодарю тебя за слова твои и дела, коими оправдал ты их. За сие мил ты сердцу моему и дорог очам моим. Взгляни же на меня, взгляни и не страшись более, ибо не смерть страшна и не гибель черна, но жизнь без дороги, кою прошёл ты и кою я не видал.

Так говорил он, и без страха взглянул тогда ему в глаза Путник тот, изумляясь и красоте его, и виду, и взору, и облачению, и короне, кою именуют Властью, кою величают гребнем василиска.

И сбылось с Человеком тем то, что говорили ему и Дорога, и Горы, и Тучи, парящие в вышине, но не страшна была смерть тому, кто перешагнул порог её в облачении счастья.

ИЗ ЦИКЛА «ГРЕХ»

Шли годы правления Великого Князя мира сего. Мрачно в то время было солнце, черно высокое небо, и безрадостно жили люди – ибо голод глодал землю, зной выжигал пастбища, чума стучалась в двери домов и опустошала целые государства. В те дни сделались люди жестоки и алчны и не имели жалости в сердцах своих. И столь сильна была злоба в них, что разбой и убийства стали делом обычным. Увидев сие, сам Князь мира сего утрашился и повелел возводить тюрьмы и подземелья, чтобы заточить беснующихся, ибо они заполнили землю.

Вот по приказу его складывали строители каменные арки, поднимающиеся одна над другой, тесали деревянные балки, возводили подъёмные мосты и гигантские лестницы, уходящие в скованное камнем пространство.

И были подземелья эти страшны, и можно было идти по коридорам их из зала в зал, из тьмы к свету, от света во тьму, наткнуться на тупики, стены – стремиться к выходу, но так и не найти его никогда..

В то время находился в одной из таких темниц некий Узник. С рождения жил он в своей тюрьме и не ведал, за что был заточён. Был прекрасен лик его и светло сердце – ибо даже на каменном дне мира не роптал он, но молился, веря, что наступит день освобождения его.

Но раз в ночи явилась ему Дева небывалой красоты – червонным золотом были волосы её, бесценными изумрудами – глаза; и ласково говорила она с Узником Короля.

«К чему страдаешь ты? – вопрошала она. – Пусть нет тебе избавления, что ж, ведь и в темнице можно вести радостно дни свои. Верь, я – утешительница, дарю забвения тревог, а тот, кто разделяет трапезу мою со мною – счастлив!». Так говорила, и явились в руках её яства и вина; и пил, и ел с нею Узник. Тогда склонила она его ко греху, и каменный пол был им ложем. Наутро же исчезла Дева, и весь день гадал Узник – сон ли было сие или явь.

Но когда ночь сошла на мир – снова явилась ему она. Но страшно изменилась Дева: стало лицо её пепельно-серым, и морщины частой сетью покрыли его, мутными стали глаза её, а ростом достигла она половины гигантской колонны, на коей покоились своды тюрьмы. Ужаснулся тогда Узник и, оттолкнув её, сказал: «Уходи, не знаю тебя! Не желаю видеть лица твоего». Но отвечала она ему: «Желаешь, не желаешь ли – всё одно. Не по слову твоему прихожу и ухожу я. Знай, трижды суждено видеться мне с тобою – ныне второй раз». Когда кончила она говорить, явился в руках её бич. За волосы нагнула она его голову и била по обнажённой шее так, что кровь струилась по плечам его.

Наутро звал Узник стражников своих и просил у них защиты, но те сочли безумным его и смеялись, ибо не мог никто проникнуть в темницу незамеченным.

И снова явилась Узнику Дева – но ещё страшнее, чем в прошлый раз, стала она. Чёрным стало лицо её, и лишь один глаз сверкал на нём, волосы же её стали красны как кровь, рост достигал вершины колонны. Вот топор явился в руках Великанши, и закричал в ужасе Узник, не видя себе спасения. Но опустила руку она, так говоря: «Ныне мною приговорён был ты к смерти, но смягчили кару твою небеса. Посему не страшись – не умрёшь». Явилось тогда в руках Великанши раскалённое докрасна железо, и заклемила она лоб его гнусным клеймом Сатаны. Подумёртвым упал несчастный на пол

темницы своей, говоря: «О, зачем мне жить дальше? Тьма обступила меня – так лучше мне умереть, нежели жить. О, кто и зачем создал это подземелье? Ибо оно – источник всех бед. Вот в каменных пространствах его затерялась душа моя, и не найти ей выхода... По коридорам этой тюрьмы можно идти без конца из зала в зал, из тьмы к свету, от света во тьму, наткаться на тупики, стены и не выйти наружу никогда... О, люди! Зачем вы жестоки, отчего не знают жалости ваши сердца? Отчего смотрите вы на слёзы и не плачете, слышите стоны и не сострадаете? Разве пил я кровь людей, как вампир, что лишили вы меня надежды, толкнули в пасть сатане? Разве новый я Минотавр, что бросили вы меня в эти бездонные лабиринты, затеснили мощными столбами, расчленили решётками, разодрали цепями? О, люди! Мир ваш – жесток и опасен: там оковы вделаны в стены, тут угадываются в углах орудия казней, за дверями таятся страшные призраки... О, кто поможет мне здесь, в темноте? О, кто услышит голос мой?!»

Так говорил, но молчали каменные арки, поднимающиеся одна над другой, молчали тяжёлые деревянные балки с блоками и канатами, с навесными мостами и гигантскими лестницами, уходящими в скованное камнем пространство... Шли годы правления Великого Князя мира сего...

**Елена
ЯГОВКИНА**

ЗА ЛЮБОВЬ ЗАПЛАЧЕНО ЛЮБОВЬЮ...

ДЕТСТВО

О детства порыв и каприз,
Где так откровенна душа,
Где мир неуклюже повис
На кончике карандаша,
И где необъятность объять
Так хочется – яростен пыл,
Где фартука белая гладь
Сродни лебединых крыл,
Где в бой рвётся острое «я»,
С ранимою, хрупкой душою,
Где родина только моя,
А счастье – такое большое.

СТАРЬЁВЩИК

Старьёвщик, лошадь и телега.
Бежим с ватагою ребят,
Старьё забросивши с разбега,
Старьёвщика улавливаем взгляд.

-
- Елена Александровна Яговкина родилась в семье военнослужащего в Иркутске в 1953 году. Член Союза писателей России с 2005 года, автор одиннадцати поэтических книг и составитель шести детских поэтических сборников из серии «Игра», педагог дополнительного образования. Стихи публиковались в периодической печати, в альманахах и журналах: «Истоки» (Москва), «Поэзия» (Москва), «Советская женщина» (Москва), «Мономах» (Ульяновск), «Волга» (Саратов). Автор многих книг, в том числе: «Я родилась» (2008), «Начало» (2008), «Школьная тетрадка» (2008), «Душа и ветер» (2009), «Имена» (2010), «Елене – 60» (2015), «Радуга чувств» (2018). Стихи печатались в Каунасских литературных альманахах (Литва) в 2010, 2013, 2015, 2017, 2020 годах, а также в сборнике «Симбирская книга» и в антологии «Ульяновская словесность. Начало XXI века», в сборнике Ульяновского отделения Союза писателей России «Симбирская пристань» (2019), в сборнике произведений ульяновских литераторов «Слово о Победе» (2021), в сборнике поэзии и прозы ульяновских литераторов «Родина в наши впадает сердца» (2022).
С 1967 года и по настоящее время живёт в Ульяновске.

Он достаёт конфеты из кармана,
Свистульки и воздушные шары.
Их раздаёт ребятам без обмана
За старые-престарые дары:

За мамино потрёпанное платье,
Военную фуражку и матрас.
...А детство улетело. Кабы знать бы,
Что станут называть старьём и нас.

ПЛАТЬЕ В ЗАПЛАТКАХ

На клочки мою прошлую жизнь разорвали,
Словно тряпку, что из дому тихо украли.
Лоскутки разложили по узеньким полочкам,
Взяли чёрные, серые нити, иголочку.
Как кроили и шили судьбу – вот загадка.
Моя прошлая жизнь – словно платье в заплатках.

ПОБЕДИТЕЛЬ

Не передать, не высказать те чувства,
Когда впервые обняла руками
Моё произведение искусства
С доверчиво наивными глазами.
Жаль, не хотел понять своё везенье,
Что лучшая из всех твоих картин,
Прекрасное твоё произведение –
Наш победитель –
Несмышлёныш сын.

РАЗГОВОР С ВОЛГОЙ

Задержалась ненадолго
У красавицы-сосны.
Разговариваю с Волгой,
Ей рассказываю сны.
Разговариваю тихо,
Хоть и голос мой не слаб,
Я, наверное, трусиха,
Это свойственно для баб.
И пошла вода кругами
В потревоженной тиши.
Вот и сброшен тяжкий камень
С обессиленной души.

ПОВОДЫРЬ

К моей мечте ведёшь не ты ль,
О, мой небесный поводырь?
Как не любить поводыря:
Слепой не он – слепая я.

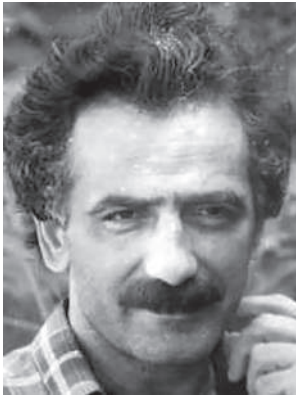
УСТАЛА БОЯТЬСЯ

Так устала я бояться:
Да нужна ли я кому?
Буду просто улыбаться
Я решительно всему:
Злой собаке возле дома,
Травке, вьющейся во рву,
И тому, что дух не сломен,
И тому, что я живу.
И тому, что внук смеётся,
В небо устремив свой взор,
И тому, что сердце бьётся
Бедам всем наперекор.

Ты верь не слухам – верь моим стихам,
Моим словам в часы исповеданья.
Моим проступкам и грехам
Я не искала в жизни оправданья.
Смотрела смело я в глаза врагу,
Но никогда я не была лакеем.
Жить по-другому просто не могу.
Жить по-другому просто не умею.
Ну что ж, судьба, спасибо и за то,
Что ты меня спасала от злословья.
И за добро платила я добром,
А за любовь заплачено любовью.

Я ОТ РАДОСТИ ТОЛЬКО ПЛАЧУ

Век двадцатый, единственный мой!
Посмотри на меня с улыбкой.
Со своей нерадивой судьбой
Столько сделала я ошибок.
На земле я живу беспокойно,
Время попусту я не трачу
И не плачу, когда мне больно.
Я от радости только плачу.

Яша Удин

9 января 2024 года ушёл из жизни Яша Геранович Манджиян (литературный псевдоним – Яша Удин), постоянный автор нашего журнала, замечательный русский и удинский писатель, по национальности – удин.

Яша Удин родился 1 сентября 1951 года в селе Ниж Азербайджанской ССР, учился в Саратовском государственном университете, после его окончания жил в Саратове.

Его первая книга прозы «Это нелёгкое начало» вышла в 1989 году, позже выпущены книги «Под старой грушей», «Одинокий прохожий», «Запах айвы», «Лавка керосинщика».

Печатался в журналах «Волга», «Подъём», «Волга–XXI век», «Сура», «Литературный Саратов», «Аргмак», «Великороссъ», на сайте «Русский писатель», в альманахах «Волжские зори», «Истоки», «Саратов литературный», «Московский Парнас», «Стрежень», «Впечатления» и во многих других периодических изданиях.

Состоял в Союзе писателей России, являлся одним из первых лауреатов литературной премии Саратовской области им. М.Н. Алексеева (2001).

Очень точно охарактеризовал творчество прозаика член Союза писателей России Алексей Александрович Бусс:

«Неторопливый ритм прозы Яши Удина, его созерцательная манера, его тщательно, любовно выписанные образы земляков, родственников, друзей, просто случайных встречных содержат в себе много самобытного, авторского. И вместе с тем в каждой строчке, в каждом почти слове, поставленном точно и к месту, ощущаются колоссальный читательский опыт автора, его удивительная начитанность и не менее удивительная память».

Редакция журнала «Волга–XXI век» выражает соболезнования родным и близким писателя и в память о нём публикует статью литературного критика Сергея Фолимонова «Не могу писать без любви...»

Редакция журнала «Волга–XXI век»

**Сергей
ФОЛИМОНОВ**

«НЕ МОГУ ПИСАТЬ БЕЗ ЛЮБВИ»

О книге Я. Удина «Лавка керосинщика»

Приступая к работе над новым произведением, а тем более готовя к выходу в свет целую книгу, автор должен ответить себе на самые главные вопросы. Зачем он пишет? Кому адресует своё творение? Наконец, что станет источником творческой энергии, призванной воплотить средствами языка толпящиеся в сознании идеи и образы? Ситуация стара как мир, но неумолимо неизбежна, а потому всегда актуальна. Начинающие художники чаще всего интуитивно определяются с выбором, отдаваясь во власть приливов и отливов смелой фантазии, когда любой эксперимент уже позиционируется как вызов окружающему миру, как средство самоутверждения, а внимание публики видится едва ли не единственной желанной целью. Иное дело писатель, проживший в литературе долгую жизнь, ощущающий литературный труд сакральным действием, чем-то «нерукотворным», когда дыхание почвы и судьбы уже не фигура речи, а единственная форма существования для художника. Здесь не помогает, а скорее мешает приобретённый с годами профессионализм (он обескрывает воображение, не давая вырваться за рамки примелькавшихся штампов), не воодушевляет сознание собственной одарённости, не спасает от ошибок и промахов всеобщее признание. Здесь всё «по гамбургскому счёту». Именно поэтому тексты, рождённые в описанных обстоятельствах, представляют особый интерес как для читающей публики, так и для исследователей словесности.

Я неслучайно позволил себе начать разговор с читателем со столь отвлечённых рассуждений. Книга, о которой пойдёт речь в статье, принадлежит прозаику, не стремившемуся к сиюминутному успеху, не заботившемуся о занимательности фабулы и напря-

-
- Сергей Станиславович Фолимонов родился в г. Уральске (Республика Казахстан). Окончил Уральский педагогический институт им. А.С. Пушкина. Литературовед, критик, поэт-песенник, член Союза писателей России, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и профессиональной коммуникации Саратовской государственной юридической академии. Автор книг и статей о творчестве поэтов и писателей конца XIX–начала XX вв., о современной поэзии и прозе. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Волга–XXI век», «Эдита», «Новая литература» и др. Живёт и работает в Саратове.

жённости сюжета, но при этом настойчиво старавшемуся отыскать то единственное точное слово, способное выразить его отношение к миру, ко времени, прошедшему и настоящему, к людям, которых знал многие годы, и случайно встреченным, но навсегда оставившим след в душе, к себе самому.

«ИМЯ – УЖЕ ЗНАМЕНИЕ»

Выбор названия для произведения – сложная задача. Порой авторы перебирают десятки вариантов, прежде чем добьются, по точному выражению немецкого философа Ханса-Георга Гадамера, полного совпадения языка и идеи. Название не просто имя текста. Это главный семантический знак, вместилище глубинных смыслов, либо намеренно спрятанных от равнодушного читательского взгляда, либо не терпящих прокрустова ложа строгих логических формул, когда мысль изреченная тут же становится ложью. Оно несёт в себе, словно в зародыше, главный энергетический заряд целого.

Яша Удин назвал книгу «Лавка керосинщика», что при первом прочтении кажется странным, немотивированным решением, поскольку напрямую не соотносится с ключевыми темами и центральными линиями повествования. Да и крошечный эпизод (даже не отдельный рассказ) далеко не сразу отыскивается в макрокомпозиционной структуре. Как говорят филологи, перед нами явно не сильная позиция текста. Сам эпизод также рождает больше вопросов, чем ответов. И, только сведя в единую концепцию замысел автора, понимаешь: более ёмкий символ, сочетающий в себе полисемантизм и яркую образность, отражающий традиционную литературность и национальный колорит, отыскать было бы сложно.

Попробуем разгадать авторскую загадку и рассмотрим более подробно формально-смысловые связи ключевого словосочетания.

Начнём с того, что эпизод о керосиновой лавке входит в полотно (автор определяет жанр как рассказ, однако сложившаяся сюжетно-композиционная конструкция выходит далеко за рамки классической повествовательной формы), названное экзотическим для русского уха словом «мушмула». Произведение содержит несколько микрофабул без строгой логической взаимосвязи частей. Эпизод с керосинщиком среди них специально никак не выделяется, становясь в ряд прочих воспоминаний детства. Но если взглянуть на него через призму авторских исканий, рассуждений о роли, предназначении художника и человека (они по большей части сосредоточены в так называемых «затравках»), о природе искусства слова, то детали анализируемого текстового фрагмента становятся весьма красноречивы.

Во-первых, таинственная атмосфера лавки, запечатлевшаяся таковой в детском восприятии рассказчика, указывает на экзотико-фантастический флёр, последовательно сохраняемый писателем и придающий особый колорит всей его прозе: *«Отдельная лавка, где торговали керосином, почему-то была без окон, внутри сумрачно, свет падал лишь из раскрытых настежь дверей. Керосин темно поблёскивал в огромном чане, врытом в землю вровень с полом. Лавочник, человек преклонного возраста, с жёстким, угрюмым, замкнутым лицом, сидел на низкой скамье по-над самым чаном с вечно тлеющей папирсой в зубах».*

Во-вторых, с керосиновой лавкой связана фигура отца, чей образ занимает в произведении Яши Удина центральное место и до определённой степени мифологизируется. Таким образом, лавка начинает восприниматься как «локус» преемственности отца (потерянного и взыскуемого) и сына.

В-третьих – лавка олицетворяет собой Храм Тайны, пробуждающей творческое воображение, которое от века остаётся загадкой для человеческого разума. Дополняет весь этот символический комплекс образ керосинщика – талантливого человека из народа, одарённого остротой ума, владеющего силой слова, наделённого мудрой любовью к людям, всем тем, чему нельзя научиться, но можно открыть в себе и отдать миру: *«Рассказывают, будто как-то у керосинщика окодела собака, а отец с дружками собрались и забавы ради пошли на поминки. <...> Хозяин вышел им навстречу, и отец с дружками стали с притворно скорбными лицами жать ему фуку, и он сразу смекнул, в чём дело, хриплым, прокуренным голосом крикнул в сторону дома:*

– Эй, жена, засучивай фукава – встречай гостей: родня покойного пса пожаловала».

В одной из «затравок» прозаик с высоты обретенной мудрости формулирует: *«Всё отдавать – всё и отдаю, стараюсь отдать, счастливо зная, что взамен мне ничего не нужно».*

«СЛУШАЮ СВОЮ ДУШУ – И ЗАПИСЫВАЮ»

В современных гуманитарных науках по-разному определяется феномен прошлого и его место в духовной жизни человечества. Чаще всего оно видится продуктом коллективного сознания, имеющим глубокие социальные корни. Ещё одним ключевым моментом становится уподобление прошлого тексту, в котором зашифрована история нашей цивилизации и который постоянно взаимодействует с настоящим, оказывая на него формирующее влияние. Такой точки зрения, в частности, придерживался один из выдающихся представителей российской семиотики Ю.М. Лотман. Но в сознании художника, как и любого индивида, прошлое – это безбрежная и сладостно манящая страна, живущая в тайниках нашей прихотливой, затейливой памяти, чья причудливая картина никогда не бывает стройной, законченной, логичной. Здесь правят иные законы, и поток авторского сознания работает как вспышка: высветит в потёмках минувшего крохотную сценку, эпизод, деталь, и порой эта деталь для вспоминающего ценнее исторического документа, потому что она плоть от плоти его, неотъемлемая клеточка личного бытия, и нет без неё ощущения, что ты жил и живёшь на свете, что как-то по-своему причастен событиям мира дольнего и что любишь всё это до боли в сердце, до головокружения.

С первых шагов в литературе идиостиль Яши Удина формируется вокруг памяти, рассматриваемой в качестве культурно-исторического феномена, инструмента национальной самоидентификации, катализатора глубинной авторской рефлексии. Изначально механизм «воспоминания» служил для него в первую очередь источником этнокультурного материала: яркие образы из детских лет позволяли восстановить, реконструировать во многом утраченные реалии быта, нравов, уклада, психологии волею судеб рассеянного народа – удинов. Сам писатель ощущал себя носителем уникальной культурной информации, которую считал своим долгом сохранить, вписав её в контекст современной книжной русскоязычной культуры.

Однако в зрелом периоде творчества функционал этой художественной идеи существенно расширился, и память, выйдя за пределы некогда предписанных ей хронологических рамок, превратилась в пространство обретенных прозаиком смыслов, своего рода книгу одной человеческой судьбы, наполненную знаками и явлениями, требующими объяснения.

В «Лавке керосинщика» память – текстовая доминанта. Она выступает в произведении в разных ипостасях: это и тема, и сквозной мотив, и эстетическая концепция. Столь широкий подход позволяет более гибко использовать образ автора, предстающего то героем эпизода, то рассказчиком, то рефлексирующим художником.

Многорольное авторское амплуа позволило минимизировать дистанцию между адресатом и адресантом, а местами сделать её совершенно незримой. В результате возникла иллюзия постоянного присутствия собеседника. Столь сложный психологический эффект достигается благодаря подкупающей исповедальности сочинителя, открывающего чужому взгляду и светлые, и тёмные стороны души. Мы видим, что автор – живой человек. Не учитель, не пророк, не всезнающий мудрец. Он из плоти и крови, грешный, земной, ошибающийся, любящий, ищущий ответы на вопросы, стоящие перед каждым от сотворения мира, – разный. Нельзя сказать, что используемый приём является открытием в искусстве. К нему прибегали многие творцы не только в литературе. Но убедительным он оказался далеко не у всех. Ведь самое главное слагаемое успеха в такой ситуации – яркая индивидуальность автора, присущий только ему уникальный голос. А у Яши Удина было и то и другое. И он сам об этом знал. Потому что искал и нашёл тот самый голос – природный, без фальши. Голос, вызывающий доверие у читателя, заставляющий слушать и слышать главное.

У прозаика интересная стратегия. Он выстраивает рассказы-крохотки, вспышки памяти таким образом, чтобы избежать прямой оценки описанного явления действительности. Что означает тот или иной эпизод из далёких лет? Отчего он задержался в памяти? Почему запросился на бумагу? Автор отдаётся стихии потока сознания. Он фиксирует картины, возникающие в водовороте неожиданных ассоциаций, символов, образов. Этим свойством память сродни снам: она неуправляема, полна тайн, и её загадки могут иметь бесконечное множество толкований, а значит, в них заключена творческая энергия, не имеющая конца.

Большинство произведений, вошедших в книгу, малособытийно. Свёрнутость событийного ряда объясняется самим механизмом памяти. Ценно в ней не фабульное движение, а эмоциональные волны, рождаемые воскресшим событием. Как камешек, брошенный в воду, приводит в движение всё вокруг себя, так и история из прошлого, увиденная фрагментарно, заставляет работать наше воображение, наши эмоции.

Книга состоит из четырёх разделов. Жанровую принадлежность каждого автор определил сам, но в процессе чтения не ощущается формальной обособленности отдельных произведений. Эффект цельности повествовательной ткани нигде не нарушается. И это также одна из осознанно реализуемых задач писателя. Для него важно «поселить» читателя в созданное им художественное пространство, превратить процесс чтения в сотворчество, растянутое во времени.

«ТУТ ВСЕЛЕННАЯ ЖАНРА ВДРУГ РВЁТСЯ»

Прошлое как источник материала для творчества определяет жанровый репертуар пишущего. И хотя Яша Удин декларирует абсолютную свободу, заявляя, что не связывает себя никакими жанровыми рамками, читателя ждёт встреча с экспериментальными повествовательными формами. О них следует сказать отдельно.

Поиск оригинальной формы, способной выразить авторскую индивидуальность, всегда отличает настоящего творца от ремесленника, эпилгона. Отыскать или тем более создать такой сосуд, который позволит природному дарованию заиграть всеми красками и гранями, – сверхзадача, сродни поиску себя в искусстве. Яша Удин облюбовал малые повествовательные формы и с годами всё более тяготел к эскизности и фрагментарности. В «Лавке керосинщика» он объясняет склонность к лапидарности самому себе и читателю стремлением выстроить простые, удобные пути коммуникации с адресатом: *«...Мне хочется, где бы вы ни развернули мою книгу, чтобы читать было интересно. <...> Скажем, прочитав страничку-другую, можно было спокойно отложить книжку, а после, если потянет, так же спокойно раскрыть в любом месте и читать»*. Своего адресата писатель представляет вполне отчётливо, говорит об уважительном к нему отношении, видит в нём собеседника, близкого по духу, образу мыслей, приглашает его к соавторству, к творческому диалогу: *«Такой читатель сам заполняет пространство меж моими затравками живой водичей, живым раствором бытия, в своём воображении создавая цельные характеры, судьбы, события, истории. Такой человек мне друг и доброжелатель. Он доверяет мне, и я ему доверяю – потому я так краток»*.

Выбранные прозаиком формы балансируют на грани литературы нон-фикшн, поскольку не относятся к беллетристике в привычном понимании слова, когда автор спрятан за маской, растворён в героях или концепции, но вместе с тем не принадлежат и сфере традиционной мемуаристики с её нарочитой субъективностью, претендующей на объективность, дневниковым записям, случайным заметкам, ведь все они творения постфактум, т.е. осознание их эстетической значимости и художественной предназначенности рождается, как правило, спустя какое-то зачастую довольно продолжительное время. Яша Удин воспринимает себя, свою повседневную жизнь частью непрерывного творческого процесса: *«Что бы я ни делал, чем бы ни занимался, о чём бы ни подумал, каким бы страстям ни предавался, всё укладывается в границы прямоугольного листа»*.

Для фиксации такого подвижного и непредсказуемого явления требуется особый словесный конструкт. Именно поэтому многие произведения и книгу в целом справедливо, на мой взгляд, называть полотнами. Тончайшее переплетение нитей бытия в них – лишь основа для картин, ожидающих грядущего рождения.

Особенно интересен в контексте творческих исканий прозаика микрожанр, с помощью которого он воплощает в слове увиденное случайно брошенным взглядом. Этой форме, в отличие от «затравок», он не дал никакого названия, но активно использовал и в качестве самостоятельного произведения, и в составе сложного композиционного рисунка. По своей идее и фактуре (художественной технике) она близка поэтическому жанру промелька, открытому Игорем Северяниным, но не нашедшему впоследствии широкого распространения ни в поэзии, ни в прозе.

В творческой лаборатории Яши Удина жанр промелька расширяет художественный потенциал установившихся канонов повествовательной прозы и даёт возможность реализовать индивидуальные особенности авторского стиля.

Промельк может выступать в качестве самостоятельного произведения. Примеров такого рода в «Лавке керосинщика» мы встретим немного. Но тем более ценным становится этот материал для понимания жанровой концепции. Яркой иллюстрацией является текст, вошедший в раздел «Погожим осенним днем»: *«Зимнее утро на моей малой родине. Мужчина садится завтракать»*.

На столе целиком сваренная курица исходит паром. Две большие и сочные груши-наранбуды на тарелочке. Ножичек рядышком. Соленья всяческие. Графинчик с кизиловой водкой. Старинная гранёная стопочка. Да жена напро- тив, подперев голову кулачками, смотрит на мужа».

Обычная сцена семейного завтрака, выписанная детально, но в то же самое время скупое: два героя намечены отдельными штрихами, время дня и года лишь указано, но нигде не явлено, у картины отсутствуют фон (а то, что перед нами картина, созданная в духе натюрморта, становится ясно с первых же слов), светопись и иные детали визуальной изобразительности.

В фокусе авторского взгляда – сервировка стола. И в каждой её детали проступает буквально физическое наслаждение писателя от созерцания яств и столовых предметов. Взгляд при этом ласкающий, почти сладострастный: тарелочка, ножичек рядышком, графинчик, стопочка. Но идея промелька отнюдь не в изображении гастрономического видения. Она определяется двумя фигурами, обрамляющими текст на манер кольцевой композиции, – мужчиной и женщиной, мужем и женой. Точнее, их семейными ролями: мужчина садится завтракать, а жена любовно смотрит на действие, которое не что иное, как творение её собственных рук. Так и хочется воскликнуть: «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!» (Только звучит оно в подтексте авторской грёзы чистой нотой бескорыстной любви, и за неё душе не придётся платить вечным блаженством.) Неслучайно в каждой детали картины сквозит нарочитая статика. Всё в мире может измениться, но сцена, где муж и жена переживают полное совпадение с кем-то и когда-то придуманным сюжетом, записанным в сценарии человеческой судьбы, и есть воплощённое счастье. Обычное. Земное. Всего-то семь строк – а такая глубина и сила!

Промельк часто используется писателем в системе иных сюжетно-композиционных средств, но и тогда до определённой степени сохраняется его самостоятельность как жанровой единицы. Например, в рассказе «Бесцельная прогулка» взгляд повествователя выхватывает из пёстрой рыночной толчеи примечательную картинку: «...за маленьким столиком сидела старуха и торговала семечками, орешками из стаканов. И среди этого шума-гама к столу старухи подлетали воробьи и воровали орешки. Как скоро я заметил, воровали не семечки, тыквенные или подсолнечные, а исключительно одни орешки – фисташки, фундук, арахис. Старуха держала в руке палочку и часто стучала ею по столешнице, отгоняя наглых воробьёв, но они всё подлетали и отлетали, подхватив клювиком очередной орешек и не обращая на старания старухи никакого внимания».

Промельк. Как будто бы без дальнейшего развития. Без далеко идущих сюжетных связей. Автоматические движения некогда заведённого механизма, утратившего интерес к жизни и чувство жизни – с одной стороны, и любопытные, бойкие птицы, точно знающие, что им нужно, – с другой. Яркий образ, построенный на контрасте живого и отжившего. Но это только первое впечатление. Если же спроецировать набросок со старухой и воробьями на дальнейшее повествование, выявится важная композиционная функция промелька. Он служит символическим зачином к разговору о месте художника и – шире – человека с духовными запросами в современном мире чистогана, где комфортно себя чувствует лишь тот, кто знает, что именно нужно «клевать».

Наконец промельк может выступать в роли яркого финала, символично обобщающего все линии предшествующего повествования. В полифонической музыке подобный приём называется разрешением. В нашем случае термин «разрешение» подходит и с точки зрения содержания, и формально.

По описанной композиционной модели построен рассказ «Гостил в кубанской станице». В нём лейтмотивом звучит тема семейных отношений, хрупкость которых автору приходится переживать на собственном опыте. Спасение от душевной сумятицы, от сложных и порой неразрешимых вопросов он ищет в природе, где и находит единственно верный ответ, представший взору в виде трогательной, завораживающей идиллии: *«По реке ровной вереницей плыло семейство лебедей. Белый лебедь впереди, белый лебедь позади, а между ними восемь крупных бледно-коричневых лебедей. Они плыли совершенно бесшумно и строгим порядком: все смотрели только вперёд, и расстояние между всеми идеально одинаковое. Неожиданно из строя выбился лебедёнок, отплыл в сторонку, и всё семейство как по команде замерло на месте. Взрослые лебеди изогнули изящные шеи и молчаливо смотрели на нарушителя, и скоро тот покорно вернулся в строй, и караван лебедей чинно двинулся дальше...»*

Промель сюжетен, динамичен и пластичен, как танец. В нём тайная гармония, сокровенная истина, заставляющие писателя (а следом за ним и читателя) переживать катарсис.

«ГДЕ ДУХ ПОЭЗИИ ЖИВОЙ»

Когда читаешь последнюю книгу Яши Удина, не можешь отделаться от ощущения, что выработанный им стиль органически близок лаконичной и безыскусной античной прозе. При всём том он, безусловно, поэт, одарённый особым поэтическим зрением, чувством ритма, рождающегося в спонтанной речевой стихии. Поэтическое зрение позволяет ему видеть мир по-детски, непосредственно и одновременно философски глубоко. Отсюда пронзительность образов, характеров, деталей, встречающихся на страницах «Лавки керосинщика».

Яша Удин чутко работает со словом, всякий раз пытаюсь выявить и продемонстрировать связь смысловых оттенков с особенностями звучания, тем самым как бы возвращая нас к первоисточкам, когда звук и был главным смыслом, частью любого обрядового действия, открывая путь к постижению недоступного разуму. Он прислушивается к словам, пытается уловить в их тембральных переливах надёжно утраченное человечеством тайное знание и поэтическое очарование. *«Темечко, или родничок, на головке младенца, – замечает писатель, – по-удински – питпиткал. Как трепетно, нежно и хрупко пульсирует фонетика в слове: пит-пит-кал».*

Нередко в лирических отступлениях, этюдах, зарисовках сопоставляются удинские лексемы с другими языками. Делается это не с целью лингвистических штудий, а для неустанного, интуитивного поиска первообраза, зашифрованного в том или ином звуковом комплексе: *«Слово «тафарин» по-русски, помимо прочего, означает ещё и кнут... А по-удински «кнут» звучит просто: «татар». «Татарин» – тоже: «татар». Сколько исторических коллизий за всем этим кроется...»*

Но чаще его влекут аллитерации и ассонансы, способные передать состояние природы, тонкие, рвущиеся линии ландшафта, едва уловимые приметы времени года, душевные движения персонажей. Об этом свидетельствует уже название первого раздела книги – «Кротко шелестящий дождичек». Фраза, буквально сотканная из шипящих, взрывных, фрикативных согласных, – сама по себе картина. И мелодия. С необычной гармонией, внутренним движением: раскатистый вибрант, пророкотавший в самом начале, мягко и незаметно тонет в шуршании и шелесте, словно капля дождя уходит в песок.

Вообще, обилие выразительных согласных, на которых, вопреки опасениям, не спотыкаешься, очевидно, дань мелодике кавказской речи, тяготеющей к сложным созвучиям. Но и осознанная игра, конечно. Обратите внимание, как инструментован фрагмент, взятый наугад из рассказа «Мальчик на валуне»: *«И, слов нет, совершенно ясно, что у этой поляны, у этих чинар, у этого стафика, погружённого в свою последнюю тягучую думу, у этой кошки, жаждающей горячей крови, у этих окрестностей должен быть свой певичек, летописец, и он есть...»* Пропуская через себя образ за образом, физически переживаешь состояние сгущения времени и плотоядный огонь кошачьего естества, ищущий выхода.

Яша Удин регулярно прибегает к синтаксическим периодам: одна законченная картина – одно предложение. При этом не возникает впечатления громоздкости конструкции, не теряется мысль, не угасает основная эмоциональная нота: *«Они молчат, но между ними, несомненно, что-то происходит, что-то живое, трепетное, сладостно волнующее обоих и в то же время, может стать, пугающе тёмное, вероломное, способное омрачить будущее, исковеркать судьбы, поскольку как она, так и он давно обременены семьями, детьми, чередой прожитых в привычных хлопотах лет: обоим изрядно за тридцать»*. Душевное состояние, переданное одним предложением. И иначе оно не могло быть воплощено. Как нельзя нарушить напряжённого, таинственного молчания, сковавшего двух людей сладостной, но несбыточной грёзой, так нельзя поставить точку, пока взгляд писателя держит героев под прицелом.

Ещё один поэтический феномен стиля Яши Удина – короткие однострочные тексты. Их можно было бы охарактеризовать как моностишия в прозе. Общеизвестно, что моностих предполагает наличие стихотворного ритма, более или менее улавливаемого размера. Однако уже в последней трети прошлого века в литературной практике перечисленные формальные черты стали размываться. Вспомним хотя бы Яна Сатуновского с его доктриной русского конкретизма, пытающегося обнаружить поэтическое начало в обыденной речи. Моностишия Яши Удина – одна из органичных для него жанровых форм. Поэтому она лишена экспериментаторского озорства, позёрства и способна выразить самые искренние чувства лирического героя: *«Как я люблю бархатно-лиловые весенние сумерки малой моей родины!..»*

Поэтическая натура писателя проявляется в описаниях быта, портретах героев и героинь, но особенно в пейзажных зарисовках. Природа у него неизменно живая, красочная, наполненная звуками и запахами: *«А лето, лето! Солнце, кажется, совсем расплавилось и растеклось по всему небу, вверх не глянешь – весь купол ослепляет. <...> А где-то там, на бахчах, зреют пудовые арбузы, метровые дыни томятся на горячей грядке, пчёлки трудятся дружными семейками на горных насекомых, грушевое дерево истекает спелыми плодами, весёлый ручей журчит среди зелени, пёстренькая бабочка замерла на венчике цветка...»* И все эти бесчисленные образы, попавшие и не попавшие в фокус, соединённые энергичными глаголами-скрепами, наполняющими смыслом бытие каждого творения мира Божьего, – воплощённая гармония.

Свою книгу Яша Удин завершил аккордом из трех упавших орехов, справедливо надеясь на то, что слово, в муках обрётённое и положенное на бумагу, не исчезнет в тенётах времени, не обесцветится и не обесценится, ведь оно написано с любовью и для любви.

**Залина
ДОГУЗОВА**

ЖАЖДА ВСЕЙ ЗЕМЛИ...

РАННЯЯ ОСЕНЬ

Осень. Орешки. Вечер.
Дождик. Тепло у печки.
Мысли. Листва сухая.
Лес в октябре затихает.

Яблоки. Ёжик. Груша.
Дождь колею разрушил.
Сад опустевший. Судьба.
Заброшенная арба.

Чайник. Поленья. Мята.
Годы. Эпохи. Даты.
Печка трещит и пышет.
Скучаю, люблю, ты слышишь?

Перевод Татьяны Чураковой

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Начинался быстро: дальним громом,
Парой капель, и опять, опять...
Как ещё берёзке той зелёной
Выходное платье постирать?!

Соловьях встряхивает перья –
Как бы дождь птенцов не замочил!
Белка спит в дупле, и заяц серый
Скачет на поляне что есть сил.

-
- Залина Хазбиевна Догузова родилась в 1978 году в с. Сатикар, Южная Осетия. Артистка хора и ансамбля, научный сотрудник, работает в отделе осетинского языка в Юго-Осетинском научно-исследовательском институте им. З. Ванеева. Обладатель государственных и ведомственных наград: Международной литературной премии «Булаэмæргъ», г. Москва, 2019 г.; Международной литературной премии журнала «Мах дуг», г. Владикавказ, 2022 г.; Почётной грамоты Президента, 2023 г. Стихи Залины Догузовой представлены в переводах разных авторов.

Дождь сильнее – по дубовым дланям
И – в ущелье. Чьё омыть жильё?
Слышится медведицы дыханье,
Тяжелы движения её.

Дождь идёт – всё дальше по равнине...
Белый гриб, на цыпочки привстав,
Кланяется низко перед ливнем,
Войлочную шляпу приподняв.

И на гребни скал туман свой войлок
Выжимает.
Гром гремит вдали.
Летний дождь – обилен, добр и долог –
Утоляет жажду всей земли.

Перевод Ирины Четверговой

ОСТАНЬСЯ...

Запахом ладана,
Лёгкой прохладой
В памяти вечно останься.

Медными листьями,
Ливнями чистыми
В каплях на окнах останься.

Вспышкой огненной,
Следом от молнии,
В солнце на небе – останься!

Сбросит ли осень нам
Счастье по просекам –
В дымке листвы ты останься...

Нужным, единственным,
Близким, таинственным
В сердце навеки останься.

В страсти волнения,
В миг пробуждения
Я прошепчу:
«Ты останься!»

Перевод Ольги Ковалёвой

СНЕГ ИДЁТ

Снег идёт. И город спит усталый,
Но улыбка на лице видна:
Снится жизнь – счастливая, простая:
Мирный день и новая весна.

Частыми стёжками зашивая
Прежних дум густую темноту,
Снег летит, не видя дна и края.
«Засыпай», – он шепчет на лету.

Город спит. И если где осталась
Чернота – прорехи в полотне,
Отворяет вьюга эту малость:
Всё сильнее и беспокойней снег...

Перевод Ирины Четверговой

Я И ТЫ

Я и ты – почва и пар,
Уголь и жар.
Я и ты...
Я и ты – холод и зной,
Шоры и конь.
Я и ты ...

Я и ты – отблеск и свет,
Щебень, орех.
Я и ты...
Я и ты – белый и чёрный,
Лодка и море.
Я и ты..

Я и ты – жертва и нож,
Правда и ложь.
Я и ты...
Я и ты – кошка и пёс,
Скалы и плёс.
Я и ты..

Я и ты – лето с зимой,
Сено с косой.
Я и ты...
Я и ты – муж и жена,
Полдень и тьма.
Я и ты..

Перевод Дарьи Гудовой

СНЕГ И РОЗА

Снег бесконечно на розу летел.
Что же садовник её проглядел?
Бросил ли? Снег перекрыл ему путь?
Холодно сердце зимы – не прильнуть.

Где они – тёплые руки весны?
Так, леденя, сквозь белые сны,
Мучаясь в снега шершавых руках,
Бредила роза о тёплых деньках.

Взмахом крылатых тугих лепестков
В небо её поднимало легко.
Только любить разучилась она –
Лживой, увы, оказалась весна.

Словно поэт о несчастной любви,
Роза весне пела песни свои.
Не возродится под снегом опять.
Алому сердцу – судьба остывать.

Перевод Ирины Четверговой

ОСЕНЬ-ХУДОЖНИК

Осень, краски совершенны!
Так разрисовать ущелья!..
Кто не понял, тот, наверно,
Слеп, и нет ему прощенья.

Маслом тёплым, мёдом пряным
Приворожит – не отпустит.
Будто кто мне в сердце прямо
Льёт любовь с оттенком грусти.

Жёлтый, розовый, бордовый –
И земля преобразилась.
Боль душевных шрамов снова
Позабылась, растворилась...

Перевод Ирины Четверговой

Подготовила к публикации
Нина Александровна Ягодинцева.

**Елена
КОЛЕСНИКОВА**

ЗА РУКУ С ВЕСНОЙ

Всё тебе прощаю я, зима:
Глыбу неба с мёрзлой каплей солнца,
И во льдах затёртые дома,
И весну, что долго не очнётся.

До конца не выплаканных слёз
Я прощаю иней просолённый
И до белых косточек берёз
Голый лес, тобой заговорённый.

Помню всё: рябиновую крапю
На холстах, рукой твоею тканых,
И дорог излеченную хлябь –
Тонким льдом на мокнущие раны.

Миро драгоценное лучей
Сквозь прорехи туч великоснежных –
На глубины горечи моей,
На поля тоски моей безбрежной...

Как свивала ноги мне метель
Льном белёным, словно плащаницей –
Много возлюбившему, поверь,
В этой жизни многое простится.

-
- Елена Николаевна Колесникова родилась в 1976 году в городе Кузнецке Пензенской области. Окончила музыкальный факультет Самарского государственного педагогического университета. Работала в школе. В настоящее время является музыкальным руководителем Центра ментального здоровья детей. Публиковалась в журналах «Подъём» и «Берега», а также в альманахах «Нить Ариадны», «Образ». В 2022 году стала дипломантом премии «Образ». В феврале 2023 года победила в Национальном поэтическом конкурсе «PoetFest» (Санкт-Петербург) в номинации «Поэт года».

И СНОВА МАРТ...

И снова март – порывистый, тревожный...
Вся синяя от холода река,
Разбуженная так неосторожно,
Дрожит в оледенелых берегах.

И мокрый зяблик, вздрагивая спинкой,
В седой копне запутанных ветвей
Доклёвывает бурю рябинку
С крупницей солнца, спрятанного в ней.

На истончённой ветром снежной коже
Заметней сетка потемневших вен –
Зима сдала, истаяла, похоже,
Под натиском незваных перемен...

Эпоха осени – развёрнут на рассвете
Зелёно-рыжий флаг куда хватает глаз.
Покой и радость дней первовенчальных этих,
Я признаю отныне только вас –

Теперь я подданная осени бездомной,
Её пустых небес, открытых для ветров,
Безбрежности полей, измученно-бескровных,
И просветлённых холодом садов.

Эпоха осени – развёрнут на рассвете
Куда хватает глаз зелёно-рыжий флаг.
Мир снова разделён – сентябрьское двухцветье –
Да будет так!

В синем шаре хрустальном –
С лёгкой ветра руки –
Зароились прощальных
Белых дней мотыльки.

Ожемчужилась густо
Хвойных зарослей смоль
И оттаяла, будто
Горьких слёз канифоль.

Те же тощие тени,
Так же вечер безлик,
Только странно-весенен
Солнца робкого миг.

И в теплыни рассветной –
С лёгкой ветра руки –
Растворились бесследно
Белых дней мотыльки.

Лес, до корней порозовев,
Встречает солнце обнажённым.
Оно, войдя в туманный неф
Огнистым облаком холодным,

Лучась, глядит как будто сквозь
Шершавость вековечной толщи,
Мертвó стоящей вкривь и вкось
В снегу – обветренном и тощем.

И лист медяный, что прилип
К груди сосны смолисто-свежей,
И каждой веточки изгиб
Вниманием позолочен нежным.

И белых губ и рук моих,
От стужи одеревенелых,
Коснулось солнце – и в крови
Весна запела...

ЗА РУКУ С ВЕСНОЙ

Блёклый ситец тянут понемногу
Радуги разомкнутые пальцы,
Дождь щекочет сонную дорогу
Ледяными кончиками пальцев.

Он, как я, – слегка подслеповатый,
И глаза – всегда на мокром месте.
«Погоди, успеется, куда ж ты?
За руку с весной пройдемся вместе!»

За оврагом домик, самый первый, –
Детства подзабытое урочье.
Узелки припухшие на вербе,
До мозолей стёртое обочье...

Дождь, прощаясь, тихо барабанит
Тысячами маленьких ладошек.
Парусом на флагманском диване
Сохнет зонтик. Бабушкин. В горошек.

Светлана
ФЕДОРОВА

ПОТЕРЯННЫЕ ВЕЩИ

*Есть мистика. Есть вера. Есть Господь.
Есть разница меж них. И есть единство.
Одним вредит, других спасает плоть.
Неверье – слепота, а чаще – свинство.*

Иосиф Бродский

В деревне вечер наступал сразу после обеда, а точнее, после дневного сна, в который, соблюдая режим сохранения энергии, по-детски погружались пожилые люди. Пышные старухи спали на нескольких матрасах, не снимая цветастых халатов, чтобы в любой момент встать и вернуться в дальнейшую жизнь.

Мужчин было мало, поэтому их берегли, обхаживая даже непутёвых пьяниц и бездельников как местную достопримечательность. Им позволялось перед полуденным сном принять на грудь «от трудной жизни», как заботливо оправдывали их женщины.

Раздевались люди только на ночь для омовения по пояс. Дважды в день снимать и надевать одежду казалось занятием утомительным и неразумным. Целиком жители деревни купались только один раз в неделю, предварительно натопив баню и созвав тех, у кого её нет.

Этот ритуал начинался с самого утра: женщины вытаскивали накопленную гору грязного белья, раскладывали её по кучам, замачивали в больших железных тазах и давали несколько часов постоять. За это время прибирали дом, отмывали окна, соревнуясь с соседками «у кого стёкла горят ярче», потому что было в той деревне одно непобедимое поверье. Уже никто не помнит, откуда оно пришло, при каких обстоятельствах зародилось или было привнесено извне, но старухи свято верили во взаимосвязь своих глаз и окон.

-
- Светлана Андреевна Федорова родилась 1984 году в Саратове. Кандидат политических наук, магистр искусствоведения, член Союза писателей России и Союза журналистов России. Публикуется в газетах и журналах, соавтор многих изданий, организатор творческих вечеров. Автор пяти поэтических сборников: «Давай помолчим...» (2005), «Взгляд на настоящее» (2006), «Голос Тишины» (2007), «Игра Отражений» (2008), «Стиходелика» (2022); одноимённой видеопозмы и двойного аудиобука «Скорость Света» (2009), «Светкина хроника» (2011); сборника рассказов «Взрослые сказки» (2013, С-Пб), детской книги «Данькины сказки» (2019).

– Смотри, Зоя Ильинишна, у Марковых совсем окна немыты! – с ужасом восклицала коренастая и бойкая Тамара Петровна и крестилась, будто заметила что-то бесовское и потустороннее. – Слепнет, значит, скоро.

Зоя Ильинична печально качала головой, сожалея о такой досадной неприятности, напрямую связанной со здоровьем, и тяжело вздыхала. Это было равносильно тому, как человек, по глупости не промывший рану, мог потерять часть руки или ноги, а всего-то нужно было вовремя не полениться.

Чистые окна берегли как собственные глаза. Считалось, что, как только они начинают мутнеть, садится зрение. И если не мыть долго, можно навсегда утратить способность видеть.

Изредка приезжающие из города родственники потешались над этим поверьем, даже демонстративно закидывали землёй стёкла окон в деревянных крашенных рамах, в подтверждение отсутствия изменений в глазах. Но суеверные и одновременно верующие старушки прикрывали веки, хватались за сердце и с воем убегали подальше от таких экспериментов. Со временем родственники привыкли и уже не пытались их переубедить, как не отрицают фантазий у детей, пугающихся темноты и сказочных чудовищ.

Палящее солнце постепенно ослабило яркость, дышать стало легче, и стоящую в воздухе пыль от земляных дорог развеял тёплый ветерок. На участке громко закукарекал соседский вспылчивый петух, который жил в своём графике. Он постоянно клевал детей и дрался с другими птицами, но зарубить его не поднималась рука: настолько трудолюбиво и бесперебойно петух топтал кур.

Тамара Петровна открыла глаза, зажмурилась от солнечного света и решила ещё немного вздремнуть, но из кухни послышался звон и грохот, как будто уронили на пол вазу. Она мгновенно села в кровати, прислушалась и опустила опухшие ноги на пол. За стеной кто-то тихо бормотал ругательства, и Тамара Петровна поняла, в чём дело.

– Опять бутылку разбил, старый чёрт!

Она вошла в узкую кухню, подволакивая затёкшую ногу.

Муж Степан Михайлович, более известный соседкам как «старый чёрт» и «леший», согнув спину, с виноватым видом смотрел вниз. Крупные осколки от бутылки с водкой лежали на полу, как разбитые мечты молодой души, живущей в старом суховатом теле. Голубые глаза, полные скорби и страдания, блестели на его желтоватом лице.

– Всё найдёт, как ни прячь от него, вот леший! – Тамара Петровна говорила о муже так, будто бы он не стоял рядом, а был где-то далеко и не слышал её слов.

Отодвинув его плотным плечом, она взяла в руки железный совок и раздохмаченный старый веник и, поджав без того тонкие губы, стала сметать стёкла вместе с прозрачной жидкостью.

– Половина была, не меньше, – она выпрямилась, делая экспертное заключение, и посмотрела на Степана Михайловича.

Он стоял молча, в расстёгнутой серой рубаше и протёртом трико, переживая о неловкой потере.

– Кто дал? Тихон? Семёныч? – Тамара Петровна не ждала ответа, а размышляла вслух. – У Тихона денег нет, Машка забрала ещё дня три назад, значит, Семёныч. Эх, попадётся он мне, душу выну.

– Нет! – неожиданно и громко прокричал Степан Михайлович. – Не вынешь, потому что права у тебя нету! Не было и не будет! – Было ощущение, что он проснулся от многолетнего сна и теперь точно припомнит все прошлые обиды.

Давно не слышавшая возражений, Тамара Петровна от растерянности замерла с веником:

– Как это нету? – она осторожно повернулась.

– А потому что Семёныч тут ни при чём, я сам купил! – Степан Михайлович резанул рукой воздух.

– Эх, вы посмотрите на него! – она опять обратилась к несуществующей публике. – Сам он купил! И на что же это ты взял, мне интересно?

– На что надо! Тебя не спросил...

Он рассерженно пошёл к дивану, сел и включил телевизор.

Раззадоренная и неудовлетворённая ответом, Тамара Петровна перекрыла корпусом телевизор.

– Отвечай, старый чёрт, где деньги взял?! Утром пересчитывала – все на месте! На какие шиши покупаешь?

Но Степан Михайлович молчал. Он смотрел на её пёстрый халат с цветами как в телевизор и не произносил ни слова.

Через несколько минут монолога Тамара Петровна махнула рукой и пошла причёсываться к тёмному трюмо, готовясь выйти на улицу. Она долго что-то искала, переставляла, затем, преодолев нежелание разговаривать, появилась в комнате.

– Ты расчёску мою не видел? Чёрную такую, с зубчиками.

– Сдалась мне твоя расчёска, – не оборачиваясь, пробурчал Степан Михайлович.

– Не дом, а чёрт-те чё! – Тамара Петровна руками расчесала седые длинные волосы, замотала их в пучок и вставила шпильки.

В сенях она взяла ведро с водой и выплеснула на раскалённое от солнца крыльцо. Старые доски быстро впитали воду, оставив тёмные мокрые разводы только в самой середине.

Куры бегали по участку перед домом, давно не обращая внимания на большую пятнистую собаку в будке, которая не столько охраняла территорию, сколько изредка подавала голос и звенела могучей цепью, создавая образ злого и кусачего пса. На соседнем участке горланил петух, возможно, чувствуя неподалёку натоптанных кур. Тамара Петровна бросила птицам зерновой корм, они налетели, сбивая перья, поднимая пыль, и вышла за калитку.

По давней дружеской традиции, после дневного сна она посещала Зою Ильиничну, или просто Ильинишну, как называла её для удобства обращения. Приятельница жила одна и принимала ежедневные визиты с радостью: мало ли, плохо станет или одиноко до слёз, а так хоть поговорить с кем-то можно.

Ильинишна уже вскипятила чайник и насыпала в хрустальную вазочку печений и конфет, ожидая гостью. Дверь она не заперла, поэтому даже не удивилась, увидев за плечом Тамару Петровну.

– Черт-те чё в доме творится! – найдя благодарного слушателя, Тамара Петровна дала волю эмоциям. – Расчёска теперь пропала! Вчера куда-то делся кусок мыла, на днях не могла найти нитки с иглками. Я же всё всегда на место кладу...

Она села за стол и взяла конфету.

– Странно всё это, – Ильинишна сняла чайник с плиты. – Ладно бы дети играли, подевали куда...

– Я про то и говорю. – Тамара Петровна откусила жёсткую карамель и скривилась. – В доме только этот леший, который бабские вещи не трогал никогда. Да и зачем ему? Продать такое невозможно, да и сроду не знал, где чё лежит.

– А может, он любовницу завёл, – прикрыла рот рукой Ильинишна, – и таскает ей?

Тамара Петровна замерла как от удара, но быстро опомнилась:

– Водка его любовница! Сегодня опять где-то бутылку раздобыл да грохнул половину, чёрт неуклюжий, – она рассмеялась, вспоминая лицо мужа.

– Не, в самом деле, – Ильинишна налила чай. – Вдруг к бабе бегают, она его и припавает заодно.

– Да к кому тут бегать?! – обиделась за мужа Тамара Петровна. – Молодых нет, а старье развалины на нитки не позарятся. Да и не будет он – ленивый слишком.

– Тогда, может, домовой крадёт? – Ильинишна села напротив и подпёрла кулаком подбородок.

– Да что ты! Что я, домового своего не знаю, что ль? Ему только печенье и сахар кусочками подавай, он же тоже мужик, ага. Лохматый такой. Ка-а-к ночью придавит иногда к постели – я сразу молитву читать. А как-то за руку его схватила, не побоялась. Волосатый весь, как медведь, только росту маленького. Это я ему тогда сахар не оставила, забыла. – Тамара Петровна постучала пальцем по своей голове.

Ильинишна замолчала. Карие тёплые глаза, как будто немного вдавленные, смотрели задумчиво. Когда-то смоляные чёрные волосы побелели, но фигура осталась стройной, «не поплыла», как выражались местные. От неё всегда пахло цветочным мылом, но потом она призналась и показала «лососьон», переданный дочерью из города. Тамара Петровна обежала все имеющиеся в деревне три магазина, но такого не нашла. С тех пор душистый аромат стал предметом её ежедневной зависти.

– Знаешь, чего подумала? – Ильинишна прищурилась.

– Говори уж, а то думай за тебя незнамо чё, – Тамара Петровна развернула вторую конфету.

– Вещи-то пропадают нужные?

– Нужные.

– Полезные?

– Полезные, как же! Расческа, нитки, мыло, да ещё бусы не могу найти.

– Во-от, о том и речь! – Ильинишна закивала.

– Дык о чём о том? Не пойму тебя, – надулась Тамара Петровна.

– Я где-то слышала, что исчезают именно те вещи, которые тебе потом на том свете пригодятся, да. Чтобы ты не пустая туда шла. А то где нитки купишь? А расчёску где достанешь? И мыло же не догадаются с собой в гроб положить.

– Да ну? Правда? – обрадовалась Тамара Петровна. – А я-то думаю: на кой это оно исчезает?..

– Именно! Вот смотри. Не пропал же стол или стулья? Нет. Потому что там это имеется. Одежда на тебе будет. А вот мыло и расческа нужны. Для опрятности. И бусы для радости. Так что не печалься, всё твоё тебе же и отдадут.

– Ой как! Так это чё получается: ангелы ночами прибирают? Чтобы постепенно накопить добро?

– Поди знай, может, и ангелы, – Ильинишна заговорила тихо. – И вообще, я слышала такое поверье: то на самом деле там станет твоим, что отдаёшь или даришь сейчас сама. Вот, например, подарила ерунду или некрасивую вещь – на том свете тебе она и достанется. А отдала хорошее – значит, хорошее к тебе вернётся.

– Ах ты батеньки! – зашептала Тамара Петровна и почему-то сделалась печальной. – Это что же значит, тот сервиз некрасивый, ну, помнишь, с жёлтыми цветами, который я Машке отдала, опять моим будет?

– Выходит, так, – скорбным голосом подтвердила Ильинишна.

– И платье то, зашитое, которое Людке всучила, тоже ко мне вернётся? – Тамара Петровна шептала побелевшими губами.

– Вернётся, да. И вообще, в том поверье говорится странная фраза: «То твоё, что отдаёшь». Получается, что все вещи, которые мы собираем для себя, с нами не остаются. Ни любимых платьев, ни обуви, ни посуды. А то, что отдали другим, – то и есть наше.

– Ой, не могу, голова закружилась, – Тамара Петровна прикрыла глаза ладонями.

Ильинишна встала, налила в стакан холодной воды и протянула таблетку:

– На, выпей, от давления хорошо помогает.

Пока приходила в себя приятельница, Ильинишна взяла с подоконника тренькающий старый мобильный:

– Аллё, да, дочка, слышу! На выходные? Давайте. Я тебе сорочку красивую купила с кружевами и халатик красивый, нежный-нежный! А ребятам пирогов напеку. С капустой. Да ничего мне не надо, есть всё. Пока. – Ильинишна с усердием вдавила кнопку отбоя.

– Что ж ты ей про лососьён не сказала, чтоб мне привезла? – обидчиво спросила Тамара Петровна.

– Скажу, ещё позвонит, – Ильинишна положила телефон снова на подоконник. Ловил он только в этом месте, в других толстые стены дома не пропускали сигнал.

– Так что я не жду, когда пропадут нужные вещи. Сама их отдаю. Поносила немного платье – сестре передала в райцентр, подарили золотые серьги на пенсию – я месяц пофорсила и дочке отдала. Вот так вот, подруженька.

– Нет, это только посмотрите на неё! – Тамара Петровна погрозила кулаком. – Двадцать лет с ней дружим – и хоть бы раньше подсказала! Всё тайком, тихонько, для себя одной знание хранит! Тоже мне, подруга!

– Да ты и не спрашивала, я почём знаю, может, тебе не надо?

– Это мне не надо? Значит, сама форсить будет на том свете, а я с сервизом с жёлтыми цветами сиди! Хрен тебе! – Тамара Петровна отмерила ребром ладони по локоть. – Завтра же снохе своей золотишко подарю. И юбку красную для праздников.

Она решительно встала и направилась к выходу.

Уже на пороге остановилась, явно задумавшись, и обернулась к Ильинишне:

– Это... Дай мне сто рублей, до завтра. Чтоб домой не идти. Пойду лешему водку куплю. А то он расстроился весь. Сидит у телевизора теперь и не шевелится от страданий. Доброй сегодня буду, пускай он удивится... И глядишь, мне на том свете вернётся. Хоть выпью по-человечески.

Екатерина
ЯНСОН

КОЗЁЛ

Алёна очень боялась остаться одна, хотя и не знала, как это. Её пугала неизвестность. И вот она нашла первого (или, может, второго) встречного и пошла с ним по жизненному пути. Его звали Виталий, и это имя ему дали слишком опрометчиво. Он не был похож на скромных, тихих, интеллигентных Виталиев.

Любящие родители отдали Алёну в строительный институт, потому что так, им казалось, для неё будет лучше. Там она узнала, какие стены несущие, какие нет, как смешивать бетон и класть асфальт – в общем, то, чего многие строители в нашей стране не знают. Только вот она эти знания во благо города употреблять не хотела, а мечтала о филологии и музыкальных романских языках, которые хорошо ей давались в школе.

Но родители знали лучше – а точнее, родитель, её отец. Он был генерал и, хотя ничего, кроме гарнизонов, не видел, считал, что понимает жизнь лучше всех, в том числе жизнь дочери.

Дочь в ежовых рукавицах отца чувствовала себя незащищённой и одинокой и однажды встретила в романтической обстановке института того, кто, как ей казалось, может её защитить. Виталий был двумя годами старше, широкоплеч, высок, с волевым, немного суровым лицом и баритоном. Поведением он чем-то напоминал её отца, но Алёна этого не замечала. Виталий открывал перед ней дверь, нёс учебники, дарил шоколадку и реже — цветы. Compliments он говорил только по делу («Хорошо сдала сопромат, молодец»), но её это забавляло. Ревновал её к сокурсникам и профессорам, к продавцу в магазине, подозревал в несуществующих заговорах («Почему вы с подружкой пошли той дорогой, а не как обычно?»), но Алёне это казалось проявлением любви.

Через несколько месяцев любовь Виталия стала сильнее, и он предложил выйти за него замуж. Отец Алёны настойчивость и уважение к браку в юноше поощрил и дал добро.

Алёна гордилась собой, крутилась перед зеркалом с кольцом и в недорогом, но хорошо севшем на ней подвенечном платье («Всё равно один раз надевать, зачем тебе дорогое?» — говорил заботливый муж). На свадьбу она позвала всех незамужних подруг, даже тех, с кем давно не общалась.

● Екатерина Сергеевна Раскольниковна (Екатерина Янсон) родилась в 1993 году в Москве. Окончила МГЛУ. Работает журналистом-переводчиком и корреспондентом в информационном агентстве. Публиковалась в журнале «Сибирские огни». Живёт в Москве.

После свадьбы и торжественного вручения дипломов Алёна хотела поступать на второе высшее, на филфак, но встретила неожиданное сопротивление.

– Зачем тебе эти языки? – спрашивал он. – Ты что, хочешь работать?

Новоиспечённая жена только улыбнулась и счастливо хвасталась подружкам такой заботой.

Когда возник вопрос о детях, Алёна шутливо сказала, что торопиться некуда, молодые ещё, можно пока погулять, пока «с головой не погрязнем в этих пелёнках». На что заботливый муж ответил:

– Я сказал: рожай! А то поздно будет, уже 22 года, не девочка. Что значит «погрязнем»? Ты и погрязнешь, дети – дело бабское, я тут ни при чём. А первого на ноги поставим, родишь второго, должна быть от тебя какая-то польза.

Вопрос пользы её родители никогда не поднимали, хоть и воспитывали её в строгости. Девушка сначала оторопела, прокручивала в голове его слова, пытаясь оправдать мужа. Расстроилась и стала ждать, что тон Виталия переменится и он превратится в прежнего лихого молодого парня, который дарил ей шоколадки и цветы.

К слову, цветов ей больше не дарили. «Ты что, с ума сошла, на 8 Марта цветы покупать? Эти торгаши специально цены в десять раз поднимают, а мы, дураки, покупаем? Ну нет, я их кормить не собираюсь. А тебе зачем цветы? Ты и за кактусом-то уследить не можешь».

О шоколадках тоже речи не шло. Виталий установил в их доме нормы «правильного питания», которое, по его мнению, состояло в том, чтобы есть самые дешёвые продукты, не употреблять мяса, ограничить потребление овощей и фруктов («Они же всё равно резиновые, вот сезон будет, тогда мать привезёт с дачи, и поедем»), батон хлеба растягивать на неделю (если съедлся раньше, то остальные дни приходилось жить без хлеба). О баловстве в виде сладостей, мороженого, шоколадок, йогуртов при нём не разрешалось даже заикаться.

Впрочем, заикаться Алёна начала вскоре после свадьбы. Обращалась ко многим (исключительно бесплатным) врачам, которые дружно отправляли её на свежий воздух, говорили, что надо больше гулять и настраиваться на положительный лад, жить в гармонии с собой и не давать невзгодам расстраивать себя. Позитивный настрой удавалось донести ровно до дома.

– Почему так поздно? Ты где шлялась?

– Я же т-тебе г-говорила: я п-п-пойду к вр-р-рачу...

– А, не хочу слушать твое бляение, – махал рукой некогда такой галантный Виталий.

Алёна вела скромный образ жизни, ждала мужа с работы, готовила ему первое, второе, иногда десерт из имеющихся продуктов. Об образовании и работе спросить боялась, так как однажды уже спросила: «Не пойти ли мне в одну компанию, меня приглашают...» – и на этих словах в неё полетела пощёчина.

После этого муж отнял у неё ключи. Для визита к врачу или в магазин нужно было отпрашиваться заранее и приводить неоспоримые аргументы в пользу такого выхода в свет. Прогулки запрещались, встречи с подругами тоже, звонки – только в его присутствии. Когда ей понадобились сапоги на зиму, Виталий стукнул кулаком по столу и сказал:

– Одни убытки от тебя! Не нужны тебе сапоги. Дома пересидишь, я сам в магазин ходить буду. Или на худой конец вон носки подденешь да и пойдёшь... Захотела! Сапоги! У матери своей попроси сапоги!

Впрочем, у родителей Алёна хоть ничего и не просила и про мужнины ограничения не рассказывала, они всё равно ей и деньгами, и подарка-

ми помогали. Только вот дорогие сапоги, которые они ей купили, Виталий носить запретил и продал, то же сделал с красивым шерстяным пальто, отороченным мехом, а подаренные деньги он просто брал себе.

– Ты что, умеешь распоряжаться деньгами? У меня целее будут.

Шубу, переданную «в наследство» от матери, продали тоже («Зачем шуба, пуховик же есть»).

Алёна ходила по дому в старых, подростковых вещах, мёрзла. Приходя домой, муж требовал горячий ужин, только вот готовить его было не из чего.

– Что это за суп? Это издевательство, а не суп! – кричал он, отказываясь есть полупустой бульон. – Ты что, считаешь, что я должен есть эту гадость? Мясца бы хоть положила.

– Ты не к-к-купил...

– Не купил, не купил, а ты сделай из того, что есть, и чтобы вкусно было! Ещё стол грязный, я тебе свинья или кто? Может, мне вообще есть с пола?

А Алёна целыми днями только и делала, что натирала полы-столы.

– Женщина должна дома сидеть, варить борщи, хотя ты и этого не умеешь. Вот взял тебя, а какая от тебя польза – ни постираешь, ни приготовишь, – говорил он про неё. – Муж должен быть доволен, а зачем мне такая жена?

В довершение ко всему Алёна оказалась бесплодной – или природа так защищалась от потомства Виталия. Факт этот ему не очень понравился. По дороге от врача он то и дело случайно задевал её или толкал, чтобы шла быстрее.

Войдя в квартиру, он медленно закрыл дверь, поставил обувь на место. Снял пальто, жене помогать не стал – не такой день... Повесил пальто на вешалку, разгладил воротник, шарф положил на полку. Взял Алёну за плечи и стукнул об стену. Она нащупала рукой старинную вазу, перекочевавшую ещё из родительской квартиры, и опустила её ему на макушку. Виталий покачнулся, поднял брови от неожиданности и упал лицом в пол. А из-за ушей кровь – кап-кап – прямо на начищенный паркет.

– Козёл, – сказала Алёна, перестав заикаться, забрала все ключи, телефоны и выбежала на улицу.

А там снег, гололёд, сапог нет, она в кроссовках и шерстяных носках – спасибо экономному мужу. Что делать? Позвонила родителям, они её с мороза забрали, чаем с коньяком напоили, накормили. А Алёна при виде мясного супа расплакалась и рассказала им всё.

Решили оформлять развод. У отца был знакомый в ЗАГСе, обещали сделать всё с максимальной скоростью. Потом собрались с духом, одели Алёну в сапоги и шубу и поехали к ней домой. Открывают дверь – всё тихо. Осколки вазы на полу, лужица крови, в остальном порядок.

Пошли дальше. В комнатах пусто, в ванной никого. Только откуда-то всё время звук тихий раздавался – стук-стук, будто копытами по паркету. Наконец поняли – из кухни.

А на кухне их ждал козёл. Серый, некрасивый, из ушей кровь течёт, на темечке рана. Стоит себе спокойно и жуёт фиалку на подоконнике. Холодильник нараспашку, только животное там ничего не нашло. На Алёну козёл посматривал недоброжелательно и пытался пырнуть рогом.

Алёна с родителями поудивлялись-поудивлялись и стали жить дальше. Виталия объявили пропавшим без вести. Козла Алёна продала в ресторан, чтобы он стоял за стеклом, а посетители ему давали листочки салата. Только любил он не салат, а мясо...

Александр
БОЙНИКОВ

«Лишь стоит истину найти...»

Сергей Миронов. Межсезонье: сборник стихотворений. —
Волгоград: Перископ-Волга, 2023. — 136 с.

Название второго стихотворного сборника калининградского поэта Сергея Миронова сначала настраивает на грустно-созерцательный лад: межсезонье — достаточно мрачноватое время, когда золотая осень уже отошла, природа окончательно потеряла красочную пестроту и застыла в ожидании далёкой весны; когда небо посерело и пригнулось к земле, а белоснежная зима всё ещё не думает воцаряться. Однако такое восприятие постепенно меняется: если для среднего человека эта пора — лишь сезонное уныние или радость, вызванная полезностью здоровых холодов, то для поэта — духовный рубеж, властно побуждающий к размышлениям о вечных началах бытия, обычно скрытых пеленой будней.

Сергей Миронов поместил под одной обложкой лирический триптих, части которого объединяются в единый макроцикл синтетическим потоком картин и впечатлений, образов и рефлексий. Внешний пространственный вектор — море, его берег, город и дующие всюду ветры — легко узнаваем и понятен. Но движение внутреннее, в котором сливаются в разнообразии вариаций чувства и раздумья, часто прихотливо. Взор поэта устремляется в просторы то моря, то космоса, а иногда останавливается, сосредотачиваясь на конкретных городских деталях или вещах в подчёркнуто замкнутом интерьере. Встречающийся анжамбеман — формальное несовпадение синтаксиса и метрики стихотворений — эффектно передаёт порывистость мыслей и эмоций:

*Вокруг висела ширь глухая,
Но в этой смутной пустоте
Соната лунная порхала
На небе бабочкой. Метель*

*Стучала градинами в судно,
Ткала узоры на корме,
И было жутко нам, и чудно
Смотреть вперёд. Как будто смерть*

*В тревожном омуте витала,
И шёл паром наш на маяк
К земле, возвышенной и тайной,
К земле, пославшей добрый знак*

*Двум путешественникам храбрым...
Мелькнул в лесу надёжный скит,
Куда, соря огнём нещадным,
Летел шальной метеорит.*

Автору «Межсезонья» подвластно не только перо поэта, но и кисть художника, что наиболее зримо заявило о себе в первом — маринистском — цикле; впрочем, и остальные два в этом отношении не уступают. Угрюмое и величественное Балтийское море, пустынный берег и сырое небо нарисованы преимущественно в бело-сероватых тонах, причём серый цвет нередко обозначен опосредованно: «бетонной лентой мол уходит», «пасмурное царство», «ветром седым», «в тумане пепельном, мучнистом» или парадоксально: «...живёшь пока на сером свете». Броская неброскость прибрежного ландшафта тем не менее изредка расцветивается контрастными вкраплениями ярких цветов — синего, янтарного, зелёного, золотистого:

*И будет мир в каком-то смысле
Таким же ясным и простым,
Как солнца луч в небесной выси
Над побережьем золотым.*

Балтийский берег запечатлён в характерных и художественно ёмких подробностях. Чайки над водой, паруса вдалеке, бурые валуны, дюны, маяк, «пожизненный дозорный», конечно, мерно катящиеся волны сурового моря начинают восприниматься вне исторического времени, аллегорически и даже символически: «А за окном, как тяжкий крест, / Твой белый парусник маячил». Лирический герой испытывает состояние экзистенциально-го одиночества «в глухой провинции».

Открытая отсылка к Иосифу Бродскому, как и другая: *«Поэт говорил, что у чистой воды / Есть смысл прозябать, если дует в столицах...»*

Знарок укажет и на курсивные реминисценции из Блока, Есенина, Пастернака... Отблеск великих имён не мешает поэту погружаться в новое – своё осмысление краеугольной онтологической проблемы «человек и мир», которое пронизано особой атмосферой: *«Здесь есть заветный смысл в Отчизне, / собравшей в узел столько бед»*. Калининградская область, бывшая Восточная Пруссия, край и «рубеж большой страны» – арена ожесточённых сражений двух мировых войн, а сегодня – единственный форпост России на Западе и кость в горле НАТО. Предощущение готовой вспыхнуть войны словно разлито в воздухе: *«И кружит пепел дальних войн / Вблизи домов в тумане мглистом»*.

Так вызревает лирическая философичность межсезонья, сотканная из череды личностных состояний и психологически нагруженных деталей окружающей действительности. И неважно, где находится поэт – среди хмурой и прекрасной природы, на улицах *«балтийского города»* или в собственной квартире. Именно природа, думается, во многих случаях – alter ego автора: в ней сконцентрирован весь спектр его настроений и переживаний, она же становится катализатором процесса самопознания:

*Всё веришь, веришь в чудеса,
Иначе можно утопиться.
Течёт река, её краса
Лишь обзрима юрким птицам.*

*Наивен ты, но легче так
Смотреть на воду, жить и верить.
Вода спокойна и чиста.
Высок и крут скалистый берег.*

Сергею Миронову свойственна весьма своеобразная манера письма: в его стихотворениях нет ни прямых обращений к читателю (даже «ты» – сугубо авторское), ни вопросительных и восклицательных предложений, ни императивных форм глагола, придающих тексту сильную эмоциональность с переходом в надрывность и крик. Собственное одиночество поэт переносит без явного отчаяния, как объективный факт, благодатное уединение, стремясь найти свою нишу бытия и тем самым обрести утраченную гармонию с жизнью и самим собой. Интонация его нередко исповедальных монологов твёрдая, но ровная и спокойная; сам же он предельно откровенен и абсолютно ненавязчив:

*Твоя история проста:
один из тысяч на планете.
С такой судьбой – один из ста.
Всего один, кто на примете
у разгулявшихся дождей
по мокрым тропам побережья,
где каждый миг и каждый день
надеждой дальней смутно брезжит,
где над волной летящий бриз
несёт пескам и соснам удаль,
а ты готов здесь до зари
ждать и надеяться на чудо.*

С продвижением в глубь книги перед читателем всё шире раскрывается полифонический диапазон лирических мотивов: от одиночества к надежде, от холода к теплу, от тревоги к уверенности. Каждое стихотворение – маленький неторопливый шаг в познании себя и мира; в каждом – иной нюанс мироотражения, иной ракурс уже знакомого образа или ситуации. Поэтому читать их нужно медленно, по одному, не торопясь постигая смысловые и художественные тонкости, а те и другие имеют свойство переплетаться и наслаиваться друг на друга:

*В глубине неоновой неволи,
Разобшённых улиц, площадей
Всё стоишь, как яхта на приколе,
Посреди недремлющих людей,*

*Смотришь, как прогулочный кораблик
По воде ледышкой плывёт.
Простовато, в звёздочках и каплях,
Нанесён на карту небосвод,*

*А под ним – пробитый ночью город,
Не насквозь – до старых кирпичей.
Всё идёшь, встревожен и расстроен,
Сам не свой, не брошенный, ничей.*

Оригинальный образный строй лирики Сергея Миронова, где «явь живёт с фантазией в обнимку», отличают смелые метафоры, нешаблонные сравнения, колоритные эпитеты... Основной ряд «зимних» метафор становится стеклом, и они приобретают символический оттенок. Что же символизирует стекло – прозрачность роковой преграды, хрупкость мироздания и человека, манящий блеск ложных ценностей? Глубина и многослойность тропов – привлекательная черта идиостиля поэта. Шлифовка граней одного образа, его последующее появление в иных разновидностях манифестирует стремление к самобытным способам создания экспрессии; попадают, правда, редкие элементы вычурности, но учётом аксиому: настоящая поэзия – напряжённый труд, пределов совершенства в ней нет, а мелкие шерохо-

ватости – неизбежное следствие творческого поиска.

Способ воссоздания поэтом реальности сравнивается в аннотации с импрессионизмом; между тем специфика её живописности (терминология из сферы изобразительного искусства нередко присутствует в стихах) больше, на наш взгляд, свидетельствует о тяготении к чертам экспрессионизма, но не избыточного угловатыми, резкими формами, разочарованием и страхом, а плавно-волнообразного, эмоционально смягчённого, с печатью эгегической грусти:

*Иногда всё срывается в пропасть:
Ком надежд, жизни краткой этуод.
Пепелищ ураганная копать
Оседает на чей-то приют.*

*И герой твой, затерянный где-то
Между небом и чёрной землёй,
Всё ещё ждёт над гарью рассвета,
Пятен света над рыхлой золой.*

Сергей Миронов плодотворно развивает традиции урбанистической лирики во всех её аспектах. Всего тремя мазками кисти набросан портрет Калининграда в «Балтийской песне»:

*Но мы живём на Балтике.
Наш дом – Калининград.
Бульжник скользкий, глянцевоый,
Баркас рыбацкий в гавани
И крыши черепичные
в косых дождях блестят.*

Больше всего во втором цикле мастерски нарисованных этюдов зимнего города. Описания застывших в морозе улиц, где «из композиций снежных кружев / Пейзаж составлен ледяной», вызывают прямо-таки физическое ощущение стужи; к тому же лёд – реалистический символ умершей (к счастью, не навсегда) воды; городская суета кажется статичной, неповоротливой, медлительной и монохромной. Впрочем, встречаются и столкновения красок:

*И утро забрезжит в наброске лучом.
Скамья, блочный дом,
блеск стеклянный мороза.
Лежит во дворе под футбольным мячом
Забытая кем-то пурпурная роза.*

Бытовой контур города (трамваи, парки, дворники, кафе и даже запахи) очерчен множеством наблюдений и порождённых ими впечатлений (свежа и неожиданна «Ода башмакам»); «приторный регламент» будничных дел интригует загадкой:

*Ледяные скульптуры, кристаллики льда.
Электричеством жалит троллейбус.
Языком хамелеона ночная слюда
Закатала тебя в белый ребус.*

*Провода над мостом
в бусах круглых гирлянд.
Холодок новогоднего бриза.
У зимы в декабре неизбывный талант –
Всем раздать по большому сюрпризу.*

Город не отталкивает от себя поэта – живописца повседневности, но порой бывает ему чужд, и тогда он затворяется в стенах своего дома. Это – кров, душевная отрада, место любви и свободных полётов мысли, которым не мешает «зудящий свет ночных реклам». Иногда – бедлам, но «согретый прожитым». Дом – метафора личного, потаённого мира и противоположность улице – миру внешнему, не враждебному, но красивому и холодному. В нём и новогодняя рутина – объект добродушной усмешки:

*Горька ирония судьбы.
Ликёр, на скатерти разлитый.
Под звуки праздничной пальбы
Мягков дубасит Ипполита.*

А ещё наступление Нового года – достижение пика повторяющегося межсезонья, момент оценки прожитого за последние 365 дней, и не только:

*Досталось нам немного счастья,
Немного радостей судьбы.
Мы – дети вечного ненастья
Под небом бледно-голубым.*

Однако есть и третий – виртуальный мир, или «сетевой беспредел», восторга отнюдь не вызывающий:

*И с каждым днём всё та же данность:
Войны, потерь, надежд пустых –
Уже не ранит и не давит,
Привычна в лентах новостных.*

Ближе к концу книги потихоньку, исподволь прорываются жизнеутверждающие мотивы родовой памяти, весеннего обновления, долгожданного соединения любящих сердец, преодоления разлуки, обретения надежды... На общем фоне выделяется стихотворение «Муромский дом», в котором раскрыта вся суть нашего – настоящего – русского характера. И больше к ней ничего добавлять не надо:

*Сколько может вместить твоё сердце
Потрясений, печалей и бед?
Не бывать тебе злым иноверцем.
Будешь русским до старости лет*

*Умиляться весенним рассветам,
Пенью птиц в деревенских садах,
Оставлять перед сном без ответа
Груз вопросов на ломких весах.*

*Будешь помнить ту белую церковь
Над широкой, раздольной Окой,
Обелиск со звездой фанерной
У тропинки на берег крутой...*

И всё-таки одна неизбежность – роковая и самая болезненная – сопровождает нас всегда, а точка становится скорбной запятой:

*Возьмёшь ту самую тетрадь
И набросаешь с ходу строчки
О вечной горечи утрат.
И не поставишь жирной точки.*

Кто же он – поэт, максимально сближенный с лирическим героем? Пессимист, оптимист или фаталист? Скорее, реалист, философ-стоик и немножко романтик, принимающий розы и шипы на земном пути как данность. Скептик тут же напомним: каждый сам кузнец своей судьбы... Так ли это или нет? Ответ на столь сакральный вопрос человек старается отыскать (при желании, конечно) на протяжении всей жизни с её каскадом межсезоний.

*Всё приходящее конечно,
Лишь стоит истину найти.
Тогда войдёшь навеки в вечность
На незаконченном пути.*

Часть этой истины поэт уже нашёл...

**Елена
САФРОНОВА**

Чем детектив приятнее зазеркалья

**Зеркальный детектив: 29 рассказов от авторов мастер-курса
Антон Чиж / Елена Ахматова [и др.]. – [б.м.]:
Издательские решения, 2023. – 417 с.**

Недавно «Ridery» выпустило сборник детективных рассказов «Зеркальный детектив»: под одной обложкой собраны тексты 29 участников мастер-курса Антона Чижа. Любитель детективов в моём лице не смог пройти мимо новинки ни как читатель, ни как критик.

Аннотация к сборнику гласит: «Зеркала. Они окружают нас. Они повсюду. Мы смотримся в зеркала. А зеркала смотрят в нас. Зеркала отражают, околдовывают, обманывают, лгут, шепчут о красоте, манят проникнуть по ту сторону, в зазеркальный мир. Кто скрывается в зеркалах? Как зеркала побуждают к преступлениям? Какие тайны они хранят?»

29 авторов мастер-курса Антона Чижа попытаются разгадать вечную и ускользающую тайну зеркал в своих рассказах.

А когда вы смотрите в зеркало, не замечали случайно там чудовищ?

В числе авторов рассказов – Маргарита Яворская, Дарья Закревская, Наталья Резникова, Алексей Небыков, Максим Смирнов, Гульнара Василевская и многие другие. Некоторые писатели выступают под именами вроде ников: Букер Некто, Троицкая Анка Б., Ош Элен. Признаюсь, не все фамилии и ники были мне знакомы – но появление сборника повысит популярность его участников в литературных кругах.

Трогательна история Елены Ахматовой. Ей принадлежит самый первый рассказ в книге – «Чистая любовь». В качестве послесловия к нему Писательская академия написала: «Это последний рассказ замечательного автора Елены Ахматовой. Её внезапно не стало до того, как вышел этот сборник. Елена была очень талантливым, добрым и светлым человеком. Она писала необычные, запоминающиеся, яркие рассказы. К сожалению, Елена успела очень

мало, даже не закончила свой роман. Её памяти, памяти нашего товарища и коллеги, авторы и мы посвящаем этот сборник».

Оригинальность рассказа Елены Ахматовой в том, что преступление, совершённое два века назад в аристократической семье («*Да, задача не из лёгких. Двести лет прошло. Мы приехали в Питер, потому что выяснили, что Белозёрские в своём имении почти и не жили, абсолютно столичные обитатели*»), расследуется в наши дни. Причём с привлечением магических предметов – карт Таро и зеркала Молины. В финале волшебная сила последнего объясняется естественно-научными причинами.

Но в рассказе Ахматовой много других ирреальных черт, включая призрак поэта, живущий в коммуналке, и попугая, мыслящего совершенно по-человечески. Мне показалось, что «Чистая любовь» вольно или невольно оказала влияние на все прочие рассказы в сборнике. Как уточнили авторы, для работ, входящих в эту книгу, были выставлены два требования. Одно касалось объёма. Второе – обязательно упоминания зеркала, отчего сборник и получил название «Зеркальный детектив». Почему зеркало было непременным условием, публике (читателям) не объяснили – но что если то была дань памяти Елене Ахматовой? По мне, заданность артефакта местами оборачивается слабостью.

Образ зеркала неизбежно тянет за собой «потусторонние» ассоциации, на чём делает акцент аннотация. Многие авторы сборника не избежали соблазна превратить историю о зеркале в рассказ фантастический. И возникла ещё одна амбивалентность, уже сугубо литературная. С одной стороны, мистический детектив расширяет границы этого жанра; с другой – он теряет характерные приметы детектива. Да, во всех рассказах сборника герои приходят к разгадке таинственного происшествия. Но по канону прозрение достигается слезкой, сбором информации, поисками улики, размышлениями сыщиков, приводящими к вычислению преступника и его мотивов. Причислять ли к когорте детективов истории, где установление истины даётся магическим способом? Например, Светлана Орлова в тексте «Медиум и магическое зеркало» вводит медиума Ярославу, которая для поисков пропавшего предпринимателя Артура Брема применяет карты Таро и собственные видения. Дело вкуса, но, по мне, это иной жанр, которому сложно подобрать чёткое определение. На грани жанров балансирует и рассказ Евгении Задорожной «Русалка» – преступление подстроено человеком из-за кулона в виде зеркального шара, оказавшегося мощным оберегом.

Примеров «инога жанра» в сборнике довольно много. Некоторые истории не детективы даже по интенции – например, «Зеркальный жрец» Дарьи Закревской, лихо закрученный, сентиментальный и совершенно фантастический сюжет о бесконечности перерождений и сути выбора. «Зеркало уникальности» Надежды Азоркиной – социальная фантастика с сатирическим уклоном о вымышленной стране Уникалисте, где все граждане озабочены прежде всего поиском собственной уникальности, а «социально целесообразное количество детей «синтезируют» из биоматериала граждан и выращивают в инкубаториях». Больше всего от идеи служения уникальности страдают близнецы, на чём и строится сюжет.

В «Медальоне» Натальи Авдеевой извлечённое из могилы на лютеранском кладбище Санкт-Петербурга зеркальце меняет натуру его нового обладателя, которому диктует странные поступки внутренний голос. «Выход» главного героя Серёги Птицына из зазеркалья выглядит не выходом, а попыткой автора как-то примирить фантастику, в которую «сваливалось» повествование, с реальностью.

«Seifenblase» Некто Букера – в первую очередь космическая фантастика, а детектив – разве что в третью.

«Обрётённые сокровища» Гульнары Василевской – вариация на тему «попаданцев», причём героиню в средневековой Тимбукту уводит, скорее, не зеркало, а старинные рукописи: «*Она нашла нужную книгу по корешку, протянула было за ней руку, как вдруг обнаружила, что пальцы скользят по гладкой поверхности, а сама она отражается в просветах между несуществующими книгами, как в зеркале. Неожиданно зеркало поддалось под её пальцами и открылось как дверь*».

А рассказу Светланы Куликовой «Матриархат» предпослан подзаголовок: «Антиутопия». Этот жанр и главенствует.

Многие авторы выбрали ход, когда в зазеркалье хранится некое знание. Такова «Мамочка» Анастасии Декар. Зеркальная «мамочка» не только помогает дочери выяснить обстоятельства семейной трагедии, много лет назад оставившей её сиротой, но и активно вмешивается в течение событий. Злодейство с помощью зеркала описала Лена Салми в рассказе «Стабилиментум». У Элен Ош в «Загадочной смерти» в зеркале обитает демон, а у зеркала из рассказа Ирмы Григ есть хранители, точнее, хранительницы: плеяда блестящих женщин разных веков, называются подлинными именами (Марлен Дитрих и пр.). Все такие допущения превращают детектив в мистику.

Отмечу присутствие в «Зеркальном детективе» поджанра ретродетектива. Многие сюжеты развиваются в отдалённом прошлом или связывают историю и настоящее. Видимо, их авторы последовали за своим мастером Чижом.

Ярким образцом ретродетектива мог бы стать текст Андрея Епифанцева с двуязычным названием «Innocens in caelum ire (Невинно убиенные попадают в рай)» о полицейском следователе начала XX века. Но развитие сюжета привело к довольно экзотическому предположению о... зеркальном НЛП. То есть рассказ Епифанцева тоже ближе к мистике, чем к детективу.

Зато полицейское расследование реконструирует Екатерина Чудинова в весьма дамском детективе «Духи» клептоманки», полном милых женскому сердцу вещицек – парфюма и украшений. «Коварный блеск зеркал» Ирины Тушевой отбрасывает читателя на 400 лет назад, во Францию 1664 года, а выяснением обстоятельств дела об убийстве работников зеркальной фабрики занимаются «мушкетёры гвардии короля под командованием шевалье д'Артаньяна». Детектив основан на исторических событиях и мог бы стать отличной книгой... если бы размашистому и многослойному сюжету не было так тесно в рамках короткого рассказа. Из-за сжатого объёма автор вводит курсивом важные исторические пояснения в стиле «цитат из учебника», что выдает первопричину происходящего. Вообще, ощущение, что замысел автора шире малой прозы, на страницах «Зеркального детектива» возникает не раз.

Выделю те рассказы, в которых налёт мистики не застит детективного сюжета. Это, например, «Спасительное отражение» Надежды Салтановой об убийстве в иностранной археологической лаборатории. Главная героиня Мардж вычисляет убийцу, и в процессе установления истины безвозвратно страдает артефакт из древней китайской гробницы, обладающий уникальными свойствами. Это «Зеркало Луи Арпо» Анны Тищенко: двойное убийство на аристократической вилле в оккупированной фашистами Франции и чернокнижник, черпающий свою вечную молодость из колдовского зеркала – параллельные линии, красиво оттеняющие друг друга. В рассказе Алексея Небыкова «Воден дьявол» – болгарское поверье о морском чёрте, который «в дни полной луны выбирается на берег и сидит свою дюжину дней на болотах, зазывая себе жертв-прохожих. Кто явится ему на глаза, сразу может «загнаться», а кому удаётся от него спастись, того дьявол всё

равно метит...» – оказывается колоритным фоном для преступления с вульгарно-материальной подложкой. Изюминка истории в том, что события развиваются в городе Невельск на Сахалине, а злой умысел направлен не только против людей, но и против природы.

Тема браконьерства поднимается и в «Поворотах судьбы» Галины Передериевой: инспектор рыбоохраны Таганрогского залива поймал лодку, в которой были незаконный улов и труп. Убийство на теплоходе во время увеселительной поездки совершено по причинам житейским, но за участниками драмы следит призрак из зеркала.

В заключение скажу о детективах, для которых зеркала не больше, чем предмет антуража. «Зеркала тут ни при чём, они загадочны, но безучастны. Они правдиво отражают нас, нашу жизнь, наши поступки», – совершенно справедливо говорится в истории Тианы Каракада '«Кривые зеркала».

Рассказ Тианы – удачный реалистичный авантюрный детектив, как и тексты Маргариты Яворской «Дым и зеркала», и Алины Чиканковой «Наследие» (в этой истории торжествует сомнительная нравственность, что как раз придаёт ей жизненной правды). Любопытный «Угол падения», автор Анка Б. Троицкая, имеет чёткое обоснование из учебника физики. Логично выстроено повествование Ольги Красильниковой «Зеркальный убийца»: здесь и зеркальце в приметной резной деревянной оправе, и группа «Йога с Джагдих Сингхом», фактически секта, участницы которой пропадают, а потом их тела находят на свалке – составляющие грамотного детективного расследования. Хороша «Комната смеха» Маши Фокс. В ней есть дополнительная интрига: единственное нормальное зеркало в комнате смеха передвижного цирка показало настоящего виновника гибели артиста, но его видела только маленькая девочка. Сумеют ли полицейские сложить все факты или ограничатся наиболее очевидным для них подозреваемым? Наконец, в рассказе Алексея Ерехинского «За спиной» – о соперничестве в студенческой среде – картина происшествия восстановлена по осколку зеркала, застрявшему в подошве кроссовки.

Итак, ближе всего к сути детектива подошли писатели, чьи рассказы я объединила в две последние группы. Этот комплекс текстов я считаю «энергетическим ядром» сборника. Дело в том, что при кажущемся избытии детективов в текущей российской прозе среди них очень мало качественных образцов классического расследования, а-ля Агата Кристи или Г.К. Честертон. В отличие от всевозможных

отклонений от нормы и межжанровых экспериментов. И как знать – это тяга к оригинальности или просто бессилие авторов перед сложным, геометрически чётким

литературным «рисунком», где люди помогают добру восторжествовать над злом (что и является наиболее гуманным посылом детектива)? Поэтому я – за классику.

Елизавета МАРТЫНОВА

Свет и красота

Ксения Ващенко. Письмо незнакомцу. – Волгоград: Перископ-Волга, 2020. – 64 с.

Ксения Ващенко – автор глубоких, тонких и умных стихов. Глубина их обусловлена проникновением в движения человеческой души и изменчивость окружающего нас мира. «Письмо незнакомцу» – это письмо каждому из нас, каждому читателю, настроившемуся на ясную волну понимания, сочувствия, восхищения красотой бытия – и страха перед его хрупкостью: «Какое облако красивое, Господь, / Как дом, как книга, дерево у дома...»; «Слепну от затопляющих меня / Света и красоты».

Стихи Ксении Ващенко очень музыкальны, напевны. Их музыка – тоже движение души, искреннее и естественное. Им присуща яркая образность («взгляд, брошенный, как монета»).

Все эти особенности позволяют говорить о том, что перед нами поэзия в чистом, беспримесном виде – редкое для современности явление.

Как поэт философского склада, автор книги говорит в своих стихах только о главном. Поэтому и предметный мир в книге избирательный, не подробный. Ксения Ващенко берёт главные вещи: земля, небо, река, дом, книга – всё, что дорого для неё.

И конечно, дорог человек, его душа. Основная идея «Письма незнакомцу» – идея понимания другим и другого, умение найти в человеке человека, понять самого себя.

*Взгляд случайный, жест случайный, шаг,
Диалог, какая-то черта,
За которой, думаешь, – душа...*

Лирическая героиня, искренняя и максимально приближенная к авторскому «я»,

преодолеывает психологическую проблему непонимания другим, чтобы остаться собой.

*Найди в себе смелость чувствовать,
говорить,
Показаться смешной и глупой...*

Автор «Письма незнакомцу» пишет о любви, о том, что близко и понятно всем.

*Ведь любовь – это случайно порезаться.
Палец к губам, не обращай внимания,
Лишь царापина.
Или выбежать на январский снег,
Споткнуться, лечь,
как на свежую простыню,
И вспомнить простое: «верю»
и «не виню».*

Глубокое понимание одиночества каждого человека сказывается в этой книге. И неизбежный страх перед бездной, безысходной пустотой жизни, которую лирическая героиня ощущает в себе и вокруг.

*Жизнь проста. Пустота читает меня с листа.
Вот работа, вот дом, вот усталость,
вот красота:
Прошлогоднее лето влажное, водоём,
Две печальные птицы, поющие о своём.
У меня живот, в нём Ева моя живёт,
Пуповину жуёт, но жить пока не спешит.
Никакой пустоты, в шуме*

*околоплодных вод
Два биения сердца, две сросшиеся души.
А теперь мы вдвоём. Я сама себе водоём.
Только нет ничего – ни берега нет, ни dna.
Есть работа, есть дочь, есть дом,
есть дверной проём,
Одиночество, загрустившее у окна.*

По сути, вся книга – это честный опыт проживания боли. Боли одиночества, боли расставания, непонимания другого, другим, боли от собственной эмоциональной незащищённости – и глубокого переживания скоротечности и конечности жизни.

*...Если есть грань между свободой
и одиночеством,
То где же она?*

*...Соблюдать все правила карантина,
Не зная, есть ли что-то хуже тюрьмы,
чем сами мы...*

Вызывает симпатию и то, что автор книги не «зациклен» на себе, на собственном одиночестве. Сочувствие другому становится одним из основных мотивов в книге и наиболее ярко воплощается в одном из лучших стихотворений сборника – «Мещанский рай, квартирный уголок»:

*Мещанский рай, квартирный уголок,
Был человек, остался уголёк –
Возьми и нацарапай на стене
Хоть слово, чтобы вспомнить обо мне,
Когда душа свой потеряет вес.
Был человек, да вышел. Вышел весь.
Темно, и уголь крошится в руке,
Пишу на незнакомом языке
О человеке, что покинуть смог
Квартирный рай для тех, кто одинок.
Но вместо слов на стенах – белый шум.
Зачёркиваю. Тоже выхожу.
Весенний воздух плавился и плыл.
Был человек. И я когда-то был.*

Но есть в книге и жажда обновления, свет в конце туннеля. Лирическое настроение в книге не стоит на месте, развивается, меняется вместе с героиней стихов, счастье для которой заключается в понимании разнообразия и красоты Божьего мира. И постепенно героиня книги, а вместе с ней читатель, выходит к свету.

**Елизавета
МАРТЫНОВА**

«Русская мечта» Татьяны Катаевой

**Татьяна Катаева. Русская мечта. Кн. 1. Падение короны: роман /
Татьяна Катаева. – М.: Вече, 2023. – 304 с.**

Роман Татьяны Катаевой «Русская мечта» масштабен, представляет собой историческую панораму первых десятилетий XX века в России. Это не бесстрастная краеведческая констатация фактов прошлого, а попытка ответить на вопрос, в чём заключалась «русская мечта».

Как отмечает автор, книга не предлагает прямую трактовку происходившего в дореволюционные и революционные годы, а даёт возможность читателю поразмышлять над событиями и судьбами героев.

«Судьбы героев романа, – пишет Татьяна Катаева в предисловии, – это часть истории России. Каждый из них не является положительным или отрицательным. У каждого из них свои мечты – своя правда. Человек не может быть объективным,

это очевидно, поэтому взгляд на события со стороны каждого из героев позволяет хотя бы частично приблизиться к объективному восприятию этих событий».

Татьяна Катаева определяет жанр своего произведения как нон-фикшн. Действительно, роман традиционный, написан в реалистической манере, близкой к документальной. Автор не только рассказывает о происходящем, но и «показывает» его как исторический фильм, и читателю предоставлена возможность всё обдумать, представить, вообразить самому.

В книге нет линейно-временного сюжета, повествование объединено судьбами героев, вымышленных или имевших реальные прототипы. Это герои из разных социальных слоёв, каждый со своей судьбой, интересами, языком, характером. Важно,

что всё это люди своего времени, укоренённые в нём.

Роман преследует просветительскую цель: рассказать о времени и людях, связанных с Саратовом. Параллельно автор даёт исторический экскурс, рассказывает о том, что происходило не только в Саратове, но и в России в целом.

Повесть очень кинематографична, и при чтении её возникает ощущение, что смотришь хороший исторический фильм. Описание революционных и послереволюционных событий динамично, увлекает читателя.

Точно переданы географические реалии, отражены исторические события, интересы героев – общественные, политические, литературные. Видно, что Татьяна Катаева плодотворно работала с архивами и книгами ведущих саратовских краеведов, многое знает об истории города и страны – и стремится передать свои знания читателю.

Основная проблема, выбранная автором – проблема крестьянская, земельная.

Крестьяне становятся героями книги, поэтому с самых первых страниц речь идёт об аграрной реформе. Татьяна Катаева подчёркивает, что главным человеком для России был и остался крестьянин, что Россия – аграрная страна.

Роману присущи многоплановость и полифоничность, благодаря которым в книге звучит голос эпохи – эпохи великих перемен.

В какой-то момент автор книги поднимается до высокой проблематики: темы родины, общей для всех, не разделённой партиями и личными устремлениями героев, – и достигает настоящего, истинного гражданского пафоса.

Произведение Татьяны Катаевой актуально, интересно для широкого круга современных читателей. Это оригинальное авторское произведение, которое продолжает традиции русской классической литературы.

Людмила
ЛИПАТОВА

Увидеть в людях волшебство

Светлана Федорова. Волшебные люди:
сборник рассказов. – Москва, «КнигИздат», 2024

Тираж сборника рассказов «Волшебные люди» поступил на полки московских книжных магазинов, а также интернет-магазинов в начале года. Это восьмая книга автора, в которой собраны истории и рассказы в жанре притч и сценарные зарисовки. Именно зарисовки – ретроспектива событий ведётся сжато, нарисована лишь канва сценариев, намечены основные действия, чувствуется, что многое у автора осталось за пределами обложки книги. Сценарии короткометражных фильмов легко можно развернуть в полноценные фильмы и даже сериалы. Фонтан искромётных идей бьёт яркими новыми мыслями, повороты сюжетов по-хорошему интригуют, детали увлекают. Язык рассказов живой, образный, интересны речевые особенности уникальных героев и традиционных типажей.

Светлана Федорова – молодой и одарённый писатель-сценарист. В её прозаических произведениях чувствуется мастерство, данное от природы, и то, которое заложили преподаватели ВГИКа им. С. Герасимова. Читаешь рассказы из книги «Волшебные люди» – и встают перед глазами кадры ещё не снятых фильмов, характеры героев, детали пейзажей, интерьеров. Повествование насыщено, выпукло, реалистично. Так и хочется сказать: «Верю!» – даже в тех моментах, где сюжет сознательно доведён автором до абсурда.

С одной стороны, Светлана Андреевна является летописцем сегодняшнего времени – описываемые события современные, ситуации и герои типичны и узнаваемы, но, с другой стороны, представленные в книге люди действительно волшебные, так как

каждый обладает неповторимой способностью чувствовать окружающий мир.

Светлана – глубокий знаток человеческой психики, и её истории отражают вечные внутренние проблемы личности, а также конфликты индивидуума и общества. Но в то же время она как вдумчивый человек, живущий в гармонии с миром, пытается понять и оправдать не всегда явный с первого взгляда замысел Творца, донести глубину его до читателя. Так, в рассказе «Операция души» отрицательные черты характеров являются спасительными для их носителей. Может быть, они не всегда приятны для окружающих, но, утратив эгоизм, напористость или же, наоборот, нерешительность, герои лишаются своей защитной оболочки, а это чревато необратимыми последствиями.

Иногда Светлана сильно утрирует события и характеры, иногда даёт ощутить их на грани нюансов, но в любом случае сюжеты заставляют задуматься, искать подтверждения или же возражения, исходя из собственного жизненного опыта. На мой взгляд, это полезно уже тем, что побуждает многое переосмыслить. Я поймала себя на том, что после прочтения этой книги более пристально стала присматриваться к людям и, главное, снисходительнее относиться к их поступкам, начала больше прощать. Ведь я не знаю до конца мотивов тех или иных действий, не ведаю движений их душ. Так мне ли судить? Потому низкий поклон писателю, что делает меня добрее.

Основным произведением этой книги я считаю цикл притчевых рассказов «Семь воскресений», иллюстрирующих семь смертных грехов – это примеры из жизни, которые приводит отец Сергей для подростка-инвалида Миши, впавшего в уныние. (А кому неведом этот смертный грех?! Пожалуй, каждому довелось испытать его на себе.) Писателю удаётся без морализаторства на примерах обычных людей показать неотвратимые беды, к которым приводят человеческие грехи. С авторским толкованием грехов можно соглашаться или не соглашаться, но это достаточно правдоподобные, эмоциональные короткие истории, которые захватывают и держат в напряжении. Впечатление от прочитанного долго не отпускает, герои запоминаются, рассказы заставляют пересматривать и свою жизнь.

Кого бы ни выписывала Светлана Федорова в сочинениях – олигарха, учёного, бомжа или алкоголика, – она говорит с огромной любовью и уважением к своему герою, с пониманием его проблем, с деликатным соблюдением личного пространства, добивается сочувствия к человеку и христианского всепрощения. И всего ей удаётся достичь легко, как само

собой разумеющегося. Чувствуется, что это не искусственно созданная писательская позиция, а личная философия и образ жизни автора.

Читая рассказ «Остров мечты», я ностальгировала по пионерскому детству, теряла вместе с главным героем Глебом Ланиным ориентиры в настоящем, пыталась опереться на верных друзей, очаровывалась, разочаровывалась и выстраивала перспективы будущей жизни. Подпадала под власть обаяния сильной личности и в то же время сопротивлялась этой власти. Переживала за мягкотелых его друзей и одновременно уважала их за бесконечную доброту и самопожертвование.

Светлана Федорова умеет несколькими штрихами показать сложность, противоречивость и неоднозначность человеческой природы. Так, тот же Глеб Ланин несчастен от своей гордыни, косности, негибкости, нечуткости. Он сильный, полон презрения к людям, что видится ему слабыми, но в их искалеченных судьбах больше человеческого, больше настоящей любви, и невольно мои симпатии переходят на их сторону. В повествовании идёт незримая борьба волевых, целеустремлённых людей и мягких, доверчивых, будто автор подсознательно решает для себя вопрос: кто же нужнее в мире? И так же невно победителями выходят слабые (читайте: добрые), их любовь покоряет искренностью, бескорыстностью, самоотдачей.

Привлекательной чертой писателя является здоровое чувство юмора, рассказы содержат многочисленные комические эпизоды, а герои часто прописаны с тонкой доброй иронией. Светлана Федорова умеет примирить свадьбу и поминки, интеллигентов и торгашей, правосудие и авантюристов, власть и народ, жену и любовницу (рассказ «Полный вперёд»). И всем уютно и комфортно в её книге. Как в рассказе «Дед – no dead», в начале которого дед и внучки вызывают стойкое отторжение читателя, но постепенно проникаешься симпатией к их девической неустойчивости и его неутомимому жизнелюбию, опереживаешь героям рассказа.

Каждому рассказу в книге предшествует эпиграф, точно подобранный, ёмко резюмирующий и дополняющий изложенный сюжет. В этом тоже есть особое очарование – чувствуются эрудиция писателя и любовь к литературе.

В сборник вошло одиннадцать рассказов, и чтение каждого доставляет подлинное удовольствие. Действия и события динамичны, эмоции сильны. Спасибо огромное Светлане Андреевне за новую книгу. Надеюсь, что сборник «Волшебные люди» станет приятным подарком для любителей современной книги.

**Татьяна
КРЫЛОВА**

О ЧЁМ МЕЧТАЮТ ДЕТИ

Словно херувимы спустились с небес и наполнили Большой зал Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова ангельским пением – так выступил на XXX Международном органном фестивале концертный детский хор Анны Фадеевой (хористы с трепетом держали в ладошках зажжённые свечи, и оттого концертный зал походил на храм) в сопровождении органа в программе «Новый год по-старому», которая была представлена 13 января 2024 года.

В один из наиболее таинственных праздников на сцене консерватории выступала Юлия Иконникова (лауреат международных конкурсов, обладательница приза «Радио России» конкурса им. М. Таривердиева, основательница органного класса Петрозаводской консерватории). В исполнении Ю. Иконниковой прозвучали произведения И.С. Баха, А. Вивальди, Ж. Бизе и других композиторов. Также в этот праздничный вечер выступил фольклорный квинтет «Околица».

В рамках мероприятий органного фестиваля 24 февраля 2024 года на суд зрителей был представлен концерт «Для милых женщин». В этот вечер выступил Лука Гаделия (заслуженный артист Абхазии, лауреат международных конкурсов).

В дуэте с Л. Гаделия исполнил вокальные партии заслуженный артист Республики Коми Михаил Журков. Его сильный, чистый, мгновенно завораживающий зрителя волшебный баритон и несомненный актёрский талант в тандеме с органным сопровождением создали ощущение праздника в преддверии 8 Марта.

Ну и, конечно же, очень к месту в этот вечер прозвучал концерт весёлого и рыжего венецианского монаха Антонио Вивальди в трёх частях «Весна» (из цикла «Времена года»), который исполнил солист-органист Пицундского храма и Абхазской государственной филармонии Лука Гаделия. Как известно, при жизни композитор подвергался нареканиям со стороны начальства – с их точки зрения его музыка была слишком страстной, бунтарской и популярной. Но мудрое время всё расставило на свои места: музыкальные произведения монаха трогают и берегут сердца наших современников, напоминая, что вновь грядёт весна, а с ней неизбежно наступает пробуждение дремлющих в нас чувств и эмоций.

Основатель и идейный вдохновитель органного фестиваля в Саратове – Олег Вениаминович Белоцерковский. В проведении фестиваля помогла Ольга Викторовна Пронина (генеральный директор ООО арт-агентства «Мир»). Именно благодаря её поддержке состоялось выступление юных хористов в программе, посвящённой старому Новому году, которое изначально не планировалось.

Выяснилось, что спеть с органом на сцене консерватории было мечтой самих детей. На Новый год принято дарить подарки, и именно таким подарком стало разрешение организаторов фестиваля спеть в этот вечер талантливым детям.

Справились со своей задачей юные хористы идеально – спели чисто, после всего одной короткой репетиции, хотя и волновались перед выступлением. Здорово, когда желания сбываются, особенно если мечтают дети! Думаю, ощущение счастья, доброта и любовь к друг другу надолго сохранятся как в сердцах юных артистов, так и их зрителей после концерта-праздника.

*На фото (слева направо)
Олег Белоцерковский, Лука Гаделия, Михаил Журков.
(Фото из архива Ольги Прониной)*

КОНКУРС

27 января 2024 года на площадке Исторического парка «Россия – моя история» прошли Большие поэтические чтения «И была война...», посвящённые 80-летию снятия блокады Ленинграда.

Организаторами мероприятия стали ГАУК СО «Исторический парк «Россия – моя история» и Медиахолдинг «Ветеранские вести» Саратовской области, при поддержке Комитета по делам ветеранов Саратовской областной Думы, регионального отделения Союза журналистов России и редакции литературно-художественного журнала «Волга–XXI век».

В чтениях приняли участие авторы стихотворений, посвящённых мужеству и подвигу героев нашей Родины во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Победители были награждены специальными дипломами Больших поэтических чтений.

Редакция журнала «Волга–XXI век» предлагает подборку стихотворений участников и победителей конкурса.

В ВЕЧНОМ ПОДВИГЕ МЫ ЖИВЁМ...

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

**Денис
БОГАТОВ**

Тихо кружится огонёк
догоревшей почти свечи.
Ну, привет... Это я, браток.
Ты молчишь, браток, всё молчишь...
Мы с тобой сейчас выпьем сто
фронтовых очень горьких грамм.
Нас – немного уже, зато
я всех помню по именам.
Помнишь Вальку? Она сестра,
вечно – с сумкой наперевес.

Это было почти вчера...
Даже мёртвый бы с ней воскрес...
Помнишь Борьку? Ему судьбой
не дано посмотреть парад
в честь Победы... Он нам с тобой
с той поры – настоящий брат...
Помнишь танк, что сгорел дотла?
Я о нём ещё вижу сны.
Помнишь птицу, что счёт вела
дням, часам до конца войны?
Помнишь, знаю. Ведь память – нить,
что историю вяжет в том.
Нам судьба приказала жить.
В вечном подвиге мы живём!
Да, сужается братьев круг...
Молча выпьем за них давай...
Без тебя я встречаю, друг,
этот семьдесят пятый май.
Этот семьдесят пятый год –
столько птица не знала лет...
Видишь, брат, наш народ живёт.
Видишь, парень, лучится свет
догоревшей почти свечи.
Я поправлю тебе цветок...
Ну, пока. Всё молчишь?.. Молчи...
С Днём Победы тебя, браток!..

**Тимофей
ГРИЩЕНКО**

ПИСЬМО ПАПЕ

Дождик капал,
я писал в тишине:
«Здравствуй, папа!
Как там жизнь на войне?
Есть ли силы
и хватает ли сна?
Папа, милый,
а надолго ль война?
Мы читали
то письмо от тебя.
На привале
ты писал про ребят,
пули, шрамы,
«Искандер» и «Кинжал».
А у мамы
снова голос дрожал.

Я не плакал,
потому что большой.
В школе, папа,
у меня – хорошо.
Папа, счастье
быть ребёнком твоим.
Возвращайся
Поскорее
Живым».

Ольга КОЛОКОЛЬЦЕВА

МАТЕРИНСКАЯ МОЛИТВА

Молитва материнская звучит по всей Руси:
«Господи, сохрани детей от несчастья,
В боях тяжёлых Ты солдат защити
И не оставь без Своего участия!

Оберегай любимых славных сыновей,
Спаси сынов от гибели на поле брани,
Мы просим для них спокойных ночей,
Победы и скорых с нами свиданий!

Даруй умение им победить врага,
Выстоять за Россию в сложное время.
Пусть будет в бою рука друга крепка.
О подвигах ребят ещё сложат поэмы.

Помилуй, огради бойцов от невзгод,
Разум наших детей просвети во Спасение.
Молюсь, мой сын, за тебя и твой взвод,
Пусть будет меньше у вас искушений».

Лампадка у иконы в моей спальне горит,
Всю ночь сегодня в слезах я молилась,
Благодарила Господа, что тебя Он хранит.
Под утро встреча с тобой мне приснилась.

Елена ПОТАПОВА

СВЯЩЕННИКАМ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Над городом стылая тьма – как проклятье,
Но в городе том – твои сёстры и братья,
Придут прихожане за словом твоим,
А значит, ты должен остаться живым.

Путь к храму тернист – обстрелы, завалы,
Мучительна боль в распухших суставах,
От голода кругом идёт голова,
Но ты, повторяя молитвы слова,

Найдёшь в себе силы и в храме служить,
Грехи отпускать и надежду дарить.
Рукою недрогнувшей снова и снова
Хлебную пайку отдашь для другого.

И в вере, той самой, что движет горами,
Находишь опору, другим помогая.
И теплится в храме живой огонёк...
За муки твои да спасёт тебя Бог!

Ольга САВЕЛЬЕВА

ВОИНАМ

Закружились над землёй
злые вороны,
Были мальчики, мужья –
стали воины...

Распростёрлася беда
над Россией,
Затянулось чёрным злом
небо синее.

Замутилась стынь-вода
алой кровушкой,
Были жёны во дому,
стали вдовушки...

В квартирах жил неутолимый Голод,
Он подружился накрепко со Смертью,
А ей неважно, стар ты или молод,
Без разницы, кого селить под твердью.

Запасы хлеба быстро истощались,
Бомбили город, и ночной порой
Во сне дорогу люди представляли,
Чтобы наладить связь с Большой землёй.

Жизнь в городе о помощи просила,
Не описать того одной строкой.
Всегда так было: только вместе – сила.
На Ладоге нашёлся путь такой.

Дорогой жизни звали эту трассу,
По ней возили крайне ценный груз.
Две-три поездки в день. Не по приказу,
По зову сердца открывали шлюз.

Хлеб в город, а оттуда грузом – дети,
Муку – туда, и раненых – обратно.
Спасеньем людям были рейсы эти.
Машины вереницей шли так ладно...

Треск льдины – и машина шла под воду.
И знали все: опасность где-то рядом.
Не обвиняли мрак и непогоду.
«Спасти людей» – одна была награда.

В такое время люди с верой жили,
Сто граммов хлеба разделить умели.
И словом «Родина-Россия» дорожили.
...Не всех нашла весна под звук капли.

А мы сегодня вспоминаем павших,
Кто был у пулемёта, у станка,
Людей простых, но сильных, настоящих,
Кто твёрдо знал: Победа к нам близка!

И невозможно видеть, если кто-то
Хлеб чёрствый в мусор выбросить несёт.
В блокаду и кусочек для кого-то
Мог в пользу жизни перевесить счёт.

**Андрей
ЛЕОПОЛЬДОВ**

В 6-м номере нашего журнала за 2022 год были опубликованы «Путевые заметки от Саратова до Самары» Андрея Леопольдова, написанные им в 1851 году. Они стали «премьерой» для саратовского (да и самарского) краеведения, т.к. до сего дня не были «замечены» исследователями. В текущем номере мы публикуем его «Взгляд на Заволжский край в Саратовской губернии», напечатанный в газете «Северная пчела» 19 и 21 декабря 1835 года под рубрикой «Наблюдения в Отечестве».

Хотелось бы напомнить, что в первой половине XIX в. в состав губернии входили Камышинский и Царицынский уезды, которые в наше время являются частью Волгоградской области. Кроме того, в 1835 году территория уездов делилась «по горизонтали», и в каждом уезде было своё «заволжье», что и отражено в этой заметке.

Юрий Каргин

ВЗГЛЯД НА ЗАВОЛЖСКИЙ КРАЙ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Обширное пространство земли, лежащее по левую сторону Волги и составляющее более половины губернии, именуется здесь Луговой стороной, в противоположность Нагорной, лежащей по правую сторону оной, или, вообще, Заволжской степью. Сего края нельзя назвать лугом, ибо воды Волги и других рек не везде проникают его. Полосы земли, на коих проявляется растительная жизнь, не слишком обширны, зато очень явственны. Сей край не есть дикая степь, ибо население там многочисленно, много тучных пажитей¹, богатых лугов, плодоносных полей, хотя и вовсе нет лесов. Страна сия издревле именуется луговой – из-за обширного луга, примыкающего к Волге, и степью – ибо недавно заселена. Протекли годы, многое в ней изменилось, но название осталось всё ещё древнее. Сия страна по многим отношениям замечательна.

Заволжский край в Саратовской губернии представляет обширнейшую равнину. Если смотреть на неё с высоких приволжских гор, взор теряется в неизмеримости: нигде не заметно ни холмика, ни дерева. Это – необозримое море в часы торжественной его тишины, или это – море застывшее. Едешь по этой равнине, селение завидишь вёрст за 70: оно синее, синее, и уже вблизи можно узнать, что это селение.

¹ Пáжить – пастбище.

Эта равнина, кажется, от века ничем не была потрясаема: нигде не видно вулканических извержений, и в руслах рек никаких не заметно перемен. Астроном Араго² замечает понижение Каспийского моря, Астрахани и страны, лежащей вдоль реки Волги. Не знаю, есть следы этого понижения в прочих местах, но на Заволжском крае в Саратовской губернии, на пространстве более 600 вёрст, их незаметно. Это в особенности обнаружилось бы над Волгой и реками, протекающими за Волгой: первая сделала бы уклонение от близлежащих гор по правую её сторону в луга; в последних сей осед³ огромного пространства должен бы был произвести важные перемены в их течении. Но этого нисколько не видно.

На сей равнине две только возвышенности: гора, называемая Яблоновым Сыртом, и начало Общего Сырта, или Уральских гор. Первая – выпуклость, без сомнения, древняя, произведённая не взрывом подземного огня, но тихим давлением какой-нибудь подземной силы. Она поросла травой и издали едва приметна для взора, круглая и в окружности около пяти вёрст, лежит на самой границе Саратовского и Волгского⁴ уездов. Общий Сырт начинается в Саратовском уезде и, частью касаясь Волгского, тянется в Землю Войск Уральских Казаков. Здесь ещё нет в нём ничего колоссального. Его холмы служат приютом волков, лисиц и, летом иногда, сайгаков. Эти возвышенности с первого взгляда приметны, но там, где россыпи Общего Сырта, по-видимому, сливаются со степью, к Каспийскому морю тянется от них неприметная для глаза возвышенность. Бытие её доказывают различные истоки рек, из неё вытекающих: одни из них текут в Урал, другие – в Волгу, третьи теряются в степи – к юго-востоку. Рыбопромышленники, посещающие Уральск, уверяют, что на сей возвышенности во время зимы свирепствуют ужасные вьюги и опасные метели.

На сей обширной равнине протекает много рек. От северо-востока к югу под тенью гор извиается обширная, величественная Волга, образуя множество островов и дробясь на широкие протоки. При левом берегу её – почти непрерывный лес и обширные луга. Ниже Царицына она поворачивает прямо на восток. Повыше Царицына⁵ из неё выливается проток Ахтуба, или, точнее, Актуба, то отдаляясь от Волги, то приближаясь к ней, то соединяясь с ней мелкими протоками и, наконец, близ Астрахани опять вливается в Волгу. Пространство между Актубой и Волгой называется Актубинской долиной. Здесь места райские, и житель пресыщен богатствами природы.

За Волгой, в Царицынском уезде, кроме Актубы и Волги, нет ни одной реки, если только кое-где небольшие ручейки на скатах к этим двум рекам. В Камышинском уезде значительные реки – Большой Еруслан, в который впадает Торгунь, две Кубы, Пресная и Солёная, и Тарлык. Обе они и несколько ручьёв вливаются в Волгу. Речка Паника переходит границу и впадает в солёное (безымянное) озеро в Астраханской губернии. В Саратовском уезде Саратовка, Караман Большой, с коим сливается р. Мечетная, текут в Волгу; два Узень, Большой и Малый, теряются среди степи в озёрах, именуемых Самарскими камышами, в Астраханской губернии. Есть речки около Узеней, кои никуда не впадают, а исчезают в степи: это – Дюря,

² Член Парижской академии наук, иностранный член Парижского королевского общества, иностранный почётный член Петербургской академии наук.

³ Осадка.

⁴ Вольского.

⁵ Сегодня – Волгоград.

Горькая, Малая Чижа. Средняя и Большая Чижа теряются в озёрах. Далее, в Волгском уезде текут в Волгу реки Малый Караман и Большой Иргиз. Из них последняя особенно достопримечательная. Верховье её – близ границ Земель Войска Уральских Казаков. Нет реки в целом свете извилистее Большого Иргиза: если взять его течение по прямой линии, то оно будет не более 400 вёрст, следя же по излучинам, он протекает около тысячи вёрст. Приняв в себя с обеих сторон около 30 мелких рек и приблизясь к Волге, он дробится на рукава и в неё вливается тремя устьями недалеко от города Волгска⁶. Ещё несколько речек имеют верховья в Волгском уезде, но одни из них текут в Урал, другие – в Самару, впадающую в Волгу. В Хвалынском уезде – реки Малый Иргиз, Стерх⁷, Мочь⁸, Чёгра⁹. Первая течёт в Волгу, последние – в Самару¹⁰.

Кроме рек в Заволжском крае в Саратовской губернии есть солёные озера: в Царицынском уезде – Голый Лиман на самой границе Астраханской губернии, в Камышинском – Горькосолёное, Елтон¹¹, Красногусиное. Соль добывается из одного Елтона. Это неизмеримый и неистощимый источник соли. Человек дознал¹² величину озера, но не проник во глубину, где оканчиваются слои соли и начинается почва. Без сомнения, многие столетия вымывают соль из озера, но оно ещё как бы не почато. Судя по этому, из него можно бы было продовольствовать солью целую Европу, если бы только выломка и перевозка оной не были затруднительны. В Елтон вливается семь небольших речек.

Жители Заволжского края суть великороссияне, малороссияне, немцы, татары, ногайцы¹³ и башкирцы. Русские рассеяны по всему Заволжью; немцы живут только в двух уездах – Саратовском и Волгском; татары – в Саратовском, Волгском и Хвалынском; ногайцы – в Саратовском, по реке Караману; башкирцы – в Волгском и Хвалынском. Где есть вода, там живут люди, ибо вода есть одна из главнейших жизненных потребностей человека. Население – большей частью по рекам вышеозначенным. Впрочем, есть много хуторов на местах безводных, и вода добывается из вырытых колодцев. Есть реки, на коих вовсе нет населения, потому что воды их или горьки, или солонь, или вонючи, следовательно, негодны в пищу человека и скота.

Пустые пространства большей частью в уездах Царицынском, Камышинском и Саратовском. В нескольких верстах от Волги начинает постепенно меркнуть растительная жизнь и начинается совершенная дичь, ковыль и бурьян. В Волгском и Хвалынском уездах народонаселение значительно, особенно в первом, ибо река Большой Иргиз с реками, в неё впадающими, представляет к тому всевозможные удобства, кроме леса. Места пустые – в отдалённости, ближе к границам губерний Оренбургской и Симбирской. Нынешние жители все вообще суть переселенцы, более или менее давние. Число переселенцев год от году увеличивается. Впрочем, на переходцев, водворяемых вдали от Волги, сильное влияние имеют климат, воды, безлесье

⁶ Вольска.

⁷ Стёрех.

⁸ Моча (сегодня – Чапаевка).

⁹ Чёгра.

¹⁰ Здесь Леопольдов ошибается: Стёрех – приток Малого Иргиза, Моча и Чёгра – Волги.

¹¹ Эльтон.

¹² Так в тексте.

¹³ Ногайцы – потомки ногайской орды.

и самые произведения земли. Переселенцы на новых местах испытывают разные болезни, и многие из них подвергаются смерти от недостатка врачебных пособий.

Здешний житель пользуется многими выгодами жизни. Луга и степи снабжают его сеном, способствуя скотоводству, поля дают ему пшеницу, ячмень, арбузы, дыни, картофель, табак, репу, редьку и пр. Пшеница родится везде хорошо, но в особенности по Иргизам в Хвалынском уезде и близ Волги. Скотоводство везде идёт успешно. Словом, это край благословенный. Невыгоды – в одном безлесье. Там нет никакого леса. Топят кизяком¹⁴. Чем далее от Волги, тем лес дороже: на Узенях цена за брус возвышается до 15 рублей.

Пристани, на коих особенно сбываются здесь разные произведения, находятся в селе Балакове, колонии Екатериненштадте¹⁵, в слободах Покровской¹⁶ против Саратова и Николаевской¹⁷ против Камышина. Много хлеба доставляется и на Самарскую пристань.

Правительство предполагает за Волгой в Саратовской губернии открыть три города: на Актубе, Большом Узене и Большом Иргизе¹⁸. Это необходимо. Сие будет иметь большое влияние на образование, нравственность, торговлю и промышленность здешнего края. Без сего житель дик, необуздан; нет торговли, а если и есть, то ничтожная. Сверх того, для сего края необходим развод лесов, которые очень нетрудно возрастить здесь, особенно в местах сочных. Это было бы величайшим благодеянием для человека.

Три столетия тому назад сей край был только кочевьем диких ордынцев и приютом хищных зверей, кабанов и сайгаков. Время всё изменило. Там, где звучало бранное оружие дикарей, где топот и ржание диких коней возмущали тишину пустыни, где раздавался вой зверя, где рычал свирепый кабан и где стрелой мчался робкий сайгак, там ныне рало бороздит землю, цветут многолюдные селения и золотеют богатые, роскошные нивы. Конечно, здесь обширны ещё пустыни. Но пройдёт три столетия, а может быть, и менее, и они исчезнут. Тогда наши пустыни процветут, покроются сенистыми дубравами, образование проникнет дух народа, возникнет промышленность, зацветёт торговля... Чего нельзя надеяться и ожидать от Росссии, идущей исполненным шагом к совершенству во всех отношениях!

¹⁴ Кизяк – высушенный или переработанный навоз.

¹⁵ Сегодня город Маркс.

¹⁶ Сегодня город Энгельс.

¹⁷ Сегодня город Николаевск в Волгоградской области.

¹⁸ «Взгляд» Леопольдова «анонсировал» именной царский Указ об «открытии» в Саратовской губернии новых городов, который был подписан 18 декабря 1835 года, а «распубликован» 14 января 1836 года. Согласно этому документу, селение Мечетное (на Большом Иргизе) преобразовано в город Николаевск (сегодня Пугачёв), селение Чертанла (на Большом Узене) – в город Новый Узень (сегодня Новоузенск) и слобода Царёвка (на Ахтубе) – в город Царёв (сегодня Ленинск Волгоградской области). Этот Указ был опубликован и в «Северной пчеле» 23 января 1836 года.

САРАТОВ, ОКТЯБРЯ 16-ГО ДНЯ 1835 ГОДА

Считается, что именно Леопольдов прислал в редакцию той же газеты корреспонденцию¹⁹ о визите в Саратов будущего императора Александра II, которая была опубликована в «Северной пчеле» 30 июля 1837 года:

«Сообщу вам новость самую приятную, редкую, у нас небывалую: 26 июня посетил нас Гость дорогой, Наследник Русского Престола. Этот день есть день заветный для Саратова, день исторический. Со времени Петра Великого здесь никто не был из Фамилии Царской.

Многолюден и шумен был всегда Саратов. К приезду высокого посетителя удвоилось в нём число народа, съехавшегося из всей губернии в Саратов на праздник великолепный, торжественный – видеть своего будущего Царя. С утра народ толпился на улицах, спрашивая, скоро ли прибудет Цесаревич? День погасал. Бывало, в это время всё стихало, но с приездом Царственно-го Гостя казалось, в Саратове ночи не было. Никто не спал; во всех церк-вах звонили; город, исполинские горы, его облегающие, берега Волги, острова, суда – всё было ярко освещено. Иллюминация напомнила ему Петергоф-скую. Она из-за Волги виднелась за 30 вёрст. Взоры всех обращены были за Волгу, на Покровскую слободу: все с нетерпением оттуда ждали высокого посетителя и – дождались.

Он прибыл в половине 12-го часа ночи. Один житель Швейцарии однаж-ды, при торжественной встрече Царя в Москве, заметив у многих на глазах слёзы – без сомнения, слёзы радости и умиления сердечного, сказал мне: «В целом свете нигде так не любят государей, как в России». Совершен-ная правда! На пристани встретил Его Императорское Высочество г. полиц-мейстер и подал ему рапорт о состоянии города. Среди бесчисленных огней, при громких восклицаниях «ура!» он тихо с берега Волги изволил прибыть прямо в великолепный, назначенный для него дом²⁰, где, приняв от кого сле-дует рапорты, успокоился.

На другой день, 27 июня, чуть стало светать, уже вокруг дворца толпи-лись тысячи людей. В девять часов утра имели счастье представляться Его Императорскому Высочеству военные и гражданские чиновники, дворянство и именитое купечество. После того высокий посетитель изволил отправиться в соборный храм Александра Невского²¹, где слушал Божественную Литур-гию и молился усердно. Потом осматривал артиллерийский лазарет, гимна-зию, заведения приказа общественного призрения, выставку изделий и шел-ковичную плантацию, принадлежащую городу Саратову, которая привлек-ла особое внимание Его Высочества. Он везде изъявлял своё удовольствие за найденный им порядок. К обеду Его Императорского Высочества удо-стоились быть приглашены преосвященный Иаков, начальник конно-артил-лерийского резерва генерал-лейтенант Арнольди, военный губернатор Биби-ков, наказный атаман Астраханского Казачьего войска генерал-майор Левен-штерн, окружной генерал внутренней стражи генерал-майор Ушаков, губер-нский предводитель дворянства Скабиневский, вице-губернатор Попов, почёт-ный попечитель гимназии Устинов и градской глава, почётный гражданин

¹⁹ Она не подписана.

²⁰ Особняк П.П. Иванова на углу современных улиц Советской и Радищева.

²¹ Находился на месте современного стадиона «Динамо».

Горбунов. Вечером, в девять часов, Государь Наследник посетил бал, который дан был в Саратовском благородном собрании²².

На третий день, 28-го числа, при прояснившейся погоде, близ Астраханской заставы, на обширнейшей площади в девять часов утра Цесаревич изволил делать смотр девяти батареям конно-артиллерийского полка; потом посетил женский монастырь, тюремный замок, мужской монастырь, где преосвященный Иаков с духовенством встретил его с приличными почестями; был на практическом ученье артиллерии, на том месте, где верные Престолу жители Саратова некогда отразили мятежную рать Пугачёва, и остался весьма доволен. На возвратном пути в город осмотрел пожарную команду и нашёл её в совершенной исправности. К обеденному столу приглашены были военный губернатор, начальник конно-артиллерийского резерва с батареями командирами, жандармский штаб-офицер подполковник Быков и полицмейстер полковник Демостико. После обеда в шесть часов изволил кататься по Волге, где стоявшие суда украшены были разноцветными флагами, а ввечеру снова были отлично иллюминированы.

29 июня в шесть часов утра Его Высочество изволил отправиться далее, на Пензу. Благословения саратовцев сопровождали его».

Публикация и комментарии Юрия Каргина

²² Здание не сохранилось.

**Анастасия
КРУГЛОВА**

БУДЬТЕ ГОТОВЫ, ДРУЗЬЯ!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОСОБЕННАЯ

ГЛАВА 1

Алёна ехала в санаторий в первый раз в жизни. С бабушкой. Мама почему-то очень не хотела Алёну туда отпускать.

– Незачем тебе туда ехать, доченька. Остайся лучше дома.

– Почему это? – вступился за дочь папа. – Пусть едет! Отдохнёт, заодно бабушке поможет, на месте увидит, как лучше провести время. Да и, судя по отзывам в интернете, санаторий этот хороший.

– Да, санаторий хороший, и для взрослых, и для детей, и бабушке она, конечно, поможет. Только самой ей там будет не очень интересно, я думаю. Люди там разные... Санаторий специфический – для лечения суставов туда едут. Ладно, поезжай, Алёна. Сама всё увидишь.

Вообще-то и Алёна, и бабушка Зинаида Вячеславовна были вполне здоровые люди. Просто у бабушки к старости начали болеть ноги. Вот она и купила путёвку в санаторий, чтобы подлечиться. Алёна радовалась. Какое счастье, что можно будет отдохнуть от дома, поехать в поезде! Вот здорово! В санатории бабушка будет лечиться, делать процедуры, а она познакомится с новыми девчонками, подружится с ними. Там непременно будут очень хорошие девчонки!

Приехали они в санаторий поздно вечером и никого не увидели, кроме старенького дедушки в инвалидной коляске. «Ниче-

-
- Анастасия Андреевна Круглова родилась в 2000 году в городе Сочи Краснодарского края. В 2019 году окончила гимназию. В этом же году поступила на дневное отделение социально-педагогического факультета Сочинского государственного университета по специальности «Психология управления (менеджмента)». В 2018 и 2020 годах занимала первые места в краевых конкурсах «Креатив-инициатив» в номинации «Портрет современной прозы». Публиковалась в журнале «Родная Кубань», «Волга–XXI век».

го, – подумала Алёна, – сейчас уже поздно, девочки спят. Вот завтра приду утром в столовую и обязательно с кем-нибудь познакомлюсь!»

Утро выдалось солнечное. Алёна с Зинаидой Вячеславовной вышли из корпуса, огляделись вокруг и... растерялись. От их корпуса отходило множество вымощенных жёлтым и серым камнем дорожек, и все они вели в разные стороны. Одна – к площадке с горкой и качелями. Другая – к большому гранитному постаменту, на котором стояла скульптура мужчины в очках с аккуратной бородкой, в костюме, при галстукe и с книгой в правой руке. Третья – в парк, где, золотясь в лучах солнца, то опадая, то плавно поднимаясь вверх, бил прямо из-под земли фонтан. Повсюду прятались в ветвях деревьев забавные гномы и ёжики, смеялись дядя Фёдор с Матроскиным, застенчиво улыбался почтальон Печкин с воронёнком на плече. Вдоль дорожек стояли красивые уличные фонари, и доносилась удивительная мелодия, заполняя парк нежными звуками. В общем, было совершенно непонятно, куда идти, чтобы попасть в столовую. Мимо Алёны с бабушкой прошла женщина с коляской. В коляске сидел мальчишка возрастом чуть старше Алёны. Мальчишка мычал что-то жуткое, нечленораздельное, размахивал руками, вертел во все стороны головой. «Вот тебе и ребята!» – с ужасом подумала Алёна. Она вовсе не почувствовала к мальчишке жалости. Она испытала к нему омерзительное чувство неприязни и явственно ощутила своё превосходство над ним.

Спросить у женщины о столовой не получилось, потому что она разговаривала по телефону – и хорошо! Зато почти сразу Алёна и Зинаида Вячеславовна увидели высокую загорелую девочку, в синих джинсовых шортах по колено и оранжевой майке с какими-то английскими надписями. Шла она быстро, заметно припадая на левую ногу. Алёне это сразу не понравилось.

– Ты случайно не знаешь, как пройти в столовую? – спросила у девочки Зинаида Вячеславовна.

Девочка обернулась. Откликнулась охотно:

– Знаю. Столовая в последнем корпусе санатория. Я тоже туда иду.

– Замечательно! Пойдём вместе?

– Пойдёмте!

Алёне это уже совсем было не по нраву. Однако пришлось идти.

Девочку звали Нина.

– Ты давно здесь? – нарушив молчание, спросила Зинаида Вячеславовна.

– Не-а, только позавчера приехала.

И взглянула на Алёну. Алёна отвернулась.

– Ты в теннис умеешь играть? – поинтересовалась бабушка.

– Умею немножко.

– Вот и Алёна тоже немножко. Будете вместе играть.

Вот тут-то Нина наконец взглянула на Алёну не мельком, а открыто. И улыбнулась робко: «Будем?». Алёна разозлилась. На бабушку. «Ну надо же было ей так! Будто нарочно!»

Они прошли мимо бювета. Большое такое здание с зелёной крышей и множеством окон, миновали корпус, похожий по строению на школу, двухэтажный клуб с нарисованными на дверях золотыми рыбками и вышли к столовой, территория которой также была в зелени и цветах.

– У нас стол номер девять, – сказала Зинаида Вячеславовна, – а у тебя, Нина?

– Ой, у меня тоже.

Вечером Алёна позвонила маме и обо всём ей рассказала. Мама сочувственно вздохнула:

– Ну, вот видишь, я же говорила. Теперь придётся терпеть. А на девочку эту внимания не обращай, поняла? Тогда, может быть, она и отстанет.

Нина не смотрела на Алёну. Во всяком случае, старалась не смотреть. За столом они сидели, глядя каждая в свою тарелку. При встречах на улице молча проходили мимо друг друга. Зато Алёнина бабушка и бабушка Нины, познакомившись, часто подолгу разговаривали. Из этих разговоров Алёна однажды узнала потрясающую вещь. Оказывается, Нина – дочка военнослужащего. Алёна думала: «Ну надо же! Надо же, как не повезло этому человеку! Вот если бы у неё, у Алёны, был папа военный, она бы, когда выросла, наверное, тоже стала бы служить в армии, как папа. Ведь есть же девушки-военнослужащие, их даже в последнее время по телеку показывают. А эта что может? Кем она вообще станет, когда вырастет?»

ГЛАВА 2

В тот день после обеда Нинина бабушка предложила погулять с ними в городе. Нина этому явно обрадовалась, хотя и не показывала виду. А у Алёны от такого предложения сразу безнадежно испортилось настроение.

Всю прогулку Нина шагала рядом с Алёной.

Сначала шли молча. Потом Нина стала с увлечением рассказывать Алёне о том, как она однажды вместе с мамой поехала к отцу на базу. Познакомилась там с солдатами-танкистами, у которых отец был командиром. Солдаты кормили её в столовой вкусной кашей, совсем не такой, как здесь, в санатории, и под конец они даже прокатали её в танке.

– Да, да – в настоящем танке! Там такая кабина есть, башня называется, в ней много-много всяких рычагов и механизмов и два места – для командира и для наводчика. Наводчик – это такой человек, который пушкой управляет. Один наводчик, а другой командир. Командир управляет танком. Наводчик может ещё стоять, выглядывая из башни. Я так стояла. Здорово! Особенно когда танк едет, только надо крепко держаться за люк башни, чтобы не упасть, и шлем надеть обязательно.

– Ой, Нина, да тебе мальчиком надо было родиться! – воскликнула Алёнина бабушка, широко улыбаясь.

Нина замолчала и всё посматривала на Алёну, мол, ну, спроси, спроси что-нибудь! Алёна хмурилась и молчала.

Только отправились из города в обратный путь, выяснилось, что обе бабушки уже опаздывают на процедуры и им надо срочно спешить в санаторий.

– Вы идите потихонечку, – сказала Нинина бабушка Алёне и внучке, дойдёте без нас, а мы пока грязевые ванны примем.

И они ушли.

Поначалу Алёна шла вместе с Ниной. Мимо них прошла женщина с ребёнком-колясочником. Нина, в отличие от Алёны, на ребёнка не таращилась. Может, она понимала, что это неприлично. А может быть, вспоминала себя – такую же жалкую и беспомощную.

Она отлично помнила, как почти непрерывно занималась в реабилитационном центре. А ещё лучше запомнились ей домашние занятия.

Дома мама каждый день приводила её в спортивный уголок в комнате. Они шли медленно, мама крепко держала её за руки. Ноги у Нины были

слабые, худые, совершенно ни к чему не годные. Поэтому она висла у мамы на руках, а ногами перебирала как придётся. Но мама всё равно хвалила её:

– Ай да молодец! Ай да умница! Вот так и надо! А то всё ползаешь.

Когда они наконец доходили до нужного места, мама ставила Нину спиной к высокой шведской стенке и приматывала её к ней ремешками. Так, вытянувшись в струнку, она должна была стоять целых полчаса. А ей уже через пятнадцать минут хотелось согнуться и упасть на ковёр. Мама, будто нарочно, медленно прохаживалась у стенки, заходила то с левой стороны, то с правой.

– Голову подними! Подними голову, кому говорю! Вот так. Умница! Молодчина!

Появлялся интерес только тогда, когда приходил папа.

– А, – говорил он весело, – белого человека захватили в плен индейцы и готовы изжарить его на костре? Ясненько!

Нина умоляюще заглядывала ему в глаза. Он вмиг делался осторожным и сосредоточенным, говорил шёпотом:

– Держись, мой милый друг! Я иду к тебе на помощь!

Он так смешно это говорил, что Нина, забыв про свои муки, начинала смеяться.

– Тише ты, глупый! – сердился папа, приложив палец к губам. – Здесь же кругом враги, меня могут заме... А! – Он с воплем отскакивал от сидящего на ковре большого плюшевого слона. – Вот видел, друг, какое лохматое чудище? Мамонт! Я чуть было не попался...

Потом, когда Нина научилась хорошо стоять, появились ходунки. Ох, как Нина ненавидела их! Всей душой ненавидела! Одно дело – просто стоять примотанной к шведской стенке, и совсем другое – идти, опираясь на ходунки, с трудом подтаскивая ноги: то одну, то другую. А ходить надо было по нескольку раз в день. Иначе мама могла сильно рассердиться.

Едва только мать входила в комнату, Нина вздрагивала, как от удара, вскакивала и хваталась за ходунки. Мама довольно улыбалась:

– Молодец! Очень хорошо! Вижу, нагоняй тебе помогает.

Да, у мамы железный характер.

Но проходили дни, недели, месяцы, и не было заметно, чтобы Нина так уж приблизилась к желаемому. Надо было заниматься, заниматься и ещё раз заниматься. Через слёзы, через боль, через «не хочу».

Позже Нина поняла, что только строгость, терпение и самоотдача родителей поставили её на ноги. Настойчивость преодолевает любое препятствие.

Однажды после очередного занятия Нина лежала на диване, вытянув уставшие ноги. Она была мокрая, пот лился с неё градом. Мама готовила на кухне обед. Вкусные запахи еды, сочившиеся сквозь прикрытую дверь, возбуждали аппетит. Нине захотелось есть, но не было сил подняться. Однако вскоре голод всё-таки переборол усталость. Нина уже хотела звать маму, чтобы она помогла ей дойти до кухни, как вдруг... Вдруг её охватило огромное желание наконец преодолеть эту жизненную преграду. Она подумала: «А что если всё-таки попытаться самой дойти? Вот взять и дойти! То-то мама удивится и обрадуется!»

Она встала на ноги, сделала шаг, другой. Пошатнулась, замерла испуганно. «Нет, не смогу! Страшно! Но что же это получается? Значит, я трусиха? Значит, зря столько занималась, столько терпела? Нет уж, я дойду! Я покажу маме, на что способна!» И, раскинув для уверенности руки в стороны, она медленно-медленно пошла вперёд, замирая от страха при каждом шаге. Главное не потерять равновесия, смотреть только вперёд. Вот уже и дверь

комнаты! До кухни осталось совсем чуть-чуть! Неожиданно дверь распахнулась, и на пороге комнаты появилась мама. Она ахнула. Потом спросила шёпотом:

– Ты что... сама дошла?

– Да, – также шёпотом ответила Нина.

Она всё ещё не могла поверить, что у неё получилось. Пусть не до кухни дошла, но ведь и от дивана до двери тоже очень большое расстояние. Тогда мама вдруг засмеялась.

– Ну, герой! – сказала она, обнимая и целуя Нину. – Настоящий герой!

С тех пор, с того самого дня Нина стала передвигаться сама, без посторонней помощи. А спустя некоторое время она потихонечку даже научилась кататься на велосипеде. И это было здорово!

ГЛАВА 3

До санатория было ещё далеко. Подул резкий ветер. Жаркое летнее солнце вдруг резко сменили надвинувшиеся тучи. Небо потемнело, и совершенно неожиданно хлынул ливень, он точь-в-точь как занавес опустился на землю и закрыл всё вокруг. Это вернуло Нину к действительности. Ни у Алёны, ни у Нины зонта не оказалось. Алёна сорвалась и побежала вперёд.

– Стой, Алёна, стой! – закричала Нина. – Подожди меня, я дороги не знаю!

Это была неправда. Нина знала дорогу отлично. Она просто боялась, что некому будет поддержать её на лестнице. На высокой крутой лестнице, по которой она должна будет подняться, чтобы выйти к развилке, а затем свернуть на дорогу, ведущую к санаторию. Но Алёна была уже далеко и ничего не слышала.

Нина глубоко вздохнула и медленно-медленно пошла вперёд. Теперь ей некуда было торопиться. Одежда намочила и прилипла к телу, в летних ортопедических ботинках хлюпала вода. Нине стало холодно. «Заболею, – думала она, – как пить дать, заболею. Эх!»

Дождь усилился, и в его туманной пелене Нина с трудом различила лестницу. Жуткую лестницу, кривую и высокую, без перил. Нина остановилась, набрала в грудь больше воздуха и стала подниматься. Осторожно, медленно, приставным шагом. На четвёртой ступеньке зашаталась, потеряв равновесие, упала в сторону от лестницы на косогор и скатилась вниз. Сидеть на мокрой земле было неприятно. Она встала, тяжело вздохнула и снова пошла вверх. Только теперь ещё осторожнее, ещё медленнее. И опять ноги подвели её, и она присела прямо на ступени. «Ну, что ж, – подумала Нина, поднимаясь и потирая ушибленные места, – делать нечего, придётся ползком».

Нина опустилась на четвереньки и поползла. Она ползла, до боли напрягая мышцы правой руки, вгрызаясь ногтями в потрескавшийся бетон ступенек. Ох, только бы не сорваться снова! Только бы не сорваться! Не сорвалась. Поднялась на самый верх, встала на дрожащие ноги, оглядела себя: одежда заляпана грязью, ладони ободраны до крови, колени тоже, голова гудит, даже на губах кровь.

Вдруг Нина увидела бегущую к ней бабушку.

– Нина! Ниночка!

– Бабуля!

А Алёна в это время сидела в номере и, завернувшись в тёплое полотенце, пила горячий чай.

На ужин бабушка Нины пришла одна. Она, как всегда, вежливо поздоровалась с Алёной (Зинаида Вячеславовна запаздывала) и положила себе каши. Посмотрела на Алёну, улыбнулась:

– Кашу будешь?

Алёна смутилась. Бабушка наполнила её тарелку кашей, заварила пакетик чая, протянула ей две булочки – свою и Нинину.

Алёна ещё больше смутилась.

– Спасибо, но мне и одной хватит.

– Ешь, Алёна, ешь. Я сдобу не люблю.

– А... Нина?

Алёна вспомнила, с каким аппетитом Нина уплетала булочки.

– Нина с изюмом любит, а это творожная. Ешь, приятного аппетита!

Бабушка быстро съела свою порцию, встала и пошла к выходу.

В ту ночь Алёна долго не могла уснуть. В ушах её звенел голос Нины, пробивавшийся сквозь толстую стену дождя: «Алёна, подожди! Я дороги не знаю!» Интересно, дошла ли она? Фу, какая глупость, конечно, дошла! А почему тогда её не было на ужине? Заболела? Может быть. Ну, а ей-то, Алёне, какое дело? У неё, как и у Нины, зонта не было. Да, но она могла помочь ей быстрее дойти. Ага, ей поможешь! Придётся к ужину на третьи сутки! Очень нужно! И вообще, чего она к ней прилепилась? Болтала тут всю дорогу про какие-то танки, дура! Правильно мама говорит, надо не обращать на неё внимания. С этими мыслями Алёна наконец уснула.

Нине тоже в эту ночь долго не спалось. Её сильно знобило. Несмотря на выпитую таблетку, болела голова, и в неё лезли всякие нехорошие мысли. Почему Алёна не стала её ждать? Специально убежала? Нет! Она просто... просто из-за дождя не слышала, как Нина её зовёт. А если бы услышала, непременно остановилась бы.

Алёна сидела на лавочке у корпуса. Подошла Нина. Алёна не двинулась с места. Глаза у Нины сразу погрустнели, задор угас, она глубоко вздохнула и села на скамейку рядом с Алёной.

– Алён, ну почему? Почему ты не хочешь со мной разговаривать и играть? «Потому что ты инвалид. Потому что...»

– Алёна, ты скажи. Скажи, я не обижусь.

Чтобы она отвязалась, Алёна крикнула:

– Ты – плакса! На лечебной физкультуре всё время нюни распускаешь!

Нина быстро взглянула на неё.

– Плакса, – повторила она медленно, – да, я знаю, плакса. – Она выпрямилась, её зеленовато-карие глаза сверкали решимостью. – А хочешь... хочешь, я больше ни одной слезинки не пророню? Честное слово!

Алёна не ответила. Усмехнулась только. Интересно, как это Нина собирается не реветь на лечебной физкультуре?

В физкультурный зал они пришли вместе. И каждый по своим делам. Алёна с бабушкой – на тренажёры, Нина – на индивидуальное занятие. Алёна тренировалась не спеша, вполсилы и то и дело наблюдала за Ниной. Просто так, из интереса.

Сначала шли упражнения, которые, по мнению Алёны, даже внимания не стоили. Их Нина выполняла почти всегда с лёгкостью, на отлично. Но вот началась растяжка. Именно здесь Нина давала волю слезам, вопила и вырывалась.

Но это всё было раньше, а сегодня Нину будто подменили. Она пыхтела, стонала, кусала губы, но не вопила и не плакала.

– Молодец! Умница! – восхищалась инструкторша.

Алёна глядела на Нину открыв рот и не могла поверить своим глазам.

Занятия закончились. Нина встала, с трудом доковыляла до стула, на котором висела её одежда, и принялась одеваться. И тут произошла ещё одна удивительная вещь. Обычно Нине всегда помогала одеваться её бабушка. Сегодня её не было, и Нине пришлось справляться с задачей самой. Естественно, для Нины это была очень долгая и трудная работа. Ещё бы! Делать всё практически одной рукой! Бабушка Алёны решила Нине помочь. Но когда она об этом ей сказала, Нина не обрадовалась, как ожидала Алёна. Она посмотрела на неё удивлённо и покачала головой.

– Не надо, что вы! Я сама могу.

– Не доверяешь? – это бабушка без обиды, с улыбкой на губах.

Нина улыбки не приняла. Ответила тихо и серьёзно:

– Я же знаю, вам будет тяжело.

– Мне? Глупости, Ниночка!

– Нет, не глупости. Я уж лучше сама.

Так она и оделась сама, и на Алёну не обращала никакого внимания. Когда шли обратно, Зинаида Вячеславовна решила пожалеть Нину.

– Бедная ты, Нина, бедная!

– Почему? – удивилась она и сразу же догадалась: – Из-за физкультуры?

– Именно!

«Ну, сейчас начнёт рассказывать, – с усмешкой подумала Алёна, – мол, что вы, не переживайте! Это всё ерунда!»

– Знаете, что я вам скажу, Зинаида Вячеславовна? Это всё ерунда. Вы ещё не видели, как со мной дома в реабилитационном центре занимаются! С внушительной палочкой в руках. Деревянная такая палочка, гимнастическая.

– А зачем палка-то?

– Как зачем? Если, например, я неправильно упражнение сделаю или недостаточно хорошо, меня этой палочкой легонько стукнут по ногам либо по спине. Или если я упаду нечаянно во время упражнения – тоже. Не больно, просто, чтобы не халтурила. А ещё ущипнуть могут. Я стою, реву от обиды, а мне твердят: «Делай сейчас как положено, бестолковая девчонка!»

– Неужели правда?

– Я врать не буду.

– А мама?

– А что мама? Она говорит: «Правильно. По-другому с такими лентяйками, как ты, невозможно». Хотя сначала, когда я маленькой была, инструкторша со мной ласково обращалась. Положит меня на мат и начинает рассказывать истории про пиратов, а сама в это время мне руки-ноги крутит. Я даже боли не замечала, так интересно было. А после занятий она всегда давала мне конфетку.

Алёна шла впереди Нины и бабушки. Она обернулась на ходу и посмотрела на Нину. Нина её взгляда на себе не уловила. Шагала, прихрамывая, глядя под ноги. Оранжевая майка на ней была мокрая и липла к телу. Русые густые волосы, тоже мокрые, падали на лоб. Они, эти волосы, были растрёпаны и переливались блеском оттого, что сквозь них просвечивало яркое жёлтое солнце.

«Зверюги какие-то, что ли, с ней занимаются в этом реабилитационном центре? – подумала Алёна. – Разве можно человека палкой постукивать,

пусть даже легонько? Лично меня никто никогда пальцем не тронул. А впрочем... Кто её знает? Может, она всё-таки врёт? Может, ей хочется, чтобы её пожалели? А ведь есть за что. Да... И всё из-за этой лечебной физкультуры, на которую Нина постоянно ходит. Интересно, она ей вообще чем-нибудь помогает? А какая мне разница? Да пусть хоть что с этой Ниной делают, ей всё равно!» Алёна отвела взгляд и быстро пошла вперёд.

А Нина сейчас ни о чём не рассуждала. Ей было хорошо просто оттого, что она поделилась с Зинаидой Вячеславовной, та её выслушала и посочувствовала.

ГЛАВА 4

Конечно, Нина знала, что навязываться людям нехорошо, особенно когда они тебя, как сказал бы папа, игнорируют. Но ей очень, очень хотелось подружиться с Алёной.

Когда Нине было лет шесть-шесть с половиной, судьба неожиданно забросила её в круг сверстников, таких же детей-инвалидов, как и она сама. Конечно, Нина и раньше встречала таких детей в реабилитационном центре. Но там они были как-то далеки от неё, а рядом с ней всегда была мама. Теперь же не было ни мамы, ни бабушки, ни отца. Нина до самого вечера оставалась одна, как будто среди бурного моря. Сначала она тонула, захлёбывалась, захлёбывалась и тонула. Ей страшно было даже смотреть на детей. Но постепенно она поняла, что они не враги друг другу. Что есть на свете такая замечательная вещь, как дружба, и если ей научиться, то всё будет хорошо.

А поняла она это благодаря мальчику и девочке из её группы. Она каждый день видела, как они с нетерпением ждут друг друга, как весело друг с другом здороваются, как вместе придумывают интересные игры. У Нины друзей не было. И ей тоже очень-очень хотелось их найти и вот так свободно и весело играть с ними. Но мальчишка в игру Нину не брал. Его подругу Нина вообще сильно опасалась, потому что она страдала каким-то странным заболеванием и могла просто так, ни за что ударить Нину. Могла толкнуть, облить горячим чаем из её же чашки под одобрительный хохот её друга. Потом она просила прощения, а Нина с радостью прощала её, глупо надеясь, что такое больше не повторится. Но всё-таки Нина нет-нет да и опять подходила к ним с робкой просьбой:

– Можно я с вами поиграю?

Иногда мальчишка уступал, играл с ней и даже заступался за Нину. И тогда она чувствовала себя самым счастливым человеком на свете.

Вот и теперь у Нины была потребность в дружбе. Она пыталась подружиться с Алёной. А Алёна её не замечала. Не отгоняла, не обзывала, просто делала вид, что Нины здесь нет. Жуткая, нестерпимо жгучая боль от явного пренебрежения, высокомерного, презрительного отношения и злости Алёны терзала Нину, выворачивала её наизнанку, выжимала слёзы из глаз. Эта боль была гораздо хуже, чем та, которую она терпела на лечебной физкультуре. Порой ей казалось, что ещё чуть-чуть, и она не выдержит, с ней случится что-то ужасное. Но проходило время, боль притуплялась, и на её место приходило горячее желание понравиться Алёне и дружить с ней, оказаться полезной хоть в чём-нибудь, хоть на минутку почувствовать себя равной и нужной. О, какое это было бы счастье!

Сегодня Алёна была хмурой. Нина знала, почему. Её наказала бабушка за то, что она вместо прогулок на свежем воздухе слишком увлеклась интернетом и ничего не хотела, кроме как водить пальцем по экрану телефона. Зинаида Вячеславовна наказала внучку, запретив ей идти вечером в клуб на приключенческий фильм. Фильм был очень интересный, сама Нина смотрела его целых три раза, а Алёна ни одного. И Нина решила Алёне помочь.

– Зинаида Вячеславовна, – сказала она бабушке Алёны, – вы, пожалуйста, простите Алёну. Она случайно, просто ей скучно было!

– Случайно, говоришь?

– Конечно! А фильм очень интересный, я знаю, я сама смотрела. Простите её, а?

Зинаида Вячеславовна не смогла отказать Нине и простила Алёну, которая, узнав об этом, запрыгала от радости.

– Спасибо, бабуля, большое спасибо!

– Не меня благодари, а Нину. Это она за тебя просила.

Алёна сразу разозлилась: «Ах вот оно что! Вот, значит, какой заступник у неё объявился! Ясенько...»

Разговор бабушки с Алёной происходил на улице. Потом бабушка ушла по делам, а Алёна увидела Нину. Если бы Нина была обычной девчонкой, Алёна бы её поколотила. Ух, как бы поколотила! Но Нина не была обычной, её нельзя было бить. Поэтому Алёна просто на неё посмотрела. В этом взгляде было столько жгучей злобы и ненависти, что хватило бы, наверное, на весь санаторий, а не только на одну девчонку. Глаза Алёны прямо-таки метали искры, и каждая такая искра прожигала Нину насквозь. Она стояла перед ней, дрожа как в лихорадке, и ничего не могла понять. Наконец Алёна удалилась. А к Нине подошла её бабушка:

– Ты чего так дрожишь? Что с тобой?

Нина ничего не могла ответить. Что это было? Никогда ещё Алёна с такой ненавистью на неё не смотрела. Никогда. Что же случилось? За что она её так? Неужели из-за того, что Нина за неё попросила Зинаиду Вячеславовну? Но ведь она хотела помочь Алёне. Ведь помочь же хотела! А Алёна... Она Нину теперь ненавидит! Страшно ненавидит! Что же это? Разве так бывает?

Это был первый удар, нанесённый Алёной Нине. Несильный. Просто для того, чтобы показать свою силу слабому сопернику, устроить его. Нина действительно испугалась и некоторое время обходила Алёну стороной, но потом собралась с силами и решила снова к ней подойти.

Этот день был ясный, солнечный. Воздух пах свежестью. Сочные зелёные листья деревьев тихо шелестели на ветру. Алёнина бабушка сидела на лавочке возле детской площадки. На площадке Алёна бросала в кольцо тяжёлый баскетбольный мяч, а с противоположной стороны площадки Нина каталась на качелях.

Нине очень хотелось подойти к Алёне, но за две недели жизни в санатории она уже усвоила, что так просто этого сделать нельзя, надо подождать подходящего момента, например, когда мяч случайно полетит в её сторону.

Пока Нина ждала, Алёне надоело играть. Она бросила мяч, подошла к бабушке, села с ней рядом и стала вполголоса что-то говорить. У Нины слух был замечательный, и поэтому она невольно услышала их разговор.

– Я не могу здесь больше находиться, – говорила Алёна, – мне скучно, не с кем общаться.

Нина так и подпрыгнула на месте. Как это не с кем?! Разве она не предлагала ей свою дружбу? Миллион раз предлагала!

– Я хочу общаться с нормальными ребятами, понимаешь, с нормальными! А не с теми, у которых рука не действует и ноги ходят абы как.

Вот это был удар! Точный, тяжёлый. Нина чувствовала себя сейчас как солдат, который только что забрался на вершину неприступной крепости, но не прошло и секунды, как его оттуда сбросили. Со смехом сбросили, засыпав при этом стрелами и камнями.

Чувствуя реальную, почти физическую боль, она вскочила на ноги. «Дура! – хотелось ей крикнуть. – Полная дура!» Но вместо этого она только горько заплакала. «Вот придёт бабушка, – думала она в отчаянии, – я ей обо всём расскажу! Обо всём!»

Она и правда рассказала бабушке. И испугалась: вдруг бабушка станет слишком сильно Алёну ругать? Но она вообще её ругать не стала.

– Знаешь, внученька, – сказала она, положив руку ей на плечо, – в мире есть много разных людей. Вот и надо учиться не обращать на таких людей внимания, поняла?

– Да, – тихо ответила Нина.

И ещё одно обстоятельство она поняла совершенно точно. Как бы она ни старалась, как бы ни выкручивалась, она никогда не будет наравне с Алёной и всеми остальными здоровыми ребятами. А ведь она так хотела с ней подружиться! Так она ей нравилась, такой хорошей и замечательной показалась вначале! А теперь...

– Сегодня мы пойдём к окулисту, – сказала бабушка Нине однажды утром.

– К кому?

– К окулисту. Не знаешь, что ли, кто такой окулист?

Кто такой окулист, Нина знала прекрасно. С самого раннего детства. Только если в раннем детстве при слове «окулист» Нине вспоминался большой кабинет с множеством разных чемоданчиков, стёклышек, с буквами и рисунками на стене, то теперь вместе с этим ей вспоминается и другое. А именно: бесформенная светлая пустота, до краёв заполненная жгучей режущей болью, от которой невозможно укрыться даже на секунду, от которой хочется плакать. Но слёзы не приносят облегчения. Они, напротив, делают боль ещё ужаснее, ещё нестерпимее.

Операцию на глазах Нине делали два года назад. Её левый глаз сильно косил. Нине это ничуть не мешало, но окулист сказал, что надо делать операцию. Сказал, что, как только операция будет сделана, глаз встанет на место, да ещё и зрение улучшится. Нина обрадовалась, потому что не очень-то приятно, когда смотришь в зеркало, а у тебя глаза разъезжаются в разные стороны. И видеть всё, что сбоку, когда смотришь вперёд, тоже не очень удобно.

В больницу Нина поехала с папой. Он в это время был в отпуске, а мама осталась с младшим братом дома. Едва успели они войти в палату, как их вызвали на приём к врачу. Врач долго осматривал Нину, что-то писал и советовался с коллегами: стоит ли делать операцию? Нина страшно волновалась тогда: вдруг не сделают? Вдруг отменят? Не отменили. Назначили на следующий день, вернее, утро.

В тот вечер Нина торжествовала. Ей сделают операцию, и глаз встанет на место, будет смотреть ровно, как у всех нормальных людей! Вот здорово-то! Она чувствовала себя так, будто завтра у неё должен быть день рождения. Она даже спать легла рано, чтобы поскорее наступило завтра.

– погоди ты, не спеши, – остановил её папа, – поешь хорошо, а то завтра нельзя будет. И почисти зубы.

На следующий день утром к ним в палату пришёл дяденька в белом халате, с каталкой. Папа уложил Нину на каталку. Дяденька укрыл ей ноги простынёй.

– Ну, бывай, – сказал папа, улыбнулся и крепко сжал Нинину ладонь, – я буду ждать тебя здесь.

Тут Нина впервые испытала страх. Но это был хороший страх – весёлый, приятный даже. С лёгким замиранием сердца. Будто она находилась сейчас на каком-то страшном аттракционе, который вот-вот должен был закрутиться со стремительной быстротой.

Зато в операционной, куда её привёз санитар, страх стал совсем другим. Липким и жгучим. Нина подумала, а что они с ней сделают, эти врачи, у которых помимо халатов ещё шапочки и маски? И зачем тут столько всякой аппаратуры? Эх, был бы здесь сейчас папа, а ещё лучше – мама...

Однако по-настоящему испугаться Нина всё-таки не успела. Её переложили с каталки на хирургический стол. Над головой у неё висел операционный светильник, а сбоку стояла тётенька.

Тётенька, как и все в операционной, была в белом халате, но без маски. В руке она держала шприц.

– Дай-ка мне сюда твою ручку, – сказала она ласково.

Нина протянула ей руку и невольно напряглась.

– Ну-ну, расслабься, моя хорошая! Сейчас мы раз...

Игла мягко вошла под кожу, и Нина провалилась в сон...

Проснувшись, Нина сразу вспомнила про операцию. Во-первых, сильно резало глаза, во-вторых, она ничего не видела. Видно, глаза были чем-то заклеены.

Нине захотелось узнать, где папа. Позвать его ей показалось неудобным: вдруг нет поблизости. Она осторожно шевельнула рукой. Никто не отреагировал. Тогда она решила сесть на кровати. Села, и тут же, дико вскрикнув, опрокинулась назад. Ох, какая боль! Какая боль!словно на глаза тебе натянули тоненькие упругие ниточки, а потом по этим ниточкам полоснули ножом! Слёзы сами собой покатались по щекам. Горячие такие, крупные. А боль... Она от слёз только разрослась! Так прошла минута, две, три... Мамочка, да когда же это кончится! Волей-неволей Нине пришлось загнать слёзы в себя. Но легче от этого не стало.

Нина глубоко вздохнула. А всё-таки где папа? И вообще в своей ли она палате? Если в своей палате, то её кровать стоит совсем недалеко от двери. Всего в паре шагов. Но как идти, когда ничего не видишь? И потом снова терпеть эту ужасную боль? А как ещё узнать, куда папа исчез? Не кричать же, в самом деле, на всю палату! Нина напряглась, задержала дыхание и... Злосчастные ниточки натянулись и оборвались с такой силой, что Нине показалось, что сейчас глаза у неё просто выпадут. Ну и пусть! Пусть выпадут, надоело терпеть! И опять слёзы покатались по щекам. Нина, дрожа, спустила с кровати ноги, вытянула руки вперёд, осторожно встала и вдруг услышала знакомые шаги. Уверенные и торопливые – папины.

– Стой! Стой на месте!

Нина почувствовала, как сильные руки отца подхватили её, усадили на кровать.

– Ух, балда!

– Папа.

– Ну что «папа»? Что? А если бы ты грохнулась об эту проклятую тумбу, что тогда? Снова операцию делать?

Тут только Нина вспомнила, что около её кровати действительно стояла маленькая белая тумбочка.

– Ну, что молчишь?

– Я хотела узнать, где ты...

– Хорошенькое хотенье!

На следующий день Нина чувствовала себя гораздо лучше, хотя глаза болели по-прежнему и по-прежнему она ничего не видела. На третий день после операции папа разбудил Нину пораньше.

– Вставай, завтракай поскорее, и к доктору пойдём.

Нина не стала спрашивать, зачем. Что ей будут там делать? Да пусть делают, что хотят. Хоть совсем глаз лишат, ей уже, кажется, всё равно.

Они с папой долго куда-то шли. У Нины уже начала кружиться голова, но вот они остановились, и она услышала шаги. Приятный женский голос произнёс:

– Сейчас будет больно, ты потерпи, ладно?

Раз! Яркий свет ударил Нину по глазам. Она пошатнулась, прижалась к отцу. И вдруг: что это? Тётя в белом халате смотрит на неё и улыбается. И папа тоже улыбается. А за широким окном в голубом небе светит яркое жёлтое солнце. Нину переполнила такая бешеная радость, что она чуть не задохнулась. Ну наконец-то! Наконец-то всё кончилось! Наконец-то она снова может видеть, ура!

В руках у медсестры Нина увидела пластырь, и радость её вмиг угасла. Как, опять?! Опять ничего не видеть?! Значит, ещё не всё кончено? Но у неё ведь нет больше сил! Нина в отчаянии взглянула на медсестру. Та заулыбалась ещё лучезарнее.

– Не бойся! Этот пластырь я не буду клеить тебе так плотно.

Она наклеила по маленькому кусочку пластыря ей на брови, а большие кусочки приклеила к маленьким вертикально, причём закрепила только около бровей, так что получились «шторки».

– Ну вот. Видно всё?

– Ага. Спасибо!

– Да на здоровье! Это для того, чтобы глазки сильно не напрягались. Вредно им ещё.

Подошёл доктор. Проверил глаза. Улыбнулся, потрепал Нину по плечу.

– Всё, товарищи. Можете ехать домой.

От окулиста Нина вышла заметно повеселевшая. Он сказал, что с глазами у неё всё отлично и что ещё одной операции делать не надо. Вернее, можно будет сделать, но потом, когда Нина будет уже взрослой. А до этого ещё ого-го сколько времени!

– Нина, будь другом, подожди меня, пока я схожу на массаж, а потом вместе в столовую пойдём на обед, ладно?

– Да, подожду. Я буду на улице возле столовой.

Возле столовой Нина опустилась на лавочку. Облегчённо вздохнула.

Алёне с бабушкой тоже надо было идти в столовую.

– Ба, сходи одна, а? Принесёшь мне еду в номер.

– А что такое? Ты плохо себя чувствуешь?

– Нет.

– Ну, тогда пойдём вместе.

Вместе они не пошли, потому что Алёна шла медленно, нехотя, глядя по сторонам, и её бабушка ушла далеко вперёд.

– Здравствуйте, Зинаида Вячеславовна! Вы в столовую?

– Господи, Ниночка, ветер ведь сильный, простудишься!

– Я?

– Ну, а кто? Почему ветровка расстёгнута?

– А, ерунда! Замок сломался!

– Ну-ка, дай сюда... Ай-ай-ай, наверное, с процедур идёшь?

– Не-а, от окулиста.

– А бабушка где?

– Процедуры принимает... Починили? Вот спасибо!

– Пожалуйста.

– В столовую, кажется, рано ещё?

– Да, рановато. А ты на вот, журнал полистай.

И она вытащила из сумки толстый иллюстрированный журнал.

– Ой, это Алёнин, да?

– Да, Алёнин. Ты бери, не стесняйся!

– А можно?

– Конечно, можно!

Нина стала осторожно перелистывать журнал. Зинаида Вячеславовна куда-то отошла.

Всю дорогу до столовой Алёна надеялась, что Нина не придёт. Хоть бы она заболела! Раньше уехала! Провалилась бы сквозь землю! Но, конечно, ничего этого не случилось. Алёна увидела Нину на скамейке возле столовой. Нина её тоже увидела. Алёна ускорила шаг, чтобы быстрее пройти скамейку, на которой Нина сидела. И вдруг... О, ужас! В руках у Нины Алёна увидела журнал. Это был её, Алёнин, журнал! Бабушка купила его сегодня, когда ходила в магазин, и теперь взяла с собой, потому что после обеда у бабушки процедуры, а она, Алёна, будет ждать её и читать! Алёна подскочила к Нине, одной рукой выхватила у неё журнал, а другой вцепилась ей в волосы.

– Не смей трогать мои вещи! Не смей!

– Я... это... – перепуганно прошептала Нина, кривясь от боли.

– Закрой рот! Я не желаю слушать твоих оправданий!

Алёна разжала пальцы. Нина всхлипнула, пригладила волосы, отошла на шаг от Алёны. И тогда в ней впервые за эти две недели, а может, и за всю жизнь, заговорила собственная гордость. Что это такое, в конце концов?! Какое Алёна имеет право так с ней обращаться? Да ещё и за волосы дерёт! А ведь когда тебя бьют, надо давать сдачи. Мама говорит об этом младшему брату Вовчику. И Нина уже готова была это сделать. И сделала бы, но тут подошла её бабушка. Бабушка увидела мокрые Нинины глаза и строго посмотрела на Алёну.

– Что тут у вас происходит? Ты что, Алёна, Нину мою обижаешь? Нелзя мою Нину обижать, – бабушка притянула Нину к себе и крепко поцеловала, – играйте, пожалуйста, дружно.

Сказала и пошла к столовой. Как только она скрылась, Алёна рассмеялась. Она смеялась долго и очень громко. Она прямо захлёбывалась от смеха.

– Ха-ха-ха – лялечка! Ха-ха-ха – бабуля за лялечку заступается! «Не обижайте мою внученьку!» Ха-ха-ха – младенчик!

Нина ничего не ответила. По лицу её медленно текли слёзы. Вот так. Даже за себя постоять не сумела. А раз не сумела, значит, проиграла. Окончательно и позорно. Она нагнулась, чтобы застегнуть ремешок на башмаке. Алёна всё ещё стояла рядом. С насмешкой, с ощущением полной победы: «Вот так надо было действовать с самого начала! Жаль не догадалась!»

Вдруг Алёна заметила на руках Нины розовые шрамы. Казалось бы, что тут такого? Мало она, что ли, видела, как Нина падает? Ну, шрамы и шрамы, подумаешь! Ей-то какое дело! Ох, эти руки! Что-то дрогнуло у Алёны внутри. И где это Нина умудрилась? Может быть, кипятком ошпарила? Жалость к сверстнице, такой несчастной и беззащитной, потихонечку начинала заполнять сердце Алёны. Неожиданно взгляды девочек встретились. Глаза Нины были красные и полные слёз.

– Ну, чего смотришь? – спросила она хриплым голосом. – Не закончила ещё со мной? Давай, говори, какая я лялечка! Говори! – Она выпрямилась, заплаканные глаза её сверкнули.

– Перестань, – крикнула Алёна, – не буду я ничего говорить! И вообще...

– Что?

– Руки твои...

– Ах, руки! – Нина вдруг страшно смутилась, сунула руки в карманы и быстро пошла прочь.

ГЛАВА 5

А с руками было вот что. Кажется, всё началось с того, что у Нины на теле то тут, то там стали появляться какие-то ранки. Сначала мама на эти ранки не обращала внимания. И Нина тоже не обращала. До тех пор, пока ранки не начали болеть.

– Мама, больно!

– Сладкого ешь меньше. Вафли лопаешь, а потом жалуешься!

И Нина уходила, опустив голову.

Ранок становилось всё больше, соответственно и боль усиливалась.

– Мама...

– Что?

– Больно...

– Всё-таки болят, да? А ну, покажи.

Нина подняла майку. Ранки покрывали почти весь живот и заметно вспухли.

– У меня и на спине такое же, – сказала Нина и добавила виновато: – И на ногах.

– Да... Вот будешь знать, как сладким объедаться! Завтра к врачу пойдём.

Врач-дерматолог осматривал Нину недолго. Произнёс тихо и многозначительно:

– Вам надо ехать в Краснодар и лечиться в больницу. Причём как можно скорее. Это не заразное, но опасное заболевание, при котором происходит поражение сосудов.

Врач ещё что-то объяснял маме, но Нина уже не слушала. Она и так поняла главное: опять Краснодар, опять больница.

Вообще-то Нина к сообщениям о больнице относилась спокойно. Надо так надо. Ей не привыкать. Но на этот раз она не выдержала. Опять больница! Опять Краснодар! Как же ей всё это надоело! Сколько можно издеваться над человеком! Так она думала, лёжа ничком на своей кровати и обхватив

руками голову. Лежала она до тех пор, пока в комнате не появился карапуз Вовка с соской во рту и не потребовал, не вынимая соски, с ним поиграть. Эх, много ли надо человеку для счастья!

Весь оставшийся день Нина развлекала брата, стараясь не замечать боли от ран. На следующее утро она не смогла подняться с постели.

– Нина, ты завтракать не идёшь? Я убираю со стола...

Какой уж тут завтрак! Нина не хотела ни есть, ни пить. Ей хотелось только лежать неподвижно, закрыв глаза. Так легче было терпеть боль. Мама всё-таки покормила Нину. Переодела в уличную одежду, взяла на руки, прижала к себе, поцеловала.

– Мамочка, я не хочу... в больницу.

– Ниночка, золотце, когда ты вернёшься, я куплю тебе всё, что захочешь! Только потерпи, ладно?

Нина ничего не ответила.

Как ехали они в Краснодар, как попали в больницу, Нина не помнила. Всё её сознание, всё существо её занимала страшная, непрекращающаяся ни на минуту боль. Как в глазах после операции. Только та боль была резкая и жгучая, а эта – ноющая с редкими вспышками колющести. Боль так изматывала Нину, что порой ей казалось, будто для неё всё уже кончено. Чтобы опровергнуть эту ужасную мысль, Нина с трудом открывала глаза. Рядом с ней постоянно находилась бабушка. Она гладила осторожно Нину по руке или по волосам. «Я ещё жива?» – спрашивала её Нина глазами. А бабушка как бы в ответ тихо и ласково говорила:

– Терпи, казак, терпи. Атаманом будешь.

И Нина терпела, как могла.

Но вот наконец процедуры, которые Нине в краевой больнице делали, подействовали. Раны начали потихоньку исчезать. От некоторых оставались шрамы, но боль уходила. Нина с удовольствием и радостью поняла: она не только жива, но ещё и будет жить! Она даже улыбаться стала, слабо, едва заметно. Чуть позже она уже могла сидеть в постели, а ещё через некоторое время бабушка предложила:

– Пойдём со мной в столовую, а? Там, между прочим, вкусенькое дают.

– Ага, пошли! – отозвалась Нина весело.

Встала с постели, пошатнулась и... села обратно. Нет, не потому что у неё вдруг закружилась голова. Всё было гораздо, гораздо хуже! Она вдруг с ужасом почувствовала, что не может идти! Ноги у неё совершенно потеряли силу! Они были словно из ваты. Ей снова не хватало опоры, так же, как тогда, когда мама во время занятий вдруг убирала ходунки. Но ведь она же уже ходила! Ходила сама и даже бегала! А теперь что? Всё начинать сначала? Нет! Не надо! Пожалуйста, не надо!

– Нина, ты слышишь? С мамой будешь разговаривать?

Нина взяла у бабушки мобильник.

– Мама... Да, то есть нет... Мама, я...

Ох, как хорошо, что бабушка вышла из палаты!

Мама слушала Нину внимательно, потом сказала с едва заметной усмешкой:

– Послушай, сокровище моё... Да не плачь ты так! Не бойся, всё хорошо! Просто за время болезни ты очень ослабла. Ты почти всё время лежала, и твои ноги забыли, что должны делать. Теперь им надо потихонечку напоминать. Бери бабушку за руку и шагай, и увидишь, как быстро всё встанет на свои места.

– Точно? – Нина ещё всхлипывала.

– Совершенно точно! Только смотри, сильно не переутомляйся...

Лето подходило к концу. Закончилось и пребывание девочек в санатории. Сначала как-то незаметно уехали Нина с бабушкой. Затем и Алёна. Впереди девочек ждала осень, а затем зима и Новый год.

Этот год для Алёны ничем практически не отличался от предыдущего. Она изо всех сил наслаждалась жизнью и обществом своих друзей. И ей как-то неловко было, когда Зинаида Вячеславовна вдруг ни с того ни с сего вспоминала о Нине.

А для Нины год этот стал настоящим испытанием.

Мама, которая до этого была домохозяйкой и находилась всё время дома с детьми, теперь вышла на работу, папа был постоянно на службе и приходил домой только поздно вечером, а бабушка переехала на новую квартиру в другой район города. Таким образом, Нина, могла она или не могла, вынуждена была полностью сама себя обслуживать. Сама себе накрывала на стол и убирала, сама за собой же мыла пол, если каша, суп или компот проливались на пол, когда она, чтобы поесть, наполняла ими посуду. Сама себе мыла голову, самостоятельно ездила на автобусе в реабилитационный центр и обратно. И хорошо, если в автобусе находилось место для того, чтобы хотя бы свободно стоять.

Кроме того, с выходом мамы на работу на плечи Нине легли и некоторые хозяйственные обязанности. Она должна была, когда нужно, пылесосить, вытирать пыль, стирать и гладить бельё. Она привыкла к тому, что всё это раньше делала за неё и за всех мама.

А мама говорила:

– Ничего, как привыкла, так и отвыкнешь.

– Но я не умею, у меня не получается!

– Научишься. Ты и ходить не умела, помнишь? Научилась же!

И Нина постепенно привыкла. Быстро и ловко вытирала пыль в комнатах, так же ловко и тщательно пылесосила (Вовка иногда помогал), стирала. А мама хвалила:

– Молодец! Умница! – И обязательно добавляла: – Только было бы ещё быстрее, если бы ты включала в работу вторую руку.

Увы! Нина никак не могла приучить себя действовать двумя руками. Сколько с ней ни бились мама и врачи. Но всё-таки и этому она в конце концов научилась. А помог ей в этом случай или, точнее, утюг.

Однажды она в комнате гладила бельё, когда вдруг зазвонил телефон. Нина поспешила к телефону и случайно задела рукой нос утюга. Сначала она даже боли не почувствовала. Вскрикнула от неожиданности. Это потом уже руку жгло как в огне. Её мазали, перевязывали, даже укол сделали. Когда они с мамой вернулись из травмпункта, Нина первым делом решила поесть. Села за стол и поняла, что обожжена была правая рука! Именно правая, рабочая! И пришлось Нине есть-пить, вообще всё делать левой рукой. Зато, когда ожог зажил (от него остался широкий белый шрам), левая рука работала почти так же, как и правая. Как говорится, худа без добра не бывает.

Сделав все свои дела и прибрав в доме, Нина спешила к матери на работу. Мама работала в детском саду воспитателем. Сначала редко, а потом всё чаще и чаще к ней приходила Нина. Хорошие были у мамы дети в группе: маленькие, они не видели разницы между инвалидами и обычными людьми. Им главное было, чтобы человек был добрый, ласковый, играл с ними. И Нина играла. Успокаивала, если кто-то начинал плакать, скучая по маме, кормила с ложечки, если кто-то кушал плохо. И была за свои труды щедро

вознаграждена. Малыши так привыкли к ней и так полюбили, что стоило ей только появиться у дверей группы, как они все разом вскакивали, бежали к ней, толкая друг друга, показывали новые игрушки, поделки, просились к ней на руки или просто обнимали. Нина всех их знала по именам, всех по очереди гладила по головке, хвалила. И чувствовала себя счастливой.

Только иногда под вечер вспоминались Нине санаторий, Алёна, Зинаида Вячеславовна. И не было при этом у Нины на Алёну ни злости, ни обиды. Была только тихая грусть оттого, что они так и не поняли друг друга...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РЕБЯТА ИЗ СССР

ГЛАВА 1

От боли Игорь готов был выть, рвать зубами подушку, кричать. Но та же боль, жгучая и резкая, отобрала у него последние силы. И теперь он лежал, измученный и ослабевший, и смотрел на окружавшие его белые больничные стены. А ещё на маму. Она сидела рядом и осторожно и нежно гладила его по руке. И это было лучше, чем если бы она стала его утешать словами. Тем более что он всё равно её бы не услышал.

Он закрыл глаза, и вдруг ему представилось море. Безмолвное и необозримое. Над морем – чёрный бархат неба, усыпанный звёздами. А на море – группы боевых катеров и моторных баркасов. В низенькой, очень тесной каюте одного из катеров перед лежащей на столе картой стоят военные. Игорь сразу понял, что это были бойцы Красной Армии. Может, по форме – он ведь много смотрел фильмов и читал книг, а может, по тому, что один из бойцов держал в руках пилотку с красной звёздочкой. На гимнастёрке у него блестела медаль. Медаль была также и у командира, того, который стоял ближе всех к карте. Он, проводя по тонким линиям карты своим заскорузлым пальцем, тщательно объяснял солдатам, что первоначальной их задачей является захват берега бухты в районе электростанции и цементного завода «Пролетарий». Удивительно, но Игорь, зная, что не слышит ни скрипа открываемой в палату двери, ни звука шагов, ни голоса мамы, теперь ясно слышал слова командира. И цементный завод «Пролетарий» он хорошо знал. Он проезжал мимо него каждый раз, когда ехал в танцевальную студию, в которой с удовольствием занимался.

По тому, как внимательно военные всматривались в карту своими усталыми, воспалёнными глазами, Игорь понял, что они направляются на какое-то очень важное задание. И наверняка не в первый раз. Игорю даже подумалось, что видят эти люди на карте не только линию маршрута, но и все те места сражений, в которых каждый из них участвовал.

Бои были долгими и упорными, не прекращались ни днём, ни ночью. В этих боях враг превосходил их и оружием, и численностью, и опытом. Но наши бойцы всегда сражались до последнего. Готовы были отдать все силы, а если понадобится, то и жизнь. За победу. Израненные и измученные, едва удерживая в руках оружие, они уничтожали врага автоматными очередями, подбивали его танки, сбивали самолёты. Враг с яростью бросал в бой свежие силы, но бойцы снова поднимались и снова давали отпор. Даже теряя сознание, они продолжали стрелять и уничтожать врага...

– Скоро подойдём-то, товарищ командир? – спросил, оборачиваясь, один из военных.

– Осталось минут двадцать, товарищ майор, – ответил командир.

– Долго что-то...

– Не волнуйтесь, точно подойдём!

Катер в полной темноте действительно шёл достаточно быстро и ровно. Игорь видел, что катер направляется к берегу, к входу в бухту. Вокруг было удивительно тихо, только чуть слышно бились о борт катера серебристые волны, а с берега на море то и дело выбрасывались длинные, яркие лучи прожекторов.

Майор волновался. Он обернулся к собравшимся вокруг него солдатам, пригладил волосы и откашлялся:

– Товарищи! – сказал он неожиданно сильным голосом. – Мы многое с вами пережили, многое повидали, потеряли многих боевых друзей... Да, очень многих... Но мы-то с вами живы! Мы должны освободить от фашистов Новороссийск, товарищи! И мы освободим его! Освободим, во что бы то ни стало! Во имя Сталина! Во имя светлого будущего нашей великой страны!

Он ещё раз проверил, хорошо ли командиры запомнили план действий.

Время высадки приближалось. Капитан катера сменил рулевого у штурвала, а бойцы вместе со всем своим оружием поднялись на палубу. Свежий морской ветер обжигал их лица, трепал волосы. И чем ближе подплывали к бухте, тем спокойнее был майор. А капитан катера, напротив, всматривался в берег с тревогой, хотя всё по-прежнему было спокойно. И Игорь понимал, почему. Потому что в каюте он чувствовал тревогу других, ведь неизвестность всегда порождает тревожные чувства, и пытался вселить в солдат уверенность, так как и сам тогда был уверен, что всё будет благополучно. И вот теперь на мостике, в одиночестве, он, должно быть, подумал, что всё может сложиться иначе. Игорь и сам прекрасно видел, что подходы к берегу надёжно перекрыты немецкой артиллерией, миномётами и пулемётами. А вход в бухту преграждается сетевыми и минными заграждениями. Что если немцы уже заметили катера и только выжидают случая, чтобы начать атаку? Ведь именно таким хитрым способом они топили множество советских катеров, срывая тем самым высадку десанта. И только он так подумал, как ослепительный свет прожекторов ударил в глаза. И тут же отовсюду: с неба, мола, берега – со свистом и воем полетели снаряды, а в небо с шипением взвились немецкие осветительные ракеты. Не прошло и пяти минут, как катер оказался отрезан от берега огненной стеной разрывов. Огонь был настолько интенсивным, что и небо, и море, и берег – всё слилось и перемешалось. И только снаряды разрезали эту огненную завесу, едва не задевая катер.

– Засекли всё-таки... – сквозь зубы процедил один из солдат, – а ведь до берега рукой подать, смотрите, вон уже один наш катер загорелся!

– Неужели задание не выполним? – в отчаянии проговорил другой боец и взглянул на небо.

Там, сбрасывая бомбы на немецкие позиции, прикрывая десант, уже кружили советские самолёты. А к берегу неслись торпедные катера. На какой-то момент всё потонуло в чёрном дыму, а катер отбросило назад. Это высаженные с торпедных катеров штурмовые группы подорвали заграждения из металлических сетей, защищающие вход в порт. Теперь проход в бухту был открыт.

Артиллерия фашистов ударила с новой силой. Горел порт, горела вся береговая линия. Снова катер оказался отрезан от берега непробиваемой

огненно-чёрной стеной. Навстречу катеру тянулся огненный дождь пулемётных очередей, а из воды скалили свои острые зубы стальные сваи и ежи.

В этот момент все услышали голос капитана катера. Голос, который перекрыл и свист снарядов, и гул самолётов, и грохот орудий.

– Мы прорвёмся, товарищи! Мы обязательно прорвёмся!

И тут же приказ майора:

– По береговой артиллерии противника – огонь!

В тот же миг ожили пулемёты катера, десантники открыли ответный огонь. И, словно ободрённый ответным огнём, катер с невероятной силой рванул вперёд. Он летел сквозь огонь и дым, каким-то непостижимым образом уворачиваясь от снарядов и противодесантных преград. Берег неумолимо приближался. Когда он приблизился настолько, насколько это было возможно, прозвучал долгожданный приказ майора:

– Приготовиться к высадке! Не мешкать ни секунды! Промедление смерти подобно!

Красноармейцы под непрекращающимся огнём противника с криками «ура!» бросились в воду. И по выражению их лиц Игорь видел, что каждый из них жаждет поскорей ступить на берег, чтобы, быть может, в последний раз, в последней смертельной схватке вышвырнуть фашистов из города. И выполнить тем самым задачу по освобождению города. Задачу, которая изначально казалась практически невыполнимой.

«Держи, держи ворота!» – услышал Игорь пронзительный вопль. И увидел, что нет больше ни моря, ни советских катеров, ни вражеских укреплений. Он находился на пустыре в компании друзей. Они пришли сюда вместе со Стасом после занятий в танцевальной студии для того, чтобы поиграть в футбол. Вообще-то на пустыре шли строительные работы, и играть там запрещалось, но мальчишек почему-то тянуло именно туда. Наверное, потому, что там было просторно. Родителям, конечно, этого не объяснишь, особенно маме. Ей лишь бы ребёнок был в безопасности. А какая на пустыре может быть опасность? Они же не собираются лезть под экскаватор! Они вообще приходят на пустырь в то время, когда у строителей заканчивается рабочий день или когда у них выходной. Разве что можно свалиться случайно в яму, которую выкопал экскаватор для прокладки труб. Но для этого надо быть полным дураком, потому что от ямы до футбольного поля большое расстояние, около сорока метров, кроме того, её загораживают кусты и футбольные ворота.

Тем не менее мама всегда очень неохотно, «с боем» отпускала туда Игоря. А сегодня она и вовсе упёрлась, мол, не отпущу, и всё тут, идите играть на площадку! Будто она не знает, что на площадке всегда целая куча малышей. И главное, никому родители не запрещают, отпускают, и всё, а его...

Однако в конце концов мама сдалась.

– Ладно уж, иди.... Только ради Бога будь осторожней!

Он быстро переоделся и пошёл. А мама стояла и глядела ему вслед так, как будто провожала навсегда или, по крайней мере, на год. Он обернулся и крикнул ей:

– Мам, ну чего ты стоишь?!

– А что, проводить тебя нельзя?

– Можно. Ну, чего ты так смотришь?

– Как?

– Ну, будто я на войну уйду...

Мама засмеялась:

– Дурачок! Сказал тоже... Иди давай!

На пустыре он сразу встал на ворота. Он хорошо отбивал мячи. То в полёте, то в шпагате растягивался, то выходил с игроком один на один. В какой-то момент мяч полетел намного выше ворот в сторону разрытого строителями участка. Игорь сразу вспомнил про яму. И как раз в тот момент, когда он уже хотел броситься за мячом, вдруг раздался оглушительный взрыв. В грудь Игорю со страшной силой ударила горячая взрывная волна. Земля под ногами задрожала. Он упал. И увидел, как в небо взвилась чёрный столб земли, осколков, камней и дыма. Он даже не успел как следует испугаться. Только подумал: «Как же так? Ведь я же пошутил... про войну. И мама смеялась... Бедная мама! Война ведь давно закончилась. А мяч жалко, новый совсем...» И всё. Из ушей текла кровь. Жуткая боль в голове задушила...

ГЛАВА 2

Пришла весна, а с ней и майские праздники, самым важным из которых был День Победы. Вот на майские праздники Алёна с Зинаидой Вячеславовой и отправились в гости к родственникам в Новороссийск.

Родственники эти – папин племянник со своей женой, двое их детей, Стас и Ксюша, и их бабушка – жили на самой окраине города в большом частном доме.

Ребята оказались замечательные. Встретили Алёну так, будто давно были с ней знакомы. Сразу же ввели её в круг своих друзей. И, конечно, первым делом решили познакомить её с городом.

Они гуляли по Новороссийску целый день. Заходили в скверы, парки, музеи, прогулялись по набережной. Город сверкал от солнца и пестрел свежей зеленью деревьев. Очень много встречалось разных памятников, посвящённых героям Великой Отечественной войны, в частности матросам. Один из памятников, тот, что находился на площади Свободы, особенно впечатлил Алёну. В нижней части памятника на барельефах изображалась высадка нашего десанта на Малую землю. А наверху, под самыми облаками стояли три бронзовые фигуры: девушка-партизанка, матрос и солдат со знаменем. Они стояли как бы слившись воедино, плечом к плечу, стояли твёрдо, гордо смотрели вперёд и олицетворяли собой, как сказал Стас, мужество, стойкость и отвагу не только защитников города, но и всего советского народа.

Утро следующего дня выдалось ясным и солнечным. Алёна проснулась, вдохнула полной грудью лившийся из окна свежий воздух. Постучал и вошёл в комнату Стас, улыбнулся приветливо.

– Доброе утро! Как спала?

– Хорошо!

– Вот и замечательно! Давай быстрее одевайся, завтракай, и пойдём парад смотреть! У нас в Новороссийске особенный парад! Такой парад имеют право проводить только города-герои!

Никогда ещё Алёна не видела такого великолепия праздника, такой торжественности.

По главной улице города, улице Советов, промаршировала рота барабанщиков казачьего кадетского корпуса, открывающая парад. За ней чекали шаг военнослужащие Новороссийского гарнизона: десантники, моряки и ракетчики. Завершила парад военная техника.

А потом двинулось шествие «Бессмертного полка». Сотни людей, у многих из которых на груди красовались георгиевские ленточки, стройными колоннами шагали по широкой улице. Звучали песни военных лет. Над колоннами покачивались разноцветные шары. Красные гвоздики, портреты погибших фронтовиков. Время от времени песни заглушались могучим, многоголосым «Ура!». Это колонны приветствовали ветеранов войны, находящиеся на специально подготовленной трибуне. Ветераны улыбались, некоторые плакали.

– С праздником, товарищи! С Днём Великой Победы! – проносились возгласы.

Впереди «Бессмертного полка» ехали ретроавтомобиль «Победа» и фронтовой армейский внедорожник военных лет. Почётная знамённая группа пронесла Знамя Победы – огромное, красного цвета полотнище с серебряной пятиконечной звездой, с серпом и молотом и надписью белыми буквами: «150-я стрелковая ордена Кутузова II степени Идрицкая дивизия 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта». Это Знамя, по словам Стаса, было точной копией того самого, которое 1 мая 1945 года развевалось на крыше рейхстага.

ГЛАВА 3

– Господи, Нина, да перестань же ты плакать! Скажи, что случилось?

– А то! – Нина оторвала от подушки мокрое лицо. – У меня ничего не получается! Понимаешь, ничего! Она кричит на меня, инструкторша эта, а у меня не получается! Спина кривая, ноги не так ставлю! И эта её гимнастическая палка! А я не могу! Не могу! Подведу ведь и её, и этого мальчика!

– Тише, пожалуйста, не кричи. Выпей водички.

Нина села на диване, взяла у бабушки из рук стакан воды, отпила, поговорила уже спокойнее:

– Игорь-то не виноват. У него-то ноги нормальные. Он только слышит плохо.

– Ничего, и у тебя всё получится.

– Ты уверена?

– Конечно! Вот увидишь!

Реабилитационный центр, в котором занималась Нина, каждый год на праздники, такие, как Новый год, День защиты детей, Восьмое марта, ставил концерты. И на День Победы, конечно, тоже. Участниками этих концертов были воспитанники центра. Под руководством педагогов они разучивали песни, стихи, танцы и выступали перед зрителями, главными из которых были немногочисленные ветераны.

И именно на День Победы лучшие номера из Центра отбирались для выступления на сцене городского театра. Там его воспитанники должны были соревноваться уже вместе с обычными детьми, а иногда даже со взрослыми. Новороссийск – город-герой, и День Победы там отмечают с особой радостью.

Хотя Нина ничего особенного не ощущала. Ей нравилась торжественность праздника, она с интересом слушала рассказы ветеранов о том, какая это была тяжёлая и страшная война. Однако ветераны рассказывали детям о войне всегда очень коротко и деликатно. И, возможно, поэтому в этих рассказах крайне редко встречалось что-то такое, что могло по-настоящему и надолго затронуть Нину.

Нина никогда не выходила с выступлениями на город. В Центре выступала – это да. Но на город не выходила. Она обыкновенно читала перед ветеранами стихи. Ей это хорошо удавалось, легко: память была цепкая.

А в этот раз преподаватель, с которым Нина стихи разучивала, решил набрать других ребят. Нина не сильно расстроилась из-за того, что осталась «без места». Однако инструкторша по лечебной физкультуре решила, что «без места» Нину оставлять нельзя. Однажды Нина услышала, как она в отчаянии сказала массажистке: «Вальс!..»

– Как, пропадает?

– Ну вот так: мальчик нашёлся, а девочки нет. Все те, которые могли бы, заняты другим делом.

– Какой же мальчик?

– Да новенький наш. Игорем, кажется, зовут. Настоящий талант!

И тут массажистка посмотрела на Нину. Она как раз лежала перед ней на кушетке.

– А Нина? Не сможет, думаешь?

– Ох, точно! – инструкторша тоже посмотрела на Нину и расплылась в улыбке. – Я совсем забыла про тебя, моя дорогая! Ты-то нам и поможешь!

Но Нина совсем не помогала. Наоборот. У Игоря с ногами и руками всё было замечательно. Он выполнял все движения на ура, а Нина... В общем не получалось у неё ничего. Мелодию она чувствовала, движения знала наизусть. Но движения эти получались у неё слишком резкими, неуклюжими. В них совсем не было той лёгкости и грации, которая должна присутствовать в танце. Тем более в вальсе. Страх перед инструкторшей, обида за себя и стыд-позор перед Игорем – вот что переживала Нина каждую репетицию.

– Ужас! Ужас! – кричала инструкторша. – Ты сорвёшь нам номер! Из-за тебя мальчик пострадает! Понимаешь?

Нина понимала. Старалась изо всех сил, терпеливо сносила её крики. Она понимала, что Игорь из-за неё не должен пострадать. У него ведь всё так замечательно получалось! И он очень жалел Нину. Угощал после занятия конфетами, утешал как мог, ободрял. И Нина была ему очень благодарна.

А главное, её удивляло то, как Игорь с ней обращается. С самого раннего детства она мечтала о дружбе со сверстниками. Но судьба почему-то упорно отворачивалась от неё в этом плане. До того, как Нина пошла в детский сад, она практически всё время проводила дома или на занятиях, какая уж тут дружба! В детском саду она впервые открыла для себя этот способ человеческих взаимоотношений, сразу же решила опробовать его на себе. Опробовала. И этот способ поселил в её душе какое-то новое большое, светлое чувство. Нине захотелось пробовать ещё и ещё. Её сердце было открыто для всех, в том числе и для Алёны. И именно Алёна открыла Нине глаза, показав, что далеко не все дети готовы принимать её такой, какая она есть. Это было очень тяжело, обидно и больно. Нина много плакала, сделалась замкнутой, осторожной и даже немного боялась теперь сверстников. Она так и сказала бабушке после первой встречи с Игорем:

– Я не хочу с ним заниматься, хочу одна.

– Как же ты одна будешь вальс репетировать? – удивилась бабушка.

– Не знаю. Я его боюсь. Я боюсь вообще знакомиться теперь.

– Понимаю, да. Но тебя ведь никто не просит знакомиться. Просто занимайся, и всё.

И Нина занималась. И чем больше проходило этих занятий, тем больше Игорь перед ней раскрывался. Он общался с ней просто, легко и ласково, а порой даже покровительственно. Он постепенно раз за разом залечи-

вал раны, которые нанесла Нине Алёна. Он снова открыл перед ней дорогу к дружбе. И Нина, сама того не замечая, тянулась ему навстречу всей душой.

«У тебя всё получится!» – сказала бабушка. И действительно. Под воздействием постоянного нагоняя от инструкторши спина у Нины распрямилась, руки и ноги сделались послушными, а движения – плавными.

– Ну наконец-то! – радовалась инструкторша. – Я уж хотела тебя из номера исключить.

Нина тоже радовалась, а больше всех радовался Игорь. Позже он признался, что если бы инструкторша исключила бы всё-таки Нину, он бы ни с какой другой девочкой танцевать бы не стал.

– Почему это? – удивилась она.

Игорь не ответил. Опустил голову и покраснел.

– Дурак! – сказала Нина и засмеялась.

И вот наступил назначенный день. В Центр приехали ветераны. В зале лечебной физкультуры начался концерт, номер шёл за номером. Игорь и Нина стояли рядом с выходом на сцену, ждали, когда их объявят. Нина была вне себя от волнения. Ещё бы! Ведь танцевать – это совсем не то что читать стихи. Ей страшно хотелось скрыться куда-нибудь, убежать. А Игорь, как нарочно, глаз с неё не спускал. Держал за руку и всё рассказывал какие-то истории.

Инструкторша спросила Нину:

– Ну, что? Готова? Вы следующие.

Игорь кивнул, а Нина вдруг разрыдалась.

– Это ещё что такое?!

Игорь одной рукой ещё крепче сжал Нинину руку, другой принялся гладить её по голове.

– Она готова, готова! – говорил он инструкторше. – Вы только не кричите на неё, пожалуйста!

Он вытер ладонью слёзы с Нинино лица, пригладил волосы.

– Эх, вы, жених и невеста! – инструкторша рассмеялась и неожиданно добавила: – Точно на город выйдете!

Так и получилось. Благодаря Игорю. И снова начались репетиции.

Теперь эти репетиции проходили прямо на сцене городского театра вместе с другими ребятами, участвующими в этом номере. Нинина задача усложнилась вдвое. Потому что теперь таких пар, как они с Игорем, было целых девять. Нина должна была не только следить за плавностью и правильностью своих движений, но ещё и за тем, чтобы эти движения были синхронны с движениями других.

– Ничего, – говорил Игорь, – ты, главное, не волнуйся! Представь, что мы с тобой на сцене одни.

– А ты мне поможешь, если что?

– Конечно!

Однажды после очередной репетиции, когда они шли из театра на автобусную остановку, Игорь неожиданно спросил:

– А ты знаешь, ведь скоро День Победы?

– Знаю, конечно, мы для этого и репетируем. А что?

– А то! – Игорь остановился посреди тротуара, глаза его загорелись. – Я вчера от папы такое узнал! Впрочем, я не с того начал... Я хотел сначала другое рассказать, давно хотел, но всё не решался. А теперь, думаю, можно. Только не здесь.

– Почему?

– Людей много...

– Ну, пойдём в сквер, тут недалеко.

Они перешли дорогу, прошли по тротуару и по лестнице спустились к скверу. Когда спускались, Игорь крепко держал Нину за руку и всё приговаривал:

– Осторожней, не торопись.

– Ты что боишься, что я упаду? – улыбнулась Нина.

– Нет, почему? Просто... Парень ведь всегда должен девушку поддерживать.

Нина рассмеялась. Ей хорошо было с Игорем. Легко и надёжно, как с другом. Хотя ни о дружбе, ни о чём-нибудь близком к этому они ни разу не говорили. В сквере они нашли лавочку, уютно расположенную в тени расцветающих пышных кустов сирени, издававших лёгкий дурманящий аромат, и сели.

– Ну, рассказывай, что хотел, – сказала Нина.

– Так вот... Ты думаешь, я всегда был таким? Думаешь, с рождения? Или, как Циолковский, в результате ангины?

Нина сразу поняла, о чём он говорит, и страшно смутилась.

– Ой, Игорь, зачем ты? Мне...

– Слушай! И не вздумай меня жалеть! Я сам во всём виноват.

И он рассказал ей про футбол на пустыре. И про то, как потом долго не мог привыкнуть к тому, что привычные звуки: шум машин, шелест листьев, голос мамы – для него перестали существовать.

«Игорь захотел поделиться со мной! – взволнованно думала Нина. – И чем поделиться?! Своим самым сокровенным! Своей тайной, можно сказать!»

– Ну, вот, – продолжал Игорь, – со временем я начал приглушённо слышать звуки, доносившиеся до меня, как через толстый слой ваты, а затем мне поставили слуховой аппарат, и всё стало нормально. Только на пустырь мы больше не ходим.

– Но откуда же там снаряд взялся, ведь война кончилась.

– Кончилась, а следы остались. Как шрам от глубокой раны. Знаешь, я много читал о нашем городе во время войны. Фильмы смотрел. А когда в больнице лежал после того случая со снарядом, будто вживую всё увидел. Вот послушай...

Рассказ Игоря о героической борьбе за Новороссийск поразил Нину до глубины души. Всё описываемое живо вырисовывалось перед ней, а по спине то и дело пробегал колючий холодок. Именно сегодня, сейчас, она впервые поняла и осознала, за что её родному городу присвоено почётное звание Героя.

Когда Игорь окончил своё повествование, они немного помолчали.

– Так что ты от папы-то узнал? – нарушив молчание, спросила Нина.

– А, от папы... От папы я узнал потрясающую вещь! Мой прадедушка, оказывается, Герой Советского Союза!

– Ух ты! Он тоже в Новороссийске воевал?

– Нет, он воевал на Балтике. Служил, вроде бы, старшиной на сторожевом корабле, командовал артиллерией. Его корабль, несмотря на небольшое количество орудий, не раз помогал войскам Красной Армии при высадке десанта, нёс разведывательную и дозорную службу, охранял крупные корабли от подводных лодок и мин. В общем, много вреда причинил фашистам. И вот однажды его окружили сразу два фашистских миноносца. Представь! Два миноносца и один небольшой, недостаточно вооружённый сторожевой корабль! Но даже в таком неравном положении экипаж корабля не сдался. Метким артиллерийским огнём прадедушка и его команда смогли уничтожить сразу несколько огневых точек противника. Фашисты же в ответ ата-

ковали их таким количеством снарядов, что вскоре весь корабль был объят пламенем. Мало того, поднялся сильный ветер, и пламя разбушевало ещё сильнее. Так что его уже ничем невозможно было остановить. Прадедушка мой находился в самом очаге огня. Он уже сам был весь в огне. Обожжёнными руками он наводил своё орудие на корабли противника и стрелял. Стреляли его подчинённые. Стреляли все, кто ещё оставался в живых. Стреляли до тех пор, пока корабль окончательно не захлебнулся в огне. И тогда капитан предпринял последний отчаянный шаг.

– Идём на таран! – крикнул он. – Дави фашистскую сволочь!

И сторожевик полным ходом помчался навстречу врагу. Раздался оглушительный треск, скрежет металла. Стоны и вопли с вражеского корабля. Вот так, не сдавшись врагу, и встретил сторожевик свою гибель...

Домой к бабушке Нина прибежала взволнованная, как никогда.

– Бабушка, послушай, у нас в семье есть герой?

– Какой герой?

– Ну, кто в Великую Отечественную войну воевал.

– В войну? А чего это тебе вдруг так интересно стало?

– Понимаешь, у нас сегодня с Игорем был серьёзный разговор. Сначала он рассказал мне о том, как советские солдаты и матросы наш город освободили от фашистов. Он совсем чуть-чуть рассказал, эпизод, но я даже и не знала, что такое было! Такие люди! А потом он рассказал мне про своего прадедушку. Он у него старшиной служил на сторожевом корабле. Герой Советского Союза. И весь его экипаж тоже герои. Его корабль сражался один с двумя немецкими миноносцами. Сторожевой корабль, совсем не приспособленный для большого боя! Представляешь? Ну, я и хотела спросить, нет ли у нас героя.

– Прекрасно! У Игоря, значит, прадедушка, а у тебя прабабушка Валя.

– Да? И кем же она была?

– Даже не знаю, как тебе сказать... – бабушка улыбнулась. – Она не задумывалась тогда особенно о профессии. Рановато ей было. Да и характер у неё слишком уж был непоседливый.

Бабушка встала с кресла, подошла к книжному шкафу, украшенному старинной резьбой, выдвинула ящик и достала из него кожаную папку. Папка была полна каких-то документов, и там же лежала пожелтевшая, потрёпанная школьная тетрадь. Бабушка осторожно взяла её, с нежностью провела рукой по обложке и протянула тетрадь Нине.

– Вот – почитай. Здесь, конечно, не всё, но...

Бабушка вышла. А Нина, раскрыв тетрадку, стала читать. На первой странице крупным размашистым почерком было написано:

«2 июня 1941 года

Я приехала в лагерь. Вообще-то я не хотела ехать сюда, я могла бы замечательно провести время и дома. Единственное, что меня очень притягивало – это море. Однажды, будучи ещё маленькой, я побывала на море с родителями, и с тех пор сохранила о нём самые светлые впечатления. В середине мая, приехав с работы, со своего транспортного завода, что в городе, довольный отец с радостью сообщил, что ему удалось достать для меня путёвку в пионерский лагерь. Да ещё у моря! И даже несмотря на то,

что мы – сельские жители, хоть наше село и находится недалеко от города. Путёвки в основном выдают для городских ребят.

Кстати, делать записи тоже не моя идея – мама мне посоветовала. Так вот, сегодня я приехала в лагерь! Меня накормили, определили в отряд, а потом все построились на торжественную линейку, которая проходит в начале смены.

Вынесли знамя. Вышел начальник лагеря. Он долго говорил нам о дружбе, о том, какое это прекрасное время – лето, о дисциплине. Я, честно говоря, плохо его слушала, и всё время думала о маме. Только когда начальник сказал: «Пионеры! К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы!», я очнулась и, отдав салют, вместе со всеми ответила: «Всегда готовы!». После линейки мы занимались разными организационными делами. Решали, кто из мальчишек в нашем отряде будет горнистом, а кто – барабанищиком, знакомились друг с другом и с нашим вожатым Витей. Всё было вроде бы хорошо, только я ужасно скучаю по маме. Ну, прямо хоть плачь! Витя заметил моё подавленное состояние и спросил:

– Ты что, плачешь?

Я ответила:

– Ещё чего!

Он сказал:

– Ну и хорошо!

И улыбнулся.

3 июня 1941 года

Очень трудно привыкнуть к лагерному режиму. Дома я могу в каникулы спать долго, и меня никто не разбудит, а тут горнисты трубят подъём ровно в семь часов утра, и никаких тебе разлёживаний! Встаёшь по-военному быстро, аккуратно заправляешь постель, приводишь себя в порядок, умываешься и – бегом на зарядку. А потом на построение. Распорядок дня строгий.

В это первое утро некоторые девочки никак не могли проснуться. Я-то проснулась. А вот, например, Ксюша Кудрявцева, похоже, не смогла. Ходила и натывкалась на всё подряд, как сонная муха. На мой вопрос о том, как же она будет стоять на построении, ведь заснёт, – Ксюша пожала плечами. Я посоветовала ей пойти и хорошенько умыться. Ксюша подошла к крану, пустила тоненькую струйку и осторожно намочила себе лицо. Я рассмеялась. Сказала ей, что вообще-то так умываются только нежные барышни. Советские люди умываются по-другому. Пустив из крана тугую ледяную струю, я остороженько нагнула и подставила под неё голову Ксюши. Так её умыла, что и майка, и шорты её оказались мокрыми. Ну, ничего – высохнут! Зато на построении мы обе стояли совершенно бодрые. Правда, ужасно хотелось есть. Как назло, Ксюша начала перечислять мне шёпотом, какие вкусные блинчики и пирожки делает ей на завтрак бабушка. Я заявила, что моя мама делает пирожки ничуть не хуже, а блинчики, может, ещё и лучше. А уж пончики с фруктовым повидлом...

– А ну, тихо, – строго сказал нам Витя, – разболтались!

Мы присмирели, и тут старший пионервожатый наконец проверил, все ли в отрядах присутствуют на построении, и громко скомандовал:

– Пионеры Саша Перепёлкин и Валя Стрельцова – на флаг!

Мы вышли из строя и отрапортовали: «Есть на флаг!». Мы чеканили шаг, а вожатый скомандовал строю: «Смирно! Равнение на флаг!» Мы отсалютовали строю, и он ответил нам тем же, а вожатый скомандовал:

«Флаг поднять!». И мы под барабанную дробь медленно и осторожно подняли флаг. День в лагере начался.

Я надеялась, что после построения и завтрака мы пойдём на моё любимое море. Но Витя сказал, что сначала мы должны немного акклиматизироваться, а потом уже купаться. И вообще делать мы всё будем строго по распорядку дня, а не так, как нам заблагорассудится. Поэтому после завтрака нам предложили записаться в кружки по интересам, а затем мы пошли на спортплощадку. Там каждый выбрал себе занятие по душе. Я сначала поиграла немного в баскетбол с Лёшкой Сомовым. Это мне быстро наскучило, потому что Лёшка всё время попадал мячом в корзину, а я промахивалась.

— Да ты не так кидаешь, — объяснял мне Лёшка, — правую ногу выставь вперёд. Ноги слегка согни в коленях. Мяч придерживай лишь кончиками пальцев. При броске подпрыгни вперёд. Бросай его плавным движением, направленным вперёд и вверх.

Но тут ко мне подошла Ксюша Кудрявцева, и мы с ней и ещё с несколькими ребятами пошли играть в лапту. Это гораздо интереснее, чем баскетбол. Поиграли, потом Витя, чтобы никто не занимался всякой ерундой, дал поручение по уборке территории. Закончив свою работу, мы присели отдохнуть на лавочку в тени и разговорились. Ксюша сказала:

— А он такой суровый, строгий, такое мужественное лицо!

— Кто?

— Наш начальник лагеря. Немолодой уже. Как думаете, он в гражданскую воевал?

— Естественно! — вступил в разговор Владька Деревягин. — Ты что, не видела у него шрам на лице? Не иначе как шашкой полоснули....

Они стали делиться своими впечатлениями о лагере и о начальнике. А я вдруг ясно представила себе, как красноармейцы в будёновках со звездой, обнажив сабли, мчатся навстречу белой армии, и среди них наш начальник лагеря. Вот они схлестнулись, и закипел бой. Взмахнул саблей наш начальник — и упал с лошади срубленный белогвардеец. Ещё раз взмахнул саблей начальник — ещё один белогвардеец упал. И так начальник сражался до последнего белогвардейца, который, падая с лошади, своей саблей полоснул его по лицу.

— Слушайте, — неожиданно прервала мои размышления Ксюша, — чего это мы с вами заговорили о войне, а? Такой замечательный день, солнце, лето! И вообще уже давно горнист протрубил, обедать пора!

И всё-таки мне очень хотелось на море. Я, конечно, помнила про дисциплину, но... В общем, в тихий час, дождавшись, когда девчонки заснут, я осторожно встала, оделась и отправилась к морю. Я знала, куда идти, так как ещё вчера заметила широкую тропу, ведущую к пляжу. Вдруг я услышала за спиной шаги. Обернулась: за мной спешила Ксюша, и она упростила меня взять её с собой. Мы побежали. И вскоре оказались у моря.

Море... Необъятное море... Оно уходит вдаль, насколько могут видеть мои глаза. Его называют «Чёрное», но на самом деле оно изумрудно-синее. Пока ещё немного прохладное. Вода такая прозрачная и чистая, что, даже окунувшись по плечи, можно разглядеть на дне каждый камушек! Ослепительно ярко светило солнце, в небе носились белокрылые чайки. Красота! Мы плавали наперегонки, брызгались, хохотали. Я даже ныряла, хотела найти раковину, чтобы она напоминала мне потом о море. В довершение всего этого восторга вдруг мы увидели недалеко от берега дельфинов! Настоящих дельфинов! Их сверкающие на солнце чёрные спины то показывались из воды, то снова скрывались. Они плыли неторопливо, грациозно,

будто позволяя нам наглядеться на них. Когда стая повернула в даль моря, уплывая всё дальше и дальше, мы долго смотрели им вслед, махали им руками, пока они не скрылись из вида. И так нам было весело и хорошо, что уходить не хотелось. Но пришлось.

Просолённые морем и до чёртиков уставшие, мы вернулись в лагерь.

Отсутствия нашего никто не заметил. Все спали. И мы тоже уснули...»

Нина читала записи с большим интересом. Описываемая в тетради жизнь пионерского лагеря живо вырисовывалась перед ней, и порой Нине казалось, что сама она находится в лагере и является участницей этих событий.

«4 июня 1941 года

Это я во всём виновата! Но разве я знала, что так получится? Бедная Ксюша! Ещё вчера всё было так хорошо. Мы играли с мальчишками в футбол, потешались над Таней Звягиной. Чудная она, эта Таня! Мало того, что читает всякую ерунду, так ещё и верит в неё! Верит во всяких там волшебников, призраков, принцев с принцессами, несмотря на то, что постарше нас. Не понимаю, что это за пионер?! Мы с Ксюшей пытались ей объяснить, что это глупости, но она, очевидно, ничего не поняла, потому что за ужином, улыбнувшись, сказала нам, что всё-таки волшебники существуют. И вообще, она верит, что её плюшевый медведь, старенький, с заплатками, вовсе даже никакой не медведь, а заколдованный принц. А красивый мягкий ковёр, который лежит у нас в спальне, запросто мог бы стать, по её мнению, ковром-самолётом, на котором можно было бы летать в разные страны. Ужас! Прямо до глубины души обидно становится за наших советских учёных.

После отбоя мы долго разговаривали, вспоминали море и дельфинов. Потом я уснула. Проснулась ночью, слышу, кто-то всхлипывает рядом со мной. Смотрю: Ксюша лежит в постели, плачет и дрожит как в лихорадке. Подскочила я к ней.

– Что с тобой? – спрашиваю.

А она ничего мне ответить не может. Только плачет. Взяла я её за руку, а рука как в огне. Наверное, она перекупалась! Я бросилась к Вите...

5 июня 1941 года

После того, как Ксюшу отвели в лазарет, всё, естественно, про море открылось. Я сама призналась во всём Вите. Ох, и досталось же мне от нашего «солидного» начальника! Уж не знаю, воевал ли он в гражданскую, но пробрал меня хорошо на линейке, перед всем лагерем. Мне так стыдно было, ужас! Ну, ладно, ничего! Лишь бы Ксюша скорее поправилась.

6 июня 1941 года

Витя узнал, что я отличница, и поручил мне вести отрядную стенгазету. Я действительно отличница. Мне нравятся все предметы, кроме ботаники, которую я терпеть не могу. А немецкий язык обожаю! Не знаю, как это получается, и не хочу хвастаться, но запоминаю и читаю тексты я лучше всех в классе. И перевожу тоже. И много дополнительно занимаюсь. Но если я отличница, это вовсе не означает, будто я любимица учителей. Скорее наоборот, потому что... Кто притащил в класс котёнка и выпустил его из портфеля прямо на уроке? Я. Но надо же было как-то разнообразить эту наискуднейшую ботанику! Кто слетел с лестницы по перилам и едва не сшиб с ног учительницу? Я. Да в общем-то я и не отпираюсь. Но разве они не должны смотреть, куда идут?»

Нина всё читала и читала. И чем дальше читала, тем больше раскрывался перед ней образ Вали. Не прабабушки – нет, а именно девчонки Вали, шаловливой, весёлой, смелой и жизнерадостной. И казалось уже, что не бабушка, а сама Валя дала ей эту тетрадку, потому что хотела поделиться своими впечатлениями.

«8 июня 1941 года

Вчера ночью встала я по неотложному делу и вышла из спальни. Возвращаюсь и тихонько, чтобы не разбудить девочек, пробираюсь к своей кровати. Надо сказать, что в нашем помещении ночью темно, только луна в окно светит, а я была одета в длинную белую ночную рубашку. Так вот, прохожу я мимо кровати Тани Звягиной, и вдруг на меня обрушивается струя воды. От неожиданности я остолбенела. Но только на мгновение. В следующую секунду я схватила Таню за плечи (она бормотала что-то себе под нос, наверное, заклинания) и прошипела сквозь зубы:

– Ты что, совсем, что ли?!

Она как завизжит, как вырвется и – бегом от меня через окно. Я за ней. Мы промчались по аллее, пересекли спортплощадку, выскочили к столовой... И тут я её догнала. Прижала к стене столовой и наставила на неё палец как пистолет. Таня очнулась и стала умолять её не убивать. Я пообещала, что не буду, если она объяснит мне свою глупую выходку. Таня объяснила мне, что, оказывается, она читала перед сном историю о принцессе, которую заморили голодом в старой башне за то, что она отказалась выйти замуж за нелюбимого, и теперь, увидев меня, она подумала, будто призрак этой принцессы явился к ней. А так как она читала однажды в книжке, что если на призрак брызнуть водой, он исчезнет, то она и вылила на меня стакан воды. Я, едва сдерживаясь от смеха, сказала Тане, что меньше надо читать всякую ерунду, особенно на ночь. Я попросила ответить, откуда она вообще нахваталась всей этой волшебной ерунды. И она мне рассказала. Не буду писать здесь, что именно. Но мне после этого стало её ужасно жалко. Я сразу вспомнила родителей. И подумала, что, когда будет родительский день, они обязательно приедут в лагерь. И к другим ребятам тоже приедут, если не родители, то бабушки-дедушки. А к Тане не приедет никто. Потому что... В общем, я обняла её, пообещала, что никому не расскажу о её тайне, а она пообещала, что больше не будет верить в привидения. Вернее, постарается не верить. И мы пошли спать».

Нина бережно перевернула очередную потёртую страничку старой тетради.

«10 июня 1941 года

Сегодня у нас был вечер художественной самодеятельности на лесной поляне у костра. И каждый должен был продемонстрировать то, что умеет. А что я умею? Ничего особенного. Петь, как Нина Белкина, не умею, танцевать, как Зина Смирнова, не умею. Кстати, Владька Деревягин так здорово плясал и пел под гитару, что я ахнула. Даже Таня Звягина выкинула номер. Встала и прочитала всем очень смешные стихи собственного сочинения про то, как домовый в школе поселился, и мы от души посмеялись. А когда дошла очередь до меня, я решила сделать вот что.

Недалеко от того места, где мы сидели, был обвраг, через него на ту сторону перекинута дерево. Я встала, раскинула руки в стороны и осторожно пошла по этому дереву, будто канатоходец. Я была ко всем спиной, но почувствовала, что все вскочили и не отрываясь смотрят на меня. А когда я вернулась, Владька первым подал мне руку.

11 июня 1941 года

Наконец-то Ксюша вернулась в отряд! И очень кстати, потому что скоро родительский день.

В преддверии родительского дня у нас проходят разные соревнования. Например, вчера у нас были соревнования по ориентированию. Не хочу хвастаться, но эти соревнования наш отряд выиграл исключительно благодаря мне. Потому что Лёшка Сомов, которого изначально назначили командиром, плохо ориентируется на местности и совсем не может читать карту, хотя хочет стать лётчиком. Привёл нас не к месту назначения, а неизвестно куда. Владька вызвался ему помочь, но только ещё больше отряд запутал. Главное, сам ничего не знает, а мне карту не даёт. Говорит, что он, как будущий офицер, сам обязан вывести прекрасных барышень из ловушки. Лучше бы он этого не говорил! Потому что тут же получил от меня как следует. Я, конечно, знаю, что драться нехорошо, особенно пионерам. Но когда меня называют «барышней», я просто зверею и не отвечаю за себя.

В общем, мы с ним крупно поссорились. Однако уже сегодня я поняла, что он всё-таки настоящий офицер! Сегодня каждый отряд должен был сконструировать свою модель самолёта, причём с расчётом, чтобы она в итоге оказалась самой первой по дальности полёта и высоте. Все вожатые бросились тут же помогать своим отрядам, а Витя заявил, чтобы мы всё делали сами. Он вообще-то давно уже приучает нас к самостоятельности. Но тут мы растерялись и даже разозлились на него. Вскоре наши мальчики взялись за дело. Владька работал в этот раз слаженно и хорошо и всё поглядывал на меня, видимо, ждал, что я его похвалю. Но я хранила холодное равнодушие. Конечно, оказалось, что наша модель куда скромнее остальных, ведь мы всё делали сами. Мало того, нашу модель почему-то поставили самой последней в списке участников. Мы приуныли. Владька сказал:

– Ничего! Судьи ведь смотрят не только на красоту, но и на дальность полёта и высоту. Не горюйте, милые ба... – он хотел сказать «барышни», но запнулся, кашлянул и, быстро взглянув на меня, закончил: – Девочки!

Когда Владька запустил наш самолёт, мы всем отрядом побежали за ним. Мы всё бежали и бежали и уже устали бежать, а самолёт всё летел и летел. Когда он наконец приземлился, и мы, подняв его, вернулись на старт, то услышали, что наш самолёт установил новый рекорд. И поняли, что победили. Тогда я улыбнулась Владьке и сказала:

– Ладно, мир!

И мы крепко пожали друг другу руки.

14 июня 1941 года

Сегодня на вечерней линейке старший пионервожатый долго хвалил наш отряд. И вообще, наш отряд теперь всё больше и больше хвалят. Но это не главное. Главное, что совсем скоро – завтра – родительский день. Я очень соскучилась по маме с папой, и мне не терпится им показать всё, что мы для них приготовили. А приготовили мы много. Весь лагерь флажками и цветами украсили, над входом повесили плакат с надписью: «Добро пожаловать!», сценку разучили, выпустили внеочередную стенгазету. Будет большой праздник.

15 июня 1941 года

Ура! Сегодня родительский день! Родители привезли нам множество всяких сладостей, а мы для них устроили концерт. Лично моему папе больше всего понравилась наша праздничная стенгазета.

Пока я обнималась и целовалась с мамой, папа обратил внимание на Таню Звягину, которая одиноко стояла недалеко от нас. Я видела, как он подошёл к ней и, прежде чем я успела остановиться, спросил, почему она стоит здесь одна и где её родители. Бедная Таня! Она страшно смутилась, опустила глаза и сказала, что у неё нет родителей. Они погибли в автокатастрофе. Папа смутился едва ли не больше Тани и попросил у неё прощения. Она вдруг заплакала. Тут уж мы все вместе стали её утешать. Папа старался больше всех. Он даже показал Тане театр теней, отчего она пришла в восторг и сказала, что мой папа – настоящий волшебник.

А потом мы побежали танцевать русские народные...

И я страшно устала, так как меня приглашали танцевать решительно все мальчишки, и не только из нашего отряда. Наверное, им очень нравились мои родители, потому что папа у меня – самый весёлый на всём белом свете. А мама – самая красивая».

Тикали часы на стене. Маленькая стрелка уже подбиралась к девяти, но Нина не замечала времени. Она читала.

«16 июня 1941 года»

Я поняла, что Владька ко мне совсем не равнодушен. Потому что, когда мы играли в «красных» и «белых», он подговорил Димку Сотникова, который был «белым», швырнуть «пулю» именно в меня, а потом сам же бросился меня спасать. Вот тоже мне, герой нашёлся! А поиграли мы здорово! Так заигрались, что не услышали сигнала на вечернее построение. Очнулись, только когда Витя нас «встрянул». Он был на нас очень сердит, и я его понимаю. Ему ведь надо за каждого отсутствующего отвечать перед старшим пионервожатым. А вообще, мне кажется, что, когда у человека каникулы, он может делать всё, что ему вздумается и когда вздумается. А не спешить каждый раз ко времени, будто в армии.

20 июня 1941 года»

Скоро нас ждёт закрытие смены и прощальный костёр. Но об этом думать не хочется».

«Конечно, не хочется – подумала Нина с улыбкой, – кому же хочется расставаться с друзьями, тем более когда их так много». Она хотела было уже перевернуть следующую страницу, как вдруг заметила между страницами фотографию. Она была старенькая, чёрно-белая, но, судя по запечатлённому кадру, тёплая и живая. И эта теплота очень ярко показывала ту радость и даже торжество, которое испытывали заснятые на фото ребята. Они расположились в три ряда на открытой площадке. Все с пионерскими галстуками, в белых рубашках, девочки в юбках, мальчики в шортах. Они смеялись. Нина сразу поняла, в честь чего была сделана фотография. И сразу догадалась, где на этой фотографии Валя: они были очень похожи. Валя сидела на корточках в середине первого ряда. Она широко улыбалась, весёлые глаза её сияли, левой рукой она обнимала за плечи девочку, очевидно, Ксюшу, а правой – мальчика, наверное, Владьку. А перед ними стояла большая белокрылая модель красивого самолёта.

Было видно, что Валя на фотографии была тех же лет, что и Нина сейчас. Потому что прочно врезался Нине в память этот образ юной Валентины.

«Я знаю, как тяжело делать всё в последний раз, – писала Валя, – в последний раз в это тёплое воскресное утро протрубили горнисты «подъ-

ём», мы устроили заключительные соревнования, накупались в море. Перетащали на лесную поляну собранные в лесу ветки для костра, помыли целую гору картошки, тщательно убрали весь лагерь. Вечером прошла торжественная линейка, на которой вынесли знамя и торжественным маршем пронесли его вдоль строя. Начальник лагеря долго и проникновенно говорил нам о дружбе, о преданности Родине, о любви к ней, о нашем светлом будущем. Всё это мы в течение смены уже слышали от Вити, но теперь прислушивались с особым вниманием, ловили каждое слово. А когда из уст начальника лагеря прозвучал призыв: «Пионеры! К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы!» – множество рук взметнулось над головами в пионерском салюте, и множество голосов разом ответили: «Всегда готовы!». Лёгкий ветерок играл алыми языками пионерских галстуков и пытался подхватить слегка прикишее к земле полотнище знамени.

Я знаю, как тяжело расставаться с друзьями. Но ведь если мы уж очень сильно соскучимся, можно послать друг другу письма с приглашением приехать в гости. Мы с Ксюшей договорились, что так и сделаем. Владька тут же сказал, что я и его должна пригласить, так как благовоспитанные барышни всегда приглашают в гости своих кавалеров. Я ответила ему, что обязательно приглашу, только сначала хорошенько врежу ему по носу. Мы ещё долго смеялись, сидя всем лагерем вокруг большого, ярко пылающего, разбрасывающего огненные искры костра. Пели, танцевали, вспоминали победы и поражения, просто смешные случаи, произошедшие за смену. Это был единственный день, когда можно было не ложиться спать в девять вечера, а сидеть до полуночи. И вдруг мы все разом смолкли, потому что к костру подошёл начальник лагеря. Он был, как всегда, строгий, подтянутый. Только шрам почему-то ярче выделялся на его загорелом лице. И в глазах у него почему-то была тревога. Не понимая, что произошло, мы принялись перешёптываться между собой.

– Тише, дети, тише! – сказал начальник лагеря. – Послушайте! Случилась большая беда. Сегодня утром в стране началась война. На Советский Союз напала Германия, и сейчас фашистские самолёты бомбят наши города и сёла, гибнут советские люди.

Мы замерли. Мы ждали чего угодно, но только не этого. Я сначала даже не совсем поняла, что он сказал. Как война? Какая война? Зачем? Почему? Только что, секунду назад, всё было так хорошо, спокойно, весело! И вдруг... С минуту стояла мёртвая тишина. Потом у некоторых, в том числе и вожатых, и воспитателей навернулись слёзы на глазах. Таня Звягина, прижавшись ко мне, заплакала. Я, будучи не в силах прийти в себя, обняла её и встретила глазами с Ксюшей. Она не плакала, но была бледная как полотно и всё шептала: «Мамочка моя, мамочка!». Сердце у меня замерло, зазвенело в ушах, дыхание перехватило. Молнией пронеслась в голове мысль: «Моя мама, папа мой! Что там с ними сейчас?!»

Через какое-то время опять раздался командный голос начальника лагеря:

– Ребята, далеко от своих палаток не отходить! Это нужно для того, чтобы не тратить время на поиски тех ребят, к которым смогут быстро приехать родители. Пионервожатым и воспитателям проконтролировать соблюдение дисциплины!

А прощальный костёр горел по-прежнему ярко и беззаботно. И летели вокруг него весёлые оранжевые искорки. И мне вдруг подумалось, что вместе с этими искорками улетает от меня и от всех нас наше безоблачное, счастливое детство. Мне вдруг подумалось, что ещё никогда, ни разу в жизни костёр не был для меня прощальным по-настоящему».

Это была последняя запись. 22 июня 1941 года.

Нина медленно и осторожно закрыла тетрадь. По спине у неё пробежал холодок, в глазах защипало. Она долго смотрела в окно, о чём-то думала и не заметила, как в комнату вошла бабушка.

– Прочитала? – спросила бабушка, подсаживаясь к ней.

– А? Да... Да, прочитала... Бабушка, а дальше? Ты знаешь, что было дальше, бабушка?

– Дальше, как ты уже поняла, началась война, – бабушка вздохнула, – мама не любила мне рассказывать о себе. А о войне особенно. И я, наверное, так никогда и не узнала бы всех подробностей, если бы, будучи ещё школьницей, не поехала однажды в гости к дедушке, маминому отцу.

Дедушка встретил меня радостно. Поцеловал и повёл к своему дому. Он рассказал мне, что раньше здесь было большое село, но постепенно оно стало застраиваться разными домами, магазинами, школами, кинотеатрами, и село превратилось в город. Однако его район остался таким же тихим и зелёным, каким был раньше, даже деревянные дома сохранились. И множество больших раскидистых лип и густых кустов сирени. Едва только мы пришли в этот самый район, как нас толпой окружили ребята. Все они были в обычной летней одежде, но на шее у каждого из них был пионерский галстук. И у меня он тоже был.

– Здравствуйте, Алексей Степанович! – кричали ребята наперебой и тут же обратили внимание на меня. – А это Наташа? Здравствуй, Наташа! Мама с тобой не приехала?

– Нет, она работает.

– Очень, очень жаль!

«Откуда они знают меня? – думала я с удивлением. – И мою маму откуда знают?»

– Алексей Степанович, можно мы Наташу прямо сейчас уведём? Иван Семёнович ждёт её.

– Подождите, ребята. Наташа с дороги, устала, наверное, отдохнуть надо, покушать...

– Я не хочу есть, дедушка. Меня мама хорошо накормила и в поезд бутерброды дала.

– Да? Ну, тогда идите.

И ребята, увлекая меня за собой, побежали куда-то по длинной, поросшей травой дороге. Они успели рассказать мне, что Иван Семёнович, бывший учитель по труду, работавший когда-то у них в школе, рассказывал, что во время войны их село – а тогда ещё это было село – оккупировали фашисты, и Иван Семёнович ушёл в лес, в партизанский отряд. И вот в этом отряде была пионерка – разведчица Валя Стрельцова. Каждый пионер в городе знает её имя. Знает, какую трудную жизнь пришлось ей прожить и что было сделано этой пионеркой в годы войны ради освобождения от захватчиков родного села. Под видом обычной мирной девочки-селянки Валя следила за каждым движением фашистов и, благодаря прекрасному знанию немецкого языка, ежеминутно рискуя жизнью, добывала важные сведения, передавала их партизанам, участвовала в боевых операциях.

– А при чём тут я, ребята? Я ведь не Валя.

– Но ведь Валя – это твоя мама! Ты разве не знала?

– Как?! Моя мама?! Не может быть!

Я действительно была очень удивлена. Неужели Валя Стрельцова – моя мама? Так вот почему здесь её так любят и ждут! Я невольно выпрямилась, почувствовав гордость. Но почему она мне ничего не рассказывала?

– Пионеры! К защите Родины будьте готовы!

Я вздрогнула, подняла руку в салюте и громко со всеми ответила:

– Всегда готовы!

И только сейчас увидела, что стоим мы в маленькой, уютно обставленной комнате с деревянными стенами, а прямо на меня смотрит высокий, довольно пожилой человек с открытым взглядом тёмно-серых глаз, лицом, избородённым шрамами, и седыми поредевшими курчавыми волосами. Смотрит и ласково улыбается.

– Здравствуй, Наташа!

– Здравствуйте... Иван Семёнович!

– Ишь ты, правильно угадала! Молодец! А как похожа-то, а? Вылитая Валя!

И он засмеялся, положив руку мне на плечо. А потом вдруг разом сделался серьёзным и, глядя куда-то вдаль, задумчиво проговорил:

– Да... Помню я, как Валя вот так же стояла тогда передо мной. Вот здесь, в этом самом доме. И так же, как ты теперь, смотрела на меня... Впрочем, нет. Не так. Она тогда была взлохмаченная, бледная, в лице ни кровинки, а глаза у неё так жутко горели, что я боялся в них смотреть. Она сказала мне тогда: «Дядя Ваня, а я, между прочим, отличница. Немецкий язык хорошо знаю. Вы слышите меня?». «Да, – не понимая её намёка, растерянно откликнулся я, – молодец, очень хорошо!». «Хорошо? – она нервно рассмеялась. – Нет, дядя Ваня, вы меня за дурочку не принимайте. Не такое сейчас время, чтобы пятёрочками в дневнике хвастать. Вот если бы на практике моё умение показать. А, дядь Вань? Может быть, сгложусь я вам в роли разведчика?».

ГЛАВА 4

Было ясное весеннее утро. Вернее, оно ещё только начиналось. Валя лежала в кровати, закутавшись в одеяло, и глядела в окно. Мама ещё спала, а она уже проснулась. Ей было холодно, хотелось есть, во всём теле чувствовалась слабость. Мама говорила, что это от тяжёлой физической работы. Что ж, может быть. Ведь Валя вместе с мамой и односельчанами каждый день работала в поле. Весной и летом все занимались посевом яровых, сажали картошку, свёклу, сено косили. Летом и осенью выкапывали корнеплоды. Зимой на лошадях и быках вывозили сено с лугов и навоз на поля. И всю эту работу выполняли женщины и дети. Да ещё помогал дядя Ваня, работавший до войны агрономом, высокий, худой, зрелого возраста человек с добрыми серыми глазами и густой курчавой шевелюрой. Был он на вид хрупкого телосложения, но помощь от него была большая, даже очень. Постепенно Валя привыкла к такой работе, хотя было очень тяжело. Зато как приятно было думать, что выросший из посеянных семян хлеб будет отправлен на фронт отцу и другим бойцам нашей армии. И не только хлеб. Выращенные овощи и фрукты тоже. Кроме того, женщины, в том числе и Валя, вязали солдатам на зиму носки, варежки, тёплые шарфы, шили кисеты. Валя с мамой на кисетах всегда вышивала надпись: «Дорогому бойцу» – и думала о папе. Одним словом, жители села, да и всей страны, делали всё для фронта, для победы.

Часто во время работы вспоминала Валя пионерский лагерь, друзей, вожатого Витю. А ещё чаще вспоминала прощание с отцом. Он уходил на фронт на следующий день после приезда Вали из лагеря. Перед уходом он долго и нежно целовал заплаканную маму и что-то горячо и ласково ей

шептал. Потом подошёл к Вале. Прижал к себе крепко-крепко. Валя уткнулась лицом ему в грудь и замерла. Он сказал тихо: «До свидания, доченька. Помни, что я люблю тебя больше всех на свете». Сердце Вали больно сжалось, на глазах выступили слёзы. Она не знала, что сказать отцу. Она не представляла, как можно отпустить от себя его – дорогого, бесконечно любимого. И куда отпустить! На фронт! К врагам, в огонь, под пули! На смерть! Папа будто услышал Валины мысли: «Не бойся, я обязательно вернусь. Вернусь, как только прогоним фашистов. Мы ещё встретимся с тобой, вот увидишь! Ну, до свидания!» Он поцеловал Валю и, не оборачиваясь, пошёл прочь. То ли было ещё слишком рано, то ли воспоминания убаюкали, но глаза Вали сами собой закрылись, и она, укрывшись одеялом, провалилась в крепкий утренний сон.

Проснулась она неожиданно вместе с мамой. Их обеих разбудили грохот снарядов и крики. Они вскочили, ничего не понимая. Мама первая пришла в себя.

– Быстрее в укрытие! Нас бомбят!

Они выскочили на улицу и побежали. Бежали в толпе вместе со всем народом. Над головой у них гремело и гудело так, что казалось, небо, затянутое пылью и чёрным дымом, готово обрушиться на землю. Кругом раздавались вопли и стоны. Валя бежала рядом с мамой, и та крепко держала её за руку. Внезапно мама выпустила Валину руку из своей руки и упала. Валя, вскрикнув от неожиданности и испуга, наклонилась над мамой, чтобы помочь ей подняться, но мама не шевелилась и продолжала неподвижно лежать на спине. Кто-то вдруг крепко схватил Валю за руку и увлёк за собой.

– Отпустите меня! Отпустите! – кричала Валя, пытаясь вырваться. – Там моя мама! Отпустите!

Но её не отпускали. А вскоре она оказалась в погребе, который уже был до отказа набит людьми. Валя немного пришла в себя и узнала схватившего её человека. Это был дядя Ваня.

– Почему вы не отпустили меня к маме! – гневно кричала Валя. – Ведь она погибнет!

Дядя Ваня не ответил ей, только крепче прижал к себе. Неожиданно всё стихло. Видимо, обстрел закончился. Некоторое время стояла тишина, и вдруг её разорвал оглушительный взрыв. Затем опять тишина. И опять взрыв. Всё ближе, ближе к тому месту, где укрылась Валя с дядей Ваней. Это фашисты хозяйничали и развлекались в селе. Без особого труда преодолев сопротивление нашего малочисленного отряда, они, проходя по селу, открывали на выбор любой погреб и швыряли в спрятавшихся там, перепуганных насмерть, несчастных людей гранаты. Ни Валя, ни дядя Ваня, ни сидевшие в погребе люди этого не знали и видеть не могли. Они просто слушали приближающиеся взрывы и, замерев, ждали. Некоторые молились. Валя уже не кричала, не вырывалась. Она поняла, что маму больше никогда не увидит. Она поняла, что то страшное, непоправимое, что случилось с мамой, сейчас накроет их всех. Каждой клеткой тела, каждым натянутым до предела нервом она ощущала, как медленно и неотвратно на них надвигается смерть.

Вот наверху у них над головой послышались шаги. Твёрдые, уверенные. Валя закусил губу и сжалась. Сердце заколотилось где-то в горле. Она сейчас ни о чём не думала, ничего не представляла. Просто ждала. Взгляды их с дядей Ваней встретились. Он тоже сидел и ждал. Вдруг он прижал к себе её голову и прошептал:

– Если закроешь глаза, страшно не будет.

Но Валя глаз не закрыла. Вот прошла минута... Две... Шаги удалились. Взрывы больше не повторялись.

– Господи, неужели пронесло? – дрожащим голосом прошептала одна из женщин.

И Валя тоже подумала: «Неужели пронесло?». И дядя Ваня едва заметно улыбнулся ей: «Пронесло! Мы остались живы!». Медленно один за другим люди стали покидать погреб. Валя вылезла, вздохнула полной грудью. Дядя Ваня оказался рядом, положил ей руку на плечо и сказал:

– Да, всё-таки жить хорошо! Знаешь, давай-ка я тебя к себе заберу, а?

– Нет... – ответила она шёпотом, ощущая, как слабеют ноги, а в сердце, которое только что переполняла радость жизни, закрадывается серая, щемящая до боли пустота, – нет, не надо... Я сама буду... У меня огород есть...

Она знала, что сама должна теперь выживать. Она не хотела быть дяде Ване обузой. Тем более что дом её во время бомбёжки каким-то чудом уцелел, и немцы его не заняли, и огород у неё действительно имелся.

Добрые люди помогли похоронить маму. На похоронах Валя не плакала. Просто стояла и смотрела на мамино бледное, совершенно незнакомое лицо с плотно закрытыми глазами. Ей казалось, будто это сон. Просто какой-то тяжёлый, кошмарный сон. А когда пришла домой – рыдалась. Она даже не рыдала, а выла, не от жалости к себе – от безысходности. Руки у неё тряслись, зубы стучали, тело била крупная дрожь. Она вдруг дико и жутко закричала:

– Мамочка! Мамочка моя!

И тут же появившийся невесть откуда дядя Ваня осторожно прикрыл ей рот рукой:

– Тихо! Тихо, тихо, не кричи! Немцы услышат!

– Мамочка... Мама...

– Ну, всё, всё, моя хорошая! Тихо!

И он нежно и осторожно прижал её к себе.

Уходя он ещё раз спросил, не хочет ли Валя пожить у него. Валя отказалась.

Очень тяжело было Вале, особенно по ночам. Одна в пустом тёмном доме лежала она на кровати и вздрагивала каждый раз, когда с улицы доносилась до неё грубая немецкая речь. Лежала и думала, что ей теперь делать? Как жить? Одной, без родных, среди врагов. Лучше бы она погибла тогда при бомбёжке вместе с мамой! А когда, убаюканная тиканьем ходиков, она наконец засыпала, ей снилась мама, будто она обнимает Валу и целует, и так хорошо становилось, как по-настоящему. Просыпалась, а её нет.

Пустота давила и уничтожала. Да, до сих пор Валя и не представляла себе толком, что такое война. Конечно, они с мамой переживали за папу, который ушёл на фронт. Ждали от него весточек, голодали, но всё-таки это было совсем не то, что сейчас. Тогда мама была жива. При воспоминании о маме, даже если мысленно она произносила это слово, слёзы сами собой лились из её глаз. Весь ужас теперешнего положения невыносимо давил на Валу, и ей хотелось умереть.

Сколько времени у неё продолжалось такое подавленное состояние, Валя не знала. Только однажды её будто толкнуло что-то. Она вскочила с кровати и взглянула на стену, где в узорчатой деревянной рамке висела фотография отца. Он стоял в полный рост, в красивой светлой рубашке, подаренной ему мамой в день рождения, и тёмных брюках. Стоял здесь, в комнате, смотрел на Валу и улыбался. А теперь, как ей казалось, улыбки не было, взгляд его был строгим, даже осуждающим. Валя ахнула. Батюшки! Что же это такое происходит! Враги маму убили. Папа там, на фронте, насмерть бьётся с фашиста-

ми, а она, его дочь, сидит на кровати сложа руки и сырость разводит! Разве так можно, когда враг на нашей земле? Разве зря начальник пионерского лагеря так много говорил им про верность и любовь к Родине? Нет, не зря. Совсем не зря. Надо что-то делать... Ну, а чем она, девочка, может помочь фронту?

Валя, слегка приоткрыв занавеску, посмотрела в окно. Немцы стояли кучкой около занятого ими соседского дома и о чём-то оживлённо переговаривались. Валя прислушалась. Она только сейчас вспомнила, что хорошо немецкий язык знает.

Так разве не может она теперь применить свои знания в по-настоящему полезном деле? Тайно выznавать у немцев их планы и сообщать их тому же дяде Ване? Тем более что её дом находится на главной улице села, почти рядом со зданием сельсовета, где немцы разместили комендатуру. А уж дядя Ваня знает, кому передать и что делать с этими сведениями!

Дядя Ваня выслушал Валю внимательно и покачал головой.

– Нет, Валюша, так у нас дело не пойдёт! Не детское это дело – заниматься разведкой.

– Так я ведь уже не ребёнок.

– Всё равно – не пойдёт!

– Ах, так! – Глаза Вали сверкнули огнём, а сама она побледнела. – А для чего я тогда клятву давала перед знаменем, когда меня в пионеры принимали? Для чего, а? Что это, по-вашему? Пустые слова? Или раз пришли эти гады – фашисты, так я уже и не пионер?

– Послушай, Валя! Я ещё раз тебе говорю: не детское это дело! Не выдумывай! И про пионерские свои штучки забудь!

– Что?! Да я никогда... Никогда...

Вмиг перед глазами у Вали пронеслись лагерь, линейка, весёлые соревнования, море, вожатый Витя, начальник лагеря со шрамом на щеке... «Любите Родину, ребята! Помните: вы часть этой большой и великой страны! Вы – её будущее!» Нет, нет и ещё раз нет! Не станет она отсиживаться в уголке! Не позволит она фашистским гадам родную Советскую землю топтать! Защищать Отечество – долг каждого пионера! И прежде чем дядя Ваня успел её остановить, она вытащила из-под рубашки свой красный галстук и громко, чётко проговорила:

– К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы!

И сама же ответила, подняв вверх правую руку:

– Всегда готовы!

Теперь побледнеть пришлось дяде Ване.

– Никогда не произноси эти слова! Слышишь? Нельзя! Застрелят на месте. И галстук свой спрячь... Да смотри, чтоб не выглянул где-нибудь в разведке. И себя подведёшь, и наш отряд... Ну, ступай. Помни, что просто так, где-нибудь на улице, немцы не будут распространяться о важных делах. Держись поближе к комендатуре. Тем более ты там рядом живёшь. Наблюдай, слушай, запоминай. Ты всегда должна быть начеку. А главное, – тут он взял её за плечи и по-отчески ласково заглянул Вале в глаза, – главное, Валюша, будь осторожна. Поймают – убьют.

– Есть быть осторожной! – отдав салют, ответила Валя и впервые за всё время после гибели матери улыбнулась.

Так началась Валина работа. Конечно, она не маячила всё время у комендатуры. Этим она легко могла вызвать подозрение нацистов. Но что бы она ни делала, чем бы ни занималась, её внимание постоянно было приковано к фашистам и к дому с комендатурой.

ГЛАВА 5

Первая удачная разведка была произведена как-то утром. Валя проснулась очень рано, ещё только начинало светать. Утренние лучи солнца медленно разгоняли сумрак ночи. С улицы доносились шум автомобильного мотора и голоса немцев. Валя, немного отодвинув шторку, осторожно выглянула из окна и увидела покрытые брезентом грузовики, около которых прохаживались часовые. Стараясь, чтобы часовые её не заметили, стала наблюдать и вслушиваться в их разговор. Внимательно разглядывала прибывающие машины. В них под брезентом – по силуэту было видно – находились пушки.

Из разговора ей стало ясно, что поедут они на укрытый от постороннего взгляда военный объект где-то в лесу. Это было как раз то, что надо! Валентина тихонько вышла из дома. Передвигаясь в утреннем тумане, она на секунду ловко и почти бесшумно затаилась в кустах разросшейся душистой сирени, а затем, выждав момент, когда часовой отвернулся и пошёл вдоль машины, тенью прошмыгнула к кузову ближнего к ней грузовика. Убедившись, что её никто не видит, мгновенно забралась в него под брезент. Едва она успела запрыгнуть, как машина зафырчала и плавно тронулась с места.

В кузове было совершенно темно и тесно, но брезент надёжно скрывал Валу от глаз фашистов, а дорога была ровная и гладкая. В общем, всё шло как по маслу, и Валя была очень довольна собой. Вдруг над головой у неё загремело, где-то сбоку раздался взрыв, затем ещё один. В небе завывали, загудели самолёты.

Колонна грузовиков ехала по мосту, заметно набирая скорость. И чем быстрее она ехала, тем ожесточённее становился обстрел. Осколок одного из снарядов порвал брезент в заднем борту грузовика, в котором находилась Валя. Два других снаряда угодили в середину колонны. Немцы неистовствовали, теряя машины с оружием. «Молодцы! Молодцы наши!» – торжествовала Валя, забывая в эту минуту, что сама же может погибнуть.

Затрещали автоматы. Она вжалась в стенку кузова и замерла. Что-то ухнуло совсем рядом с грузовиком. Он стал притормаживать, петлять. Его начало заносить и кидать. Протаранив ограждение моста, грузовик сильно покачнулся, накренился, и некоторое время балансировал на самом краю моста. Несмотря на ужас ситуации, у Вали хватило ума сообразить, что если сейчас грузовик рухнет вниз вместе с пушкой, от неё и мокрого места не останется. Она, затаив дыхание, очень осторожно встала и выпрыгнула из кузова на земляную насыпь, ощутив при этом сильный удар. А грузовик в то же мгновение рухнул в реку вместе с оружием. Несмотря на боль, Валентина почувствовала радость. Ага, получили! Так вам и надо! Спрятавшись в ивовых кустах около наполовину развалившегося моста, Валентина ощутила себя. Цела, лишь немного поранила руку. Она рассчитывала сейчас хоть немного прийти в себя, передохнуть. Но не тут-то было! Вновь послышались выстрелы, грохот взрывов и крики. Это кричали немцы. Собрав последние силы, Валя вскочила и побежала в лес. Там укрыться было легче. Она бежала долго, подгоняемая громом выстрелов, а когда силы совсем оставили её, упала на траву возле ствола какого-то дерева. Всё тело у неё болело, в голове шумело. «Всё, – подумала она, – не могу больше». И тут же удивлённо прервала себя: «А что я сделала сегодня? Ничего! Ровным счётом ничего! Разведка провалилась, а значит, придётся идти к дяде Ване ни с чем. Эх!»

Выстрелы наконец стихли. Кругом стояла тишина, только листья деревьев, сквозь которые пробивались жаркие солнечные лучи, тихонько шеле-

стели на ветру. Валентина села, огляделась вокруг и вдруг вспомнила. Ведь секретный объект, к которому направлялись немцы, находился в лесу. Они сами это сказали. И дорога, по которой они ехали, вела именно сюда. Значит, не всё ещё потеряно! Надо только хорошенько поискать. Валя встала и решительно двинулась вперёд. Шла она довольно долго. Громадный лес был пронизан солнцем от верхушек деревьев до самой земли. Тишина кругом. Даже не верилось, что сейчас война и что она несколько часов назад чуть не погибла. Валентина долгое время пробиралась сквозь лес, плутала по лесным узким извилистым тропам. Но эти поиски были безрезультатны. Уставшая, не зная, где искать и что думать, она вдруг неожиданно вышла на широкую, освещённую солнцем вырубку и почти сразу увидела то, что искала. На правой стороне вырубки лежала длинная тень от пушки. Чуть в стороне ещё одна. А вскоре Валя увидела танк. Он стоял в окопе, покрытый маскировочной сеткой. На земляной насыпи стоял часовой с автоматом. Этим автоматом он водил из стороны в сторону, зорко поглядывая вокруг. Валентина поспешно присела и, спрятавшись в кустах, затаилась. Всё. Дело было в шляпе! И она незаметно скрылась, словно растворилась среди деревьев.

Когда Валентина возвратилась к дяде Ване и рассказала о произведённой разведке, он весь прямо просиял. Долго хвалил её и всё говорил, что вот теперь немцы попляшут! Вечером он ушёл в лес, к партизанам. Ночью сквозь сон Валя слышала далёкий гул бомбёжки, но продолжала спать так же спокойно и невозмутимо, потому что уже давно привыкла к этому.

Дядя Ваня вернулся от партизан глубокой ночью, а утром с радостью объяснил Вале, по какому поводу была бомбёжка. Это наши советские самолёты, используя данные Валиной разведки, бомбили немецкий объект, приводили в негодность военную технику, а затем быстро один за другим исчезали в темноте ночи.

Таким образом, разведка увенчалась успехом. Этот успех ободрил Валю, придал ей сил, и она стала с нетерпением ожидать следующего подходящего случая. Горячее желание действовать било из неё ключом. Спустя некоторое время этот случай представился.

Был тихий тёплый летний вечер. На село опускались сумерки. Свежий воздух потоком лился в раскрытое окно дома. Валя сидела за столом и ужинала. Ужин её состоял из вкусной хрустящей жареной картошки с огорода, которую она сама же зажарила в печке, огурца и кипятка с маленьким кусочком серого горьковатого хлеба, испечённого с добавлением свекольного жмыха. Она ела долго, с аппетитом и осторожно поглядывала в окно, из которого просматривалось здание комендатуры: нет ли какого-нибудь дополнительного движения на территории? Не затевают ли чего фашисты? По имеющимся сведениям, немцы готовятся к наступлению на Керчь. Свет она не зажигала, чтобы её не увидели с улицы.

Движения не было, но возле комендатуры стояла легковая машина, на которой обычно ездили офицеры, а в окне комендатуры, которое прежде было тёмным, вспыхнул свет, и Валя ясно увидела, как в кабинет вошли офицеры и стали о чём-то рассуждать у карты, висевшей на стене. Может, что-то удастся услышать и выяснить. Валя стремглав выскользнула из дома, быстро прошмыгнула по тропинке и спряталась в гуще кустов. Разросшиеся кусты образовали живую изгородь между тропинкой и территорией комендатуры. Как раз в это время два офицера, которых Валя видела в кабинете, вышли во двор комендатуры покурить и, понизив голоса, стали переговариваться между собой. Судя по тихим голосам и отрывистым фразам, говорили о чём-то важном. Валя вся обратилась в слух.

Она сумела извлечь главное из их короткого разговора. Немцы действительно собирались передавать своему командованию важные сведения по Керчи. При слове «Керчь» Валя сразу вспомнила яркое солнце, море, плывущих дельфинов и весёлых подруг... И сделалось ей так больно, такая лютая ненависть вспыхнула к врагам, что она едва не закричала: «Вот вы куда метите, гады! Не выйдет! Не получит никаких сведений ваше командование!»

А почему не получит? Кто помешает? Партизаны? Но Валя не успеет им ничего сообщить. Значит, надо действовать самой. Прежде всего надо понять, каким образом фашисты хотят сообщить эти сведения. Ехать они явно никуда не собираются. Следовательно, передадут по радиостанции, а это значит... Валя живо представила себе приёмник с множеством проводов, кнопок, шнур с телефонной трубкой. Вот этот шнур с трубкой и надо отрезать от аппарата. Перерезать провод, и всё.

Да, но как проникнуть в комендатуру? Ведь радиостанция находится там, а комендатура полна фашистов. Неужели ничего не получится?

В тот самый момент, когда Валя была уже почти в отчаянии, в небе вдруг послышался гул самолётов. Вот он всё ближе, ближе. И вот уже гул, грохот и свист слились воедино. Советские самолёты бомбили расположенные неподалёку немецкие склады и казармы. Хмурое Валино лицо осветилось улыбкой, сердце преисполнилось радостью, а в голове моментально родился план. Советские лётчики – вот кто её прикроет! Вот кто поможет ей!

Валя некоторое время с удовольствием следила за возникшим замешательством фашистов. Она видела, как запылала конюшня, и фашисты поспешно выводили из неё лошадей, тех, которых удалось спасти из пожара. Некоторые из немцев, схватив пистолеты, выскочили на улицу и куда-то побежали, другие скрылись в подвале комендатуры. Остался только один часовой. Но на него Вале уже было наплевать. Воспользовавшись всеобщей паникой, скрытая от нацистов стеной огня, разрывавшихся снарядов и дыма, она подползла к росшему прямо у окон комендатуры дереву. Влезла по стволу к открытому окну, с ветки осторожно взобралась на подоконник, двигаясь по узкому выступу, спрыгнула в помещение комендатуры. Быстро вскочив на ноги, она огляделась: стол, четыре стула, плита, на полках кастрюли – кухня, по всей видимости. Здесь радиостанции точно быть не может. Бросилась из кухни в коридор. Стараясь не думать об опасности, остановилась на секунду, прислонившись к каменной стене, замерла, прислушалась, затем осторожно приоткрыла первую дверь наугад. Снова не повезло – оказалась какая-то комната. Совершенно пустая.

Вдруг ею впервые за это короткое время овладел страх. Сердце бешено заколотилось, похолодели руки, даже чьи-то шаги послышались. «Кто-нибудь из офицеров или охранник в здании остался. Он ведь был там, у входа в комендатуру. Сейчас пробежит по коридору увидит меня, и...» Глубоко вздохнув, Валя прислушалась к гулу бомбёжки, взрывам и заставила себя не паниковать. Спокойно. Всё хорошо. Самолёты ещё не улетели. Время ещё есть. Ободрив себя таким образом, она затаив дыхание слегка приоткрыла ещё одну дверь. И поняла, что попала куда нужно. В комнате никого не было. У стены на столе среди бумаг стояла радиостанция. Валя подскочила к столу, дрожащей рукой выхватила из кармана штанов нож – папин, охотничий, из крепкой стали, ручной работы. Сердце билось так сильно, что, казалось, сейчас выпрыгнет из груди. Снова ей послышались шаги, гораздо явственнее, чем прежде. «Мама!» – беззвучно прошептали побелевшие губы. Ножом обрезала провод.

И тут же подумалось: «А ведь это не выход! Фашисты наверняка смогут быстро заменить провод и починить радиостанцию, и всё снова будет работать. Нет уж, надо довести дело до конца». За дверью стоял, она заметила, ящик с инструментами. И, схватив лежащий в ящике молоток, Валя принялась яростно бить им по радиостанции, вкладывая в каждый удар по корпусу всю свою силу. Била до тех пор, пока поверхность радиостанции не превратилась в одно сплошное месиво.

Дальше всё произошло очень быстро. Опротетью кинулась Валя в коридор, оттуда в кухню, а из кухни в открытое окно. И в кусты – отсидеться.

А советские самолёты ещё кружили над селом. И, глядя на них, Валя вспоминала отца. Немного успокоившись, Валя решила, что пора, пока не поздно, скрыться в своём доме, тем более что бомбёжка закончилась. Едва она зашла в дом и закрыла за собой дверь, как услышала шум и крики. Даже не крики, а вопли. Немцы обнаружили разбитую радиостанцию и теперь бушевали, метались у комендатуры и за её территорией, стреляли по кустам, намереваясь обнаружить виновного. Что сделают они с ней, если поймут, что это её рук дело? Вале даже подумать было страшно. Она заперла дверь, легла в постель и укрылась одеялом. Лежала, смотрела на фотографию отца и всё шептала себе: «Ничего! Ничего страшного! Побушуют и успокоятся. Правда, папа? Тебе ведь на фронте, наверное, куда страшнее, чем мне». Отец согласно молчал.

Вдруг на крыльце её дома послышались голоса. Внезапно забарабанили в дверь, от сильного удара ногой дверной крючок сорвался, дверь с треском распахнулась и ударилась о стену так, что дрогнули перегородки. В дом с двумя немецкими солдатами вломился полицай с белой повязкой на рукаве. На повязке была надпись на немецком языке: «Верный, храбрый, послушный». Его лицо, похожее на безликую маску, грубо высеченную из камня, Вале было знакомо. В мирное время этот человек частенько приезжал к ним в село по каким-то своим делам. А теперь, очевидно, здесь обосновался. Только вот приезжал тогда, как ей казалось, безобидный, вежливый, даже немного робкий, а сейчас стал совсем другой – агрессивный, злой, жестокий. «Облава в селе!» – мелькнуло в голове Вали. Сердце её забило ещё с большей тревогой, чем прежде. Однако она быстро овладела собой. Ведь папин нож, пистолет, который дядя Ваня ей дал на чрезвычайный случай и научил стрелять, Валя спрятала в надёжном месте, как, впрочем, и свой пионерский галстук.

Полицай грубо схватил Валу и спихнул с кровати. Буравя её взглядом и угрожая расправой, прокричал ей какой-то вопрос, получив отрицательный ответ, обыскал с помощью солдат её дом, перетряс её вещи. И наконец, ничего подозрительного не обнаружив, покинул дом.

Валя облегчённо вздохнула и подумала, что всё-таки всё хорошо закончилось. Вспомнила вдруг: как-то дядя Ваня дал задание – расклеивать листовки. Чтобы дело шло быстрее, Валя, с разрешения дяди Вани, привлекла к работе нескольких надёжных ребят. Они быстро и незаметно, с затаённой гордостью выполняли порученное им дело. Или ещё: в сельском клубе, который немцы использовали для своих развлечений, работал уборщиком пацан. Валя сначала ненавидела его, думала, что он предатель, прислуживает фашистам, заискивает перед ними. Поделилась своим подозрением с дядей Ваней. Однако тот неожиданно строго осадил её, сказав, что этот пацан делает работу гораздо важнее уборщика и, как и Валя, помогает Родине. И он не один такой. От этих его слов, сказанных резким, даже грубоватым тоном, Вале стало тепло и надёжно.

Девочка почувствовала, как сильно устала за сегодняшний вечер. Глаза просто сами собой закрывались. Валя, пересилив себя, встала, ещё раз осторожно подошла к окну, слегка приоткрыв штору, посмотрела. Там, у комендатуры, по-прежнему стояла машина. Через минуту к машине выбежал офицер, держа в руке толстый планшет, за ним выскочил ещё один немец, видимо, водитель. Оба ей незнакомы. Они сели в машину. И в тот же миг внезапная догадка озарила Валу: в планшете у офицера лежат документы! Фашисты, лишённые радиостанции, решили срочно передать документы по Керчи, а может, и не только по Керчи, командованию через офицера! На машине!

«Милый, добрый дядя Ваня! – думала Валя, спешно спускаясь в подпол и вытаскивая спрятанный там пистолет. – Я знаю, ты не одобрил бы мои действия. Ты ведь говорил, что осторожность – прежде всего. Тем более теперь, когда ищут своего врага, разбившего их радиостанцию. Но даю тебе слово: они не найдут меня. А я их найду. Я не позволю им довести документы! Не позволю!»

Странно, но Валя почти не чувствовала страха. И усталость куда-то пропала. Остались только ненависть и горячее желание действовать. Тихо и бесшумно Валя выскользнула из дома и исчезла за углом. Прозрачные, ещё светящиеся летние сумерки постепенно спускались на село. Прислушалась: суматоха вокруг уже почти улеглась. Немцы, хотя были и недалеко, не замечали её. Она осторожно, где ползком, где короткими перебежками направилась к тому месту, куда фашисты угнали оставшихся лошадей из окутанной сейчас густым дымом конюшни.

Вот впереди замаячили силуэты животных. Ветер нёс дым в их сторону, и они громко и раздражённо фыркали. Шум и дым были на руку Вале. Она быстро отвязала одного из коней, привычно и ловко вскочила на него и ударила пятками в крутые бока. Валя, хотя и девочка, а могла ездить верхом на коне даже без седла и не хуже любого мальчишки. Пришпорив коня, Валя помчалась по дороге. Вот конь поравнялся с машиной. Водитель удивлённо посмотрел на всадницу. Мгновенно Валя выхватила из-за пояса пистолет и выстрелила, каким-то чудом попала. Водитель, вскрикнув от боли, упал головой на руль. «Есть!» – пронеслось в голове у Вале, и злобное торжество сжало её сердце. Тут же раздался ответный выстрел сидящего рядом с водителем офицера. Мим! А машина была уже неуправляема. Её несло на каменное ограждение. Стрелявший в Валу офицер перехватил руль у водителя, резко крутанул его вправо, пытаясь выровнять машину. Но слишком резким был поворот и слишком большая скорость. Машина вылетела на обочину и перевернулась. Валя, подбежав к машине, схватила планшет и помчалась обратно. Ей было радостно и страшно одновременно. Да, только сейчас, когда в руках её были заветные документы, к ней пришёл настоящий страх.

До дяди Вани Валя добралась без приключений. Он, взяв документы, тут же поспешил к партизанам.

Проснулась Валя рано утром. Дядя Ваня уже был дома.

– Доброе утро, – сказал он ей.

И по тому, как он это сказал, Валя поняла, что утро совсем не доброе.

– Что случилось, дядя Ваня?

Он долго молчал, так что Вале пришлось повторить вопрос. Тогда он, глядя куда-то в сторону, тихо и отчётливо проговорил:

– Фашисты захватили Керчь.

С минуту Валя сидела на кровати не шевелясь. А потом вдруг разом на неё накатила волна ярости и злости. К фашистам. Она упала ничком,

уткнулась лицом в подушку и заплакала. Ей было очень больно осознавать, что родная земля, на которой они ещё, как казалось, так недавно проводили лучшее в жизни время – летние каникулы, теперь, несмотря на все её усилия, занята ненавистным врагом.

– Да ладно, не расстраивайся! – дядя Ваня погладил Валю по плечу. – Хочешь, я тебе сахару кусочек дам?

Валя всхлипнула, подняла на него заплаканные глаза и вдруг призналась:

– Знаете, мне кажется, что... что всё это напрасно.

– Что напрасно?

– Ну, всё... всё, что я делаю. И вообще, все мы...

Лицо дяди Вани вмиг утратило ласковое выражение.

– Ах вот как, – проговорил он медленно, глядя прямо ей в глаза, – значит, напрасно... Ну что ж, хорошо. Хорошо, иди отдыхай. И все остальные тоже пусть отдыхают. И твой отец... Давайте все вместе просто сдадимся фашистам! Отдадим им нашу страну! Пусть правят нами, как им нравится! Пусть сделают нас, свободных граждан Советского Союза, своими рабами! Это прозвучало так грозно и страшно, что Валя подскочила.

– Нет-нет! Ни за что! Что вы такое говорите, дядя Ваня?!

– Я говорю?! А ты сейчас, что имела в виду под словом «напрасно»?

– Извините, пожалуйста. Я так больше никогда не скажу. Я буду делать всё, что в моих силах!

ГЛАВА 6

Бабушка замолчала и встретилась взглядом с Ниной. Нинины глаза блестя, сама она сидела не шевелясь, обхватив руками колени.

– А дальше? – прошептала она.

– Дальше... Дальше – больше.

Однажды дядя Ваня пришёл к Вале в дом. Вообще-то он никогда не приходил к ней. Это она к нему приходила. И поэтому, увидев его сейчас, девочка сразу поняла, что что-то случилось и надо, очевидно, срочно что-то сделать. И она не ошиблась.

– Ну что, Валентина, – спросил он, проходя в комнату, – как дела?

– Нормально, дядь Ваня.

– А настроение?

Валя улыбнулась, тряхнув головой.

– Боевое!

– И это была правда.

– Отлично! Тогда слушай, какое я тебе срочное задание дам. Недалеко от села немцы окружили и взяли в плен наших солдат. По имеющимся у меня сведениям, пленные должны находиться в сарае, рядом с селом и лесом. Мы знаем точно, что сегодня к вечеру немцы собираются навестить пленных, допрос устроить, а потом расстрелять. Твоя задача: не привлекая внимания немцев, проверить достоверность сведений, уточнить место нахождения пленных. Может быть, партизанам удастся спасти наших ребят от смерти. Только действовать надо наверняка.

Валентина понимала, что должна быть на месте раньше фашистов. У неё так и получилось. Сначала она довольно быстро шла по сельской дороге, обсаженной вековыми липами. Ближе к окраине миновала стоящую на пригорке старую церковь из красного кирпича с голубым куполом, расписанным золотыми звёздами. Зашагала размеренно, неспешно, высматривая место, куда фашисты могли бы поместить пленных. Шла осторожно, прекрасно

осознавая, что может нарваться на немецкий патруль или на полицаев, хотя патрулировали они в основном центр.

Она подошла к крутому косогору, отмечая про себя, что тропинка, пересекающая его, приведёт уже к самым последним двум-трьём избам села с хозяйственными постройками. Спустившись со склона, она притаилась недалеко от построек, в кустах тальника и бузины, огляделась. В поле зрения попало сразу два сарая. Около одного из них стояла охрана. Очевидно, пленные находились именно в этом месте. Валя осторожно подползла к сараю поближе. Надёжно укрылась от глаз охраны, без опасения быть замеченной. Внимательно наблюдая за обстановкой, принялась ждать немцев. Ждать пришлось долго.

Наконец послышался звук приближающегося автомобиля. Из него вышли офицер с переводчиком и их водитель. Появился и знакомый полицаи. Офицер дал команду охране открыть сарай. Глазам Вали предстало страшное зрелище: в тесном сарае, на грязной земле, покрытой остатками разложившегося, пахнущего крысами мусора, тесно прижавшись друг к другу, со связанными руками сидели бледные, со впалыми щеками, густо заросшими щетиной, оборванные и израненные советские военнопленные. Пленные задыхались от дикого зловония, наполнявшего сарай.

Увидев фашистов, военнопленные только губы крепче сжали и с ненавистью взглянули на немецкого офицера. Их заставили встать. Прыткий полицаи тут же с силой стал толкать прикладом в спину измождённых солдат, оставляя на их коже красные следы.

В каждого человека Валентина вглядывалась до рези в глазах: вдруг среди пленных и её отец. Его, на радость Валентины, там не было. А офицер между тем начал допрос. Задавал вопрос за вопросом, словно и не ждал ответов на них. Но первоначально немецкий офицер спросил, есть ли среди них комиссары и командиры. Все молчали. Он ещё раз нервно повторил: «Комиссары и командиры! Шаг вперёд!». Никто из строя не вышел. Тогда офицер стал опрашивать пленных – каждого по отдельности. Военнопленные молчали. Молчали, не сводя с офицера измученных, усталых взглядов. Валентина была уверена: не скажут ни слова эти смелые, преданные люди. И чем дольше они молчали, тем сильнее билось её сердце. Она отлично видела, что это молчание приводит в бешенство офицера. Задав очередной вопрос и не получив на него ответа, немец вдруг со всей силы ударил одного из пленников сапогом в бок. Тот застонал и упал. Фашист, не сдерживая ярости, ударил ещё и ещё. Валя не выдержала. В отчаянии, забыв всякую осторожность, она вскочила, схватила камень и, с гневом швырнув его в офицера, закричала, на немецком языке: «Ах вы, двуногие звери со свастикой!»

Камень достиг цели. Офицер вскрикнул, оглянулся и увидел Валентину. Внезапное появление девочки, да ещё свободно говорящей на немецком языке, подействовало как гипноз. Немцы от неожиданности замерли. А Валя в эту же минуту поняла, что наделала. Ведь немцы сейчас её просто расстреляют, и дядя Ваня с партизанами не узнают, где находятся пленные и не смогут их освободить. Валя бросилась со всех ног в лес, надеясь там укрыться от немцев. Разгневанный офицер опомнился и, на ходу крикнув подчинённым: «Я сам поймаю, не сводить с пленных глаз!» – помчался за ней. Он мчался, не выпуская из рук пистолета, но не стал стрелять. Он хотел схватить её.

А Валя, напрягая все свои силы, бежала и бежала, и страшная мысль молотом била в голову: «Если я сейчас упаду, то погублю не только себя, но и всех этих несчастных солдат! Всех до одного!». А самое страшное было

то, что Валя не знала, куда бежит. Она только чувствовала, что силы у неё уже на исходе, и знала, что немца надо как-то остановить. Внезапно прямо перед ней открылась пересекавшая тропу, хорошо укрытая мхом и свисающими ветвями дерева небольшая рывина, на дне которой лежал валун. Почти не задумываясь, Валя ухватилась за большую ветку и, оттолкнувшись ногами, перелетела на ту сторону. Ветка, вырвавшись из её рук, спружинила и с силой хлестнула немца по лицу. Тот, потеряв равновесие, рухнул в рывину...

С минуту Валя стояла, тяжело дыша. Немец лежал на дне рывины с закрытыми глазами. Видимо, от удара головой о валун потерял сознание. Пистолет, выпавший из его руки, валялся тут же.

Валя достала его. Чёрный, блестящий, горячий. Конечно, убить готов был. Убить! Валя вдруг почувствовала, как закипело, загорелось всё внутри. Разом вспомнился пережитый в погребе страх, Керчь, а главное – гибель мамы... Нажать – и всё. Чтобы навсегда. Навечно! За маму! Нет. Нельзя. Ещё рано. Она успеет ещё отомстить. Главное сейчас – спасти пленных. А офицера привести к партизанам. Он многое сможет им рассказать.

Глубоко вздохнув, Валя ремнём связала офицеру руки, сориентировалась, где сейчас находится: опыт пионерского лагеря пригодился. Как раз в это время фашист пришёл в себя. Сразу всё вспомнил, метнул злой взгляд на Валю, дёрнулся, но Вале некогда было церемониться с ним. Перед её мысленным взором по-прежнему стояли наши пленные. Наставив на него пистолет, она резко выпрямилась, приказным тоном на немецком языке скомандовала: «Выбирайся!». Немец с трудом выбрался из ямы, поднялся, и она повела его к дозорному партизанского отряда, который, как предупреждал её дядя Ваня, должен был находиться где-то здесь недалеко, если идти в направлении севера. В том месте ещё, как примета, должен находиться старый раскидистый дуб с дуплом.

Дозорных оказалось двое. Они очень удивились, увидев немца со связанными руками и девочку, держащую у его спины пистолет, уверенно шагающую за нацистом. Они даже засмеялись:

– Ловко ты его!

– Как это тебе удалось?

– К партизанам отведёте?

– Да ты никак Валя, а? Слышали, слышали! Ну-с, доставим, конечно!

– Подождите, подождите, товарищи! – взволнованно перебила Валя. – Там, откуда я веду офицера, находятся военнопленные! Наши пленные! Их надо срочно освободить, понимаете? Пока охрана не спохватилась. Ведь их могут увезти, когда поймут, что офицер пропал.

– Ах вот что! Ясно! Много там фашистов?

– С полицаями шесть.

– А далеко это?

– Нет, близко, на окраине села.

– Справимся. Нападём неожиданно. Только вот надо этого типа куда-то деть. Чтоб не сбежал. Всё-таки офицер.

– Я знаю, куда.

Пока шли к дозорным, Валя успела заметить скалу и небольшое углубление в ней в виде пещеры. Вот туда они и отвели немецкого офицера, связав ему потом ещё и ноги. А затем Валя повела дозорных к сараю.

Они успели как раз вовремя. Обеспокоенные долгим отсутствием своего офицера, фашисты уже начали уводить пленных. Один из конвоиров что-то спросил у полица, указывая рукой куда-то в сторону, видимо, уточняя

место перехода, тот угодливо закивал. Не успеете, гады! Раздался выстрел, за ним ещё один и ещё. Не обращая внимания на перестрелку, Валя подбежала к пленным и стала их развязывать. В ходе этого небольшого сражения полицию и одному из немецких солдат из охраны удалось сбежать. Остальных фашистов партизаны уничтожили.

– Ай да Валюша! Ай да молодец! Это ж надо – офицера к партизанам привела!

Партизаны по очереди хвалили Валу, восхищались её смелостью. И каждый раз, когда грубая солдатская ладонь касалась волос, Валя замирала от счастья. Ещё бы! Наконец-то она среди своих! Солдаты улыбались Вале, и Валя улыбалась им в ответ, не забывая при этом про стоящую перед ней полную тарелку гречневой каши.

Когда с кашей было покончено, Валя вместе с дядей Ваней отправилась допрашивать пленного офицера. Валентина быстро переводила вопросы и ответы, и вскоре партизаны узнали многое из того, что раньше было для них сокрыто.

После допроса Валентина помогала ухаживать за освобождёнными пленными, потом засобиравшись домой.

– Запомни, – сказал дядя Ваня на прощание, – сюда, к партизанам, можешь прийти только в крайнем случае, если что-то срочное, чрезвычайно важное, а меня в селе не будет. Ну, а с тобой мы будем встречаться, как прежде, у меня дома.

– До свидания, юная разведчица! – улыбались партизаны. – Будь осторожна! Береги себя!

ГЛАВА 7

– Ох, Нина, что-то мы с тобой заговорились... Тебе уже давно пора ужинать.

– Нет-нет, бабушка, расскажи ещё! Пожалуйста, расскажи! Были у Вали ещё важные поручения? Ведь фашисты не оставят просто так то обстоятельство, что у них увели пленных, да ещё и офицер пропал. И потом как же пещера, в которой партизаны офицера прятали?

– По поводу пропажи офицера и пленных ты абсолютно права. Немцы не могли спустить партизанам с рук такую вольность и устроили облаву на них. Причём так неожиданно, что Валя не успела предупредить друзей об опасности.

Валя слышала, как воздух раз за разом разрезали автоматные очереди, от взрывов гранат дрожала под ногами земля. Впрочем, сначала автоматные очереди вперемежку с криками и стонами раздавались в селе. Взбешённые неудачами, фашисты сперва выместили свою злобу на неповинных мирных жителях, а затем оцепили лес. Однако партизаны, хотя и не ожидали такого стремительного нападения, не растерялись. Они и раньше понимали, что надо уходить самим и уводить товарищей. Командир отряда спешно обговорил со своим заместителем место новой дислокации и приказал срочно увести туда ещё не окрепших после плена ребят и часть отряда.

– Григорьев, Тарасенко со своими ребятами – за мной! Иван Семёнович, вы тоже. Мы задержим немцев. Уходите!

Куда они уходили, Валя не видела. Перед глазами у неё стоял туман. Все мысли её были о бойцах, оставшихся их прикрывать, особенно о дяде Ване. В ушах звенели стоны и вопли сельчан. А грохот выстрелов отдавался в сердце невыносимой болью...

– Дядя Ваня погиб?! – от волнения Нина вскочила с дивана. Она чувствовала себя так, будто сама сейчас расставалась с ним. – Бабушка, неужели дядя Ваня погиб?

– Переживаешь. Это хорошо. Значит, легко можешь представить, каково было Вале... Я не стану описывать тебе подробно, как они жили в это время. Скажу только, что Валя добросовестно помогала партизанам во всём: стирала бельё, готовила еду, купала ночью в реке единственную в отряде лошадь. И каждый из них, и все они вместе не переставая думали об оставшихся в обороне товарищах. И очень жалели, что никаким образом не могут им помочь.

Дрожит под ногами земля, свистят пули, рвутся гранаты. Один за другим гибнут партизаны. А фашисты наступают. Партизаны отстреливаются, скрываясь в ельнике. Но немцы расторопнее, к тому же их больше. Гораздо больше. Внезапно один из фашистов выскакивает прямо перед дядей Ваней и наставляет на него автомат. «Нет!» – кричит Валя не своим голосом и... просыпается.

Тяжело дыша, вся в холодном поту, она села на своей «земляной» постели. Глубокая ночь. Партизаны спят. Валя встала, дрожа то ли от холода, то ли от страха. Почувствовала на себе чей-то взгляд. Обернулась и встретила взглядом с глазами лошади. Боже! С какой грустной нежностью глядели на неё эти глаза! Валя бросилась к лошади и обхватила руками её бархатную морду. Замерла. И долго стояла так – босая, на влажной траве под звёздным небом. Стояла и беззвучно плакала.

Потом, понимая, что ей уже не заснуть больше, направилась к часовому. Просто так, постоять рядом.

– Ты почему не спишь, Валюша? – спросил он.

Но ответить Вале не пришлось. Где-то совсем рядом они оба вдруг услышали шаги. Часовой поднял автомат и встал наизготовку. Но Валя сразу поняла: это не фашисты. Значит, кто-то из своих.

– Нас было две группы, – услышали они голос, – я отвлекал фашистов с севера, Тарасенко – с юга. Четверо суток так их и путали. Они даже и не поняли, что это не весь отряд. Они вообще страсть как леса боятся. Да... Базу нашу так и не нашли. А Тарасенко всё-таки убили, гады! Хороший был парень, весёлый... Ладно, а Валюша-то моя где?

А Валюша уже мчалась со всех ног к тропинке через кусты. Мчалась до тех пор, пока не уткнулась лицом в грязную, испачканную кровью, пропахшую потом рубаху.

– Ну вот мы и встретились снова, – глубоко вздохнув и крепко прижав Валу к себе, проговорил дядя Ваня, – а ты боялась... Девочка моя золотая.

И он с отеческой нежностью поцеловал её в голову.

И вот когда партизанский отряд, сильно поредевший после облавы, объединился, когда он вернулся в родной лес, в прежние свои землянки, когда Валя, отдохнув хорошенько, собиралась в очередной раз варить партизанам ужин, вот тогда она вдруг вспомнила о той пещере, где они прятали задержанного офицера. Там, в этой пещере, она совершенно ясно заметила какой-то узкий проход. И только сейчас подумала: интересно, а для чего он? Куда ведёт? Вдруг в какое-то очень важное место? Дяде Ване с партизанами она ничего не сказала ни о пещере, ни о своей неожиданной задумке. Ей непременно самой захотелось всё обследовать.

Когда после ужина все, кроме, разумеется, часового, отправились спать, Валя сначала сделала вид, что тоже уснула, а затем тихонько выскользнула из землянки.

Оказавшись от неё на приличном расстоянии, Валентина уверенно повернула влево, а затем зашагала прямо. Лес становился все глуше и темнее. Ни звёзд, ни луны на небе. Изредка слышался странный, жуткий, пугающий крик какой-то птицы. Крик напоминал то плач ребёнка, то вопль сумасшедшего человека. И каждый раз у Валентины от страха сжималось сердце.

Подул сильный, порывистый ветер. Валя поняла это по тому, как шатались кроны деревьев. Зашумела листва. Лес словно ожил. И от этого стало жутко. Но Валентина уверенно шла вперёд, освещая дорогу карманным фонариком. А чтобы страх не одолевал, вспоминала лагерь. Песни, пляски у костра, походы, друзей. Эх, где-то они сейчас? Владька Деревягин, Ксюша Кудрявцева, Таня Звягина. Живы ли? Удастся ли ещё когда-нибудь с ними встретиться?

Вдруг Валя вскрикнула и упала, едва не выронив из руки фонарь. На земле лежал убитый немец. За два года войны Валя, конечно, уже видела убитых людей. Но она в основном видела их издали, при дневном свете, а сейчас...

Валентина медленно поднялась. Её пробирала внутренняя дрожь, даже зубы, кажется, стучали. А тут ещё, как назло, выкатилась из-за деревьев круглая белая луна. Свет её озарил его бледное в шрамах лицо, отразился в мёртвых глазах. В ужасе Валя отшатнулась, и вдруг всё тот же яркий свет луны осветил старую, поваленную ветром сосну. А вскоре стала видна и пещера.

В пещере было мокро, сыро и холодно. Луч фонарика то и дело выхватывал из темноты голые мокрые каменные стены. Звук Валиных шагов гулко раздавался во мраке. Пришлось снять обувь и нести её в руках. Шла она так довольно долго. Фонарик светил слабо, поэтому большая часть дороги утопала в темноте. Несколько раз со стен пещеры срывались и с грохотом падали вниз камни, задевая Валу. Собрав все свои силы, она, ощупывая руками стены, двигалась вперёд, хотя избитые о камни ноги идти отказывались.

Перед Валею оказалась груда камней и земли. Неужели она сбилась с дороги? Нет, не может быть. Значит, ход засыпало. Ну да, засыпало во время бомбёжки. Валя стала разгребать лежащую перед ней преграду. Она изрезала себе все пальцы и обломала ногти, прежде чем появился просвет. Постепенно этот просвет увеличивался, и вот наконец Валентина выбралась на дорогу.

Через некоторое время Валя попала в полуразрушенный длинный коридорчик, а затем оказалась в подвале. В глубокой тишине гулко раздавались немецкие голоса. Валентина ясно услышала возбуждённый разговор фашистов. Она поняла, что ход этот теперь давал возможность скрытно пробраться в подвальное помещение комендатуры, не рискуя попасться на глаза охраняющим комендатуру немцам. Прямо над подвальным помещением располагался немецкий штаб.

Обратная дорога показалась Вале простой и лёгкой. Батюшки, да ведь уже утро! Солнце светило всюду, слепило глаза, освещало зелёные верхушки елей и сосен, пронизывало косыми лучами чащу. Сорока неслышно сорвалась с вершины одной из них и быстро полетела навстречу солнышку. Свежий ветер кружил голову. Валентина выпрямилась и улыбнулась сама себе.

Партизаны нисколько не волновались за Валентину. Ведь они были уверены, что она спит. Поэтому они очень удивились, испугались даже, когда

увидели её возле землянки. Грязная, с исцарапанными в кровь лицом, руками и коленями, она стояла перед ними и широко улыбалась. Дядя Ваня первым подошёл к ней.

– Что случилось? – спросил он с тревогой. – Где ты была?

С торжеством оглядев всех партизан по очереди, Валя выкрикнула:

– Товарищи, я нашла ход!

– Какой ход?

– А помните ту пещеру, в которой мы прятали пленного офицера? Я ещё тогда заметила там ход. Знаете, куда, оказывается, он ведёт?

– Ну?

– Прямоком в немецкую комендатуру!

А на следующие сутки Валентина снова шагала к пещере. Снова была ночь, вернее, поздний вечер. Снова качались кроны деревьев. Шумела листва. И луна светила ярко. И было Вале немножко не по себе. Потому что за ней шли подрывник и его помощники. Они несли в деревянных ящиках динамит.

Партизаны заложили динамит в нужное место. Подрывник приказал всем срочно вернуться назад, и сам он тоже отошёл от места взрыва на длину шнура. Партизаны побежали к выходу. Валентина продолжала неподвижно стоять на месте. Сердце у неё в груди бешено колотилось. Ей было страшно и радостно одновременно. Она горела желанием серьёзно отомстить врагам за всё: за убитую маму, за Керчь, за Родину, которой они причинили столько страданий и бед. Вот-вот сейчас... Сейчас... Один из партизан, уходящий последним, схватил Валу за руку, увлёк за собой. Подрывник выдернул предохранительную чеку. И тотчас же сзади с оглушительным грохотом разорвались снаряды...

После взрыва комендатуры Валя ещё некоторое время провела с партизанами, а потом попросила у дяди Вани разрешение вернуться домой, в село. Не хотелось дяде Ване её отпускать, но в конце концов всё же отпустил, поручив проверить обстановку в селе и взяв с неё слово быть предельно осторожной. Валя обещала.

Настроение у неё было прекрасное. Она знала, что фашистам теперь приходится несладко. Они растеряны, а партизаны разрушают их планы один за другим. Кроме того, наши войска сейчас ведут успешное наступление на отдельных направлениях. Даже здесь слышна орудийная канонада. Видно, бои идут где-то поблизости.

По дороге к дому Валя осматривалась вокруг, бросая по сторонам цепкий, привычно-внимательный взгляд, проверяла обстановку, как велел дядя Ваня. Она прошла ещё совсем немного, но и этого хватило, чтобы понять: обстановка беспокойная. Очень беспокойная, даже тревожная. В результате взрыва, произведенного партизанами, здание комендатуры частично обрушилось. Под обломками наверняка погибло много немецких офицеров. Фашисты лютовали. Кругом слышались плач, вопли, стоны. У Вали сжалось сердце. От жалости к несчастным мирным жителям и от какой-то неясной тревоги. Надо скорее назад, предупредить дядю Ваню и остальных. Иначе может быть поздно.

Неожиданно Валя лицом к лицу столкнулась с невесть откуда появившимися полицаями. Один из них оказался знакомым. Он что-то горячо обсуждал со своим напарником. Увидев Валентину, резко остановился и посмотрел на неё долгим, пронизывающим взглядом. Разумеется, они узнали друг друга.

Вот только Валя не могла понять, почему полицай так пристально смотрит на неё. Он ведь не мог видеть её, когда взрывали комендатуру. И до этого тоже. Да пусть даже подойдёт, обыщет, у неё ведь совершенно точно ничего запретного нет. Вдруг словно молнией сверкнули перед глазами картинки: пленные, летящий в немецкого офицера камень, сражение у сарая, облава. Валя невольно отступила в сторону. Почему-то вспомнилось покрывало, тёмно-синее, расшитое звёздочками...

– Попалась птичка! – зло щерясь, процедил полицай.

Резко шагнув к Вале, он быстрым, заученным движением вывернул и связал ей руки и сразу повёл на допрос.

Немецкий офицер спокойно и даже доброжелательно посмотрел на Валу, потом что-то быстро сказал переводчице. Валя хотела пояснить, что переводчицы ей не надо, она сама всё поймёт, но раздумала. Пусть эта толстогубая рыжая барышня сама потрудится. Барышня! Вале сразу вспомнился Владька Деревягин. Как она его тогда хлестанула за «барышню»! Здорово его огрела! Он потом весь день надутый ходил, будто у него живот разболелся...

– Девочка, ты меня слышишь? Я говорю: господин офицер не желает тебе ничего плохого. Он говорит, что ему даже нравится такая красивая, смелая русская девочка. Да, да, и ему очень жаль, что полицай так грубо обошёлся с тобой.

«Чтоб ты подавился своей жалостью!» – подумала Валя.

– Нам стало известно, что ты связана с партизанами. Это правда?

Валя пожала плечами.

– Не знаю, о чём вы говорите.

– Офицер сейчас же отпустит тебя, – продолжала переводчица, – только ты должна назвать нам имена своих товарищей, тех, с кем ты общалась и кому передавала сведения. Итак, мы тебя внимательно слушаем.

– Можете не напрягать своё внимание, – насмешливо ответила Валя, – я никого не знаю, а даже если бы знала, не назвала бы!

– Просим тебя по-хорошему. Если не скажешь, тебя будут бить!

– По-хорошему?! – Валя фыркнула. – Как же вы можете просить по-хорошему, когда ничего хорошего в вас нет, вы нелюди!

Лицо переводчицы покрылось красными пятнами, она перевела сказанное. Офицер от этих дерзких слов подскочил и хотел ударить Валу по лицу, но она ловко увернулась. И, расшвирипев ещё больше, он крикнул Вале:

– Партизан!

Мол, называй имена партизан. Валя дерзко метнула уверенный, смешанный с ненавистью взгляд на офицера, глаза которого были полны нетерпеливого ожидания. Вдохнула полной грудью воздух и громко запела:

*А ну-ка песню нам пропой, весёлый ветер!
Весёлый ветер! Весёлый ветер!
Моря и горы ты обшарил все на свете
И все на свете песенки слышал!*

Валя так разошлась, что ей казалось уже, будто она находится не в подвале, а в пионерском лагере. И не одна поёт, а вместе со всем своим отрядом. Вот рядом с ней стоит Владька, чуть подальше Лёшка Сомов, Нина Белкина, Зина Смирнова. Все они стоят на поляне около большого, ярко пылающего костра. А по другую сторону костра сидит Витя. Сидит и улыбается. Значит, он доволен своими пионерами.

*Кто привык за победу бороться,
С нами вместе пускай запоёт!
Кто весел, тот смеётся,
Кто хочет, тот добьётся,
Кто ищет, тот всегда найдёт!*

Боль вернула Валу к действительности. Офицер влепил ей крепкую, увесистую пощёчину. Да так, что она отлетела, а из носа закапала кровь.

Он решил сменить тактику допроса. Начал со злостью и угрозами задавать вопросы, быстрые, резкие. Девчонка упрямо молчала. Фашист жестом велел находящемуся здесь же полицию приступить к своим обязанностям. Тот подошёл к стене, что-то с неё сорвал и направился к Вале. В то же мгновение, рассекая воздух, свистнула плеть и обрушилась на её худую девичью спину, да так, что от удара лопнула одежда. Она дико вскрикнула и упала. Спину жгло как в огне. Полицей за волосы поднял Валу с пола и стеганул ещё раз.

– Мама! – жалобно простонала Валя, и слёзы хлынули из её глаз.

А полицей уже снова замахнулся. И ещё раз. И ещё. Он бил размеренно и умело. Кожа на спине Вали покрылась красными рубцами, выступила полосой кровь. С трудом терпя ужасную боль, Валя крепилась, как могла. Она даже подумала: «Пусть бьют, всё равно ничего не добьются. Только не надо больше кричать».

Видя, что дерзкая девчонка не собирается смиряться, полицей стал выкручивать Вале руки. Он выкручивал их медленно, так, чтобы заставить девчонку дольше страдать. Валя вся покраснела, капельки пота выступили на лбу. Выждав время, офицер приказал прекратить пытку, и переводчица спросила у Вали, готова ли она теперь ответить на вопрос. Валя молчала.

– Ну что ж, посмотрим, что ты сейчас запоёшь, – тихо сквозь зубы процедил полицей и, повернувшись к немцу, произнёс:

– Позвольте, гер офицер?

Далее он подтолкнул Валу к двери, приложил пальцы её левой руки к косяку в дверном проёме, придержал руку за локоть, и в следующую секунду резко закрыл дверь. От локтя к запястью пробежала короткая электрическая волна. Боль пронзила её насквозь. И пальцы на мгновение онемели. Из груди Вали вырвался даже не вопль, а какой-то хрип. Ноги подкосились, в глазах потемнело, и она лишилась чувств.

Очнулась она оттого, что ей брызнули в лицо холодной водой.

– Ну как, одумалась? – спросила переводчица.

Валя стояла, поддерживаемая полицаем. Тело её было одна сплошная рана. Кровь стекала по лицу, окровавленная одежда больно липла к горячей спине. Пальцы болтались беспомощно, как чужие, и Валя их почти не чувствовала.

– Сволочи, – прошептала она с ненавистью, и глаза её при этом так сверкнули, что офицер вздрогнул.

А переводчица зло прошипела:

– А ты знаешь, что скоро у нас лопнет терпение, и тогда тебя расстреляют? Однако если ты всё же одумаешься...

Валя не слушала её. «Папочка, милый мой папочка! – думала она, глотая слёзы. – Где-то ты сейчас? Жив ли? Ах, если бы я увидела тебя хотя бы одним глазком, может быть, мне было бы легче? Проклятые фашисты убили маму, а теперь расстреляют меня. Мне страшно, но я ведь должна быть мужественной, правда? И я буду такой до конца. Что бы ни случилось. Ведь

наши всё равно победят. Жаль только, что я больше никогда тебя не увижу... Но такая уж судьба. Ничего не поделаешь... Прощай, папа, милый! Прощай!»

Рядом раздались оглушительный взрыв и выстрелы. Но это стреляли не фашисты. Это была советская артиллерия! Вот грохот всё ближе, ближе. Перепуганные фашисты бросили Валю и заметались как крысы в клетке. Но бежать уже было поздно. В здание входили вооружённые красноармейцы. Распахнулись двери, раздались выстрелы. И стоявший рядом с Валею полицейский упал замертво. Офицера и переводчицу связали.

– Доченька!

От неожиданности Валентина ахнула и едва не лишилась чувств. Перед ней стоял... папа. Папа! В комбинезоне танкиста! Да, это был именно он! Было заметно, как за это время папа осунулся и постарел. Волосы его подёрнулись сединой, лоб покрылся преждевременными морщинами. Но взгляд его воспалённых глаз был, как и раньше, всё такой же любящий.

С секунду они молча смотрели друг на друга. А потом... Потом отец наклонился, взял Валю на руки и поцеловал...

Как её привезли в госпиталь, расположенный в ближайшем к селу освобождённом от фашистов городе, она не помнила. Боль была такой нестерпимой, что дыхание перехватывало, стучало в висках, жестокий приступ тошноты и рвоты скручивал её, перед глазами всё расплывалось. Боль тугими волнами разливалась по всему телу. И, чтобы не закричать, Валя изо всех сил сжимала зубами наволочку подушки, на которой лежала. Увидев вошедшую в палату девушку в белом халате, Валя окликнула её:

– Пожалуйста, товарищ медсестра... Помогите мне чем-нибудь... Очень больно...

– Солнышко моё! – медсестра наклонилась над ней. – Потерпи, пожалуйста, ведь на тебе живого места нет! Все, что смогли, уже сделали.

Она вышла. И почти сразу же в палату вошёл отец. Он был в своей форме серо-стального цвета, только без головного убора. Отец быстро подошёл к кровати и, наклонившись, осторожно погладил Валю по голове. Валя крепко-крепко прижалась к его ладони. И замерла. И только теперь до неё вдруг дошло: она выжила! Выбралась-таки из фашистского плена! И папа – вот он, здесь, рядом! Только руку протяни! И так ей стало хорошо от этого осознания, что захотелось плакать и смеяться одновременно. Но она только судорожно глотнула воздух и коротко всхлипнула. Отец спросил тихо:

– Что дружочек, плохо тебе, да?

– Нет... Ничего... Папа...

– Знаю, Валюша, всё знаю.

– Знаешь? Откуда?

– От дяди Вани. Он тоже, как и я, был здесь, с тобой. Сидел возле тебя и плакал.

– Он? Плакал?

Валя знала дядю Ваню ещё со своего раннего детства. И ни разу за всё это время она не видела, чтобы он плакал. Даже когда прошлой зимой ему принесли извещение о гибели единственного сына, он не проронил ни одной слезинки. А вот теперь...

– На тебя и правда было страшно смотреть, – сказал папа. – Он плакал, а потом стал рассказывать мне о тебе. Затем сказал: «Ничего, мы ещё отомстим фашистам за нашу Валеньку! Так отомстим, что за всю свою поганую жизнь не расплатятся!»

Они долго молчали. А потом папа стал рассказывать о себе да как село наше освобождали.

– Крепко же немцы за наше село уцепились, дьявольское отродье! – говорил он вполголоса. – Это мы потом уже перед самым селом прорвались, а поначалу нам очень тяжело было. Главное, из всей нашей роты к тому времени осталось всего пять танков, а у фашистов – штук десять, если не больше. Нас ожидал неравный бой. Правда, у нас было одно преимущество: перед боем я приказал ребятам как следует замаскировать танки. Да ещё наши танки сами-то с двухцветным, зелёно-коричневым камуфляжем. Вот мы замаскировались, а как только немцы появились, открыли огонь. Четыре танка мы подбили таким образом.

Но затем всё пошло не так. Нас обнаружили и так ударили, что не продохнуть. Гремела канонада боя, натужно ревели перегретые двигатели. Однако мы продолжали отстреливаться. И вдруг смотрю я: батюшки, на нас волной накатывает немецкая пехота, а в небе «юнкерсы» – целая эскадрилья! И пошло-поехало. «Юнкерсы» с неба нас поливают, пехота прёт под прикрытием своих же. Сразу три танка наших из строя выбили. Остались мой да ещё один. И главное, двинуться невозможно. Окружили кольцом, чёртова племя, и поливают огнём! Мы ещё стреляем, но что такое наша стрельба? Ничего! Ровным счётом ничего! В общем, был я будто в аду, кругом огонь, света белого не видно. Вдруг чувствую, ударило в мой танк что-то, глухо ударило, жарко стало, душно. Я, конечно, сразу понял, что произошло. И тут меня такая дикая злость взяла на проклятого фашиста! «Да что же это такое, – подумал я, – неужели мы сдадимся? Неужели отступим от родного села? Да как же я после этого в глаза жене и дочери посмотрю?». И сразу у меня от этих мыслей сил прибавилось. Схватил я ручные гранаты, автомат, ринулся вместе с ребятами из танка, кричу своим: «В атаку!». И бросился напролом. А за мной ребята уцелевшие. Правда, мы силы немного не рассчитали. Бегу я по дрожащей земле, а сам не понимаю, куда. Думаю, что вряд ли в этой мясорубке я останусь живым. Кругом одно сплошное огненно-красное месиво. Небо смешалось с землёй. От дыма дышать невозможно. Грохот стоит запредельный. Впрочем, я очнулся сразу же, как только первый танк появился передо мной. Ох, и здорово же я подбил его! Точно-нёхонько в самую гусеницу. «Главное, – думаю, – точно надо! Наверняка!». Второй танк прямо на меня прёт. А я уже – ну просто как в азарте. В сторону прыгнул, развернулся резко и опять точнёхонько в гусеницу. А дым проклятый глаза щиплет, дышать мешает. Из танка человек высунулся, я по нему с ребятами – очередью. А к нам с пригорка уже третий зверь ползёт, с другой стороны пехота напирает. Не успел я опомниться, как танк затанцевал, обрастая пламенем, меня же швырнуло на землю то ли от выстрела, то ли от взрыва.

А когда я поднялся и вытер кровь с лица, то увидел, что нахожусь в какой-то яме, а кругом тишина. Только что всё гремело, свистело и трещало, теперь тишина. Лишь птица какая-то кричит высоко в небе. «Ну, – думаю, – не к добру это. Знать бы, где ребята сейчас!». И точно. Только успел я автомат проверить, как новая волна нахлынула. В середине строя танки, по краям пехота. Только теперь с противоположной стороны и без «юнкерсов» в небе, но от этого не легче. Вдобавок только сейчас я понял, что гранат у меня больше нет. «Чёрт, неужели кончились? Ладно, так повоюем!». Устроился я в яме поудобнее и ударил по пехотинцам очередью из автомата. И неплохо ударил. Сколько так времени прошло, не знаю. Вдруг чувствую, кровь совсем лицо залила, руки дрожат, дыхания не хватает. Упёрся я грудью и локтями в стенки ямы и продолжаю стрелять. А они, проклятые, всё бегут и бегут бесконечно. Вдруг я совсем задохнулся, выронил из рук автомат и упал...

Валя слушала отца затаив дыхание, ловила каждое его слово. Она даже про боль забыла на некоторое время. Так вот, значит, как! Вот, значит, какой ценой прорывались к селу отец и наши солдаты! Вале страшно захотелось сказать ему что-то благодарное, но слов не находилось, и она только шептала:

– Папочка, милый! Родной мой папочка!

– Бедная наша мама! – эхом откликнулся отец, резко останавливаясь посреди палаты и глядя в пространство. – Бедная наша мама!

Он помолчал, затем спросил:

– Ты не устала, доченька? Может, поспишь?

– Нет-нет, рассказывай дальше.

– Ну, так вот, упал я и больше ничего не помню. Очнулся от боли и чувствую, кто-то тащит меня по земле. А вокруг всё такой же ад. Огонь пылает, снаряды рвутся, и такая у меня боль во всём теле, что просто невозможно. Я почувствовал, что меня осторожно спустили куда-то вниз, похоже, в окоп, а следом за мной прыгнула молоденькая санитарка. Она, наверное, и тащила меня. Была она в грязной, запачканной кровью гимнастёрке и такой же грязной юбочке. Волосы заплетены в две тугие короткие косички, торчащие в разные стороны. Непослушные чёрные завитки выбились из-под пилотки и прилипли к потному лбу. И, главное, совсем ещё девочка. Чуть тебя постарше. Я даже удивился: как она может меня тащить? И откуда взялась такая сила в этой хрупкой девочке?! Она присела рядом со мной, провела ладонью по моему лицу, спросила ласково:

– Что, родненький, очень тебе плохо?

Я ответил, что ничего, стерплю. Она улыбнулась.

– Потерпи, дорогой товарищ, потерпи. Вот бой немножко утихнет, и мы доберёмся с тобой до медсанбата. А уж там тебе помогут! Непременно помогут! А пока давай-ка я тебя перевяжу.

Она достала из санитарной сумки бинты и стала перевязывать сильно кровоточившую рану. Над головами у нас по-прежнему и даже, кажется, ещё ожесточённее свистели снаряды и захлёбывались в стрельбе орудия. Я по звуку хорошо различал, что стреляют немцы. Девочка быстро и осторожно перевязала меня, сумев остановить кровотечение. Только один раз она на секунду отвлеклась и, посмотрев вверх, сказала со злостью:

– Ну и разошлись же, гады! Ничего, наши им ещё покажут! Наши ведь сильнее немцев, правда?

– Конечно! – сказал я, пробуя улыбнуться. – А ты что думала?!

– Я?

Девочка посмотрела на меня и вдруг заплакала. Заплакала совсем по-детски, вытирая слёзы рукавом гимнастёрки.

– Я каждый день вижу, – говорила она, всхлипывая, – как наши солдаты отчаянно сражаются до конца, до последних сил, до последней капли крови! А потом они, беспомощные и изуродованные, лежат в госпитале... А некоторые и до госпиталя недотягивают! Прямо на руках у меня умирают! А этой фашистской сволочи хоть бы что!

«Господи! – подумал я. – Господи, Боже мой! Бедная, бедная девочка, как её молодому сердечку выдержать такое?»

Внезапно девочка перестала плакать, проговорила смущённо:

– Прости меня, пожалуйста. Я просто немножко устала. Всё будет хорошо!

И улыбнулась мне.

Неожиданно над нами просвистел снаряд. В следующий миг санитарка, резко наклонившись, накрыла меня собой. Очередной снаряд разорвался прямо рядом с нашим окопом. Слава Богу, нас не задело. С минуту мы лежали молча. Потом она выпрямилась, и я даже сквозь чёрный дым, нависший над нами, поймал на себе её пристальный взгляд.

– А знаешь, – сказала она, всё ещё улыбаясь, – я только сейчас подумала... Мне кажется, мы где-то с тобой встречались... Только я не помню, где и когда. Во всяком случае, точно когда-то очень-очень давно. До войны. Если, конечно, было такое время...

Она стала смотреть куда-то мимо меня, а я подумал: «Действительно, было ли время до войны?» И вдруг она обхватила меня обеими руками. Засмеялась. Да как закричит:

– Вспомнила! Я вспомнила! Театр теней! Конечно! Ты показывал мне театр теней в пионерском лагере на родительский день! Ты – папа Вали Стрельцовой!

Я очень удивился, услышав это. Вдруг тоже вспомнил и родительский день, и театр теней. И, наверное, удивился бы ещё больше, если бы мне не было так невыносимо плохо.

К счастью, бой вскоре немного стих, и девочка опять потащила меня. Ей было очень тяжело, очень. Я видел это. Но я ничем не мог ей помочь. Наконец не выдержал:

– Сестричка, брось меня ради Бога! Не дотащишь!

– Потерпи, пожалуйста, ещё чуть-чуть потерпи... А вот и наши! Наши идут!

Посмотрел вдаль, вижу, немцы отступают. Наша пехота гонит их, бегут солдатики родимые. Стреляют и кричат:

– Ура, ребята! За Родину, за Сталина!

И мне тоже захотелось кричать. Но я не мог.

Отец замолчал. Молчала и Валя. Она была ошеломлена. Она поняла, что отец бы погиб, неминуемо бы погиб, если бы не Таня Звягина. Таня, та самая Таня, которая постоянно смешила их в лагере своими глупыми выходками, верила в ковры-самолёты и до смерти боялась призраков и домовых, теперь на передовой, под открытым огнём выносит с поля боя раненых бойцов. Разве можно было такое предположить?!

Вале очень, очень вдруг захотелось увидеть Таню. Ну прямо до смерти захотелось. Эх, если бы на свете действительно существовали волшебники, в которых Таня так искренне верила! Если бы только существовали!

Её мысли прервала вошедшая в палату медсестра. Она сделала Вале перевязку, дала какую-то горькую микстуру и, обернувшись к отцу, сообщила:

– Новых раненых привезли. Будут класть в вашу палату.

Действительно скоро в палату вошли две женщины-санитарки с носилками. На носилках лежал весь перевязанный и страшно изуродованный молодой солдат. Он в бреду, шёл в атаку, матеря фашистов, так стонал и так корчился, что у Вали холод пробежал по спине, сердце сжалось. А потом появился ещё один раненый. Он шёл медленно, с трудом, тяжело опираясь на плечо идущей рядом с ним санитарки. Санитарка довела раненого до кровати, помогла ему лечь и пошла обратно. И тут папа вдруг крикнул:

– Таня! Танюша!

Санитарка вздрогнула, обернулась и ахнула. И Валя тоже ахнула. Потому что это была Таня Звягина!

– Я ведь сейчас думала о тебе! Только сейчас думала: вот бы мы встретились! – шептала Валя дрожащим голосом. – Что это? Чудо, а? Волшебники всё-таки существуют?

– Валюша, родненькая, что ты, – шептала Таня, бережно и осторожно обнимая её своими сильными руками, – какие волшебники? При чём тут волшебники? Просто, понимаешь, меня послали раненых в госпиталь отвезти. А тут вдруг ты оказалась... и Алексей Степанович...

– Ах, Таня, Таня!

– Что за раны у тебя? – забеспокоилась Таня, когда первая волна радости поутихла. – Ужасные раны!

– Ещё бы, – Валя поморщилась, – фашисты, знаешь ли, пленных не жалуют. У Тани глаза округлились!

– Ты была в плену у фашистов? Как? Почему? Рассказывай скорее!

И Валя рассказала ей всё, начиная с того момента, когда в результате обстрела погибла мама.

– А ты-то как здесь санитаркой оказалась? – спросила она в свою очередь Таню.

– А очень просто. Сначала я, как ты знаешь, жила в интернате. Всё у нас было хорошо, если не считать, что народу прибавилось. А еды, которой нас и так не особо баловали, теперь стало как-то совсем уж мало. Бывало, на целый стол один кусочек хлеба оставался. Ничего, делили чётко поровну. Конечно, почти всё время ходили мы голодными, однако никто не ныл, все понимали, что в стране война и надо терпеть. Мальчишки наши всё на фронт сбежать мечтали. А я часто вспоминала лагерь. Девочкам рассказывала про тебя, про Алексея Степановича. Лежим мы и всё думаем, как придёт к нам однажды какой-нибудь всемогущий волшебник и остановит войну. Только никакой волшебник к нам не пришёл, а пришли фашисты.

Однажды перед завтраком пошла я с нашей нянечкой в подвал за продуктами. Спустились мы и вдруг слышим: сначала какой-то шум непонятный, а потом грохот. И тотчас же камни на нас полетели, пыль поднялась. Всё у нас разлилось и разбилось. И опять удар, опять грохот. Лежим мы с нянечкой на полу ни живые ни мёртвые, и одна только мысль у меня в голове вертится: «Как же мы теперь без еды будем? Я-то ладно, а другие девочки, которые слабее меня?» И только когда грохот прекратился и мы выбрались с трудом из завала, я поняла, что еда эта никому не нужна больше... Никого, кроме нас, не осталось в живых...

Ну вот и пошли мы с нянечкой в госпиталь. Я поработала там, окончила специальные медицинские курсы и стала санитаркой. Так что теперь я, как говорится, незаменимый человек на войне.

И Таня добродушно рассмеялась.

«Вот это да! – думала Валя, с восхищением слушая подругу. – Спасать жизни советских солдат – вот это работа так работа! Медаль ей положена за такую работу, вот что!». Она так и сказала Тане. Та удивилась.

– Что ты! Какая медаль? За что? Уж если давать кому-то медаль, так это Алексею Степановичу!

– Ну вот, тоже мне, нашли кандидата! – рассмеялся Алексей Степанович. – Медаль дают за подвиги. А я просто катаюсь на танке, что тут особенного?

«А хорошо было бы прокатиться в настоящем танке!» – укладываясь на кровати поудобнее, подумала Валя.

– Алексей Степанович, а вы нас прокатите? – словно угадав её мысли, спросила Таня.

И отец ответил улыбаясь:

– Конечно! Почему бы нет?

Он вдруг быстро встал и вышел из палаты, попросив Таню никуда не уходить. Вскоре он вернулся. Следом за ним шёл какой-то одетый в простую холщовую рубаху человек. В руках он держал фуражку.

– Валь, кто это? – шёпотом спросила Таня.

Валя посмотрела. Батюшки, что же это за день такой сегодня? Сплошные чудеса! И тоже шёпотом объяснила Тане:

– Командир партизанского отряда!

– Здравствуйте, девочки!

– Здравствуйте, товарищ командир!

Таня встала, а Валя беспокойно заворочалась в своей кровати. Что же это? К ней сам командир пришёл, а она даже встать не может! Стыд!

– Ничего-ничего, Валюша, лежи! – командир улыбнулся. – Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, товарищ командир!

– Вот и замечательно! А знаете, девочки, зачем я к вам пришёл? Я хочу объявить вам благодарность. Да-да не смущайтесь! Ты, Валя, даже не представляешь, какую оказала нам огромную помощь! Без твоих разведок трудно было бы так быстро освободить село. А Таня хоть и не член нашего отряда, но тоже занимается очень тяжёлой и опасной работой. В частности, она спасла жизнь Валиному отцу – товарищу Стрельцову. Так что от имени всего нашего отряда я говорю вам, девочки, огромное спасибо за то, что вы сделали в это трудное для страны время. Родина этого никогда не забудет!

У Вали остановилось дыхание, слёзы навернулись на глаза. Таня, видимо, чувствовала себя так же. Не сговариваясь, они встали, вернее, встала Таня, а Валя приподнялась, и отдали командиру пионерский салют...

ГЛАВА 8

Была глубокая ночь. Нина никак не могла уснуть, всё думала о прабабушке Валентине. Она никак не могла представить её себе прабабушкой. Для неё она была просто девочкой Валею. У Вали были такие же, как у Нины, русые вьющиеся волосы чуть ниже плеч, такие же серые с голубоватым отливом глаза. «Да, – думала Нина, – это ж надо, какая тяжёлая была у человека жизнь!»

Нина привыкла считать тяжёлой свою собственную жизнь. Она ведь столько терпела от лечебной физкультуры, столько раз лежала в разных больницах. Подружиться хотела – и то не получилось. Одним словом, «не такая, как все». А Валя? Она ведь была абсолютно «такая» – здоровая, крепкая. И друзей имела множество. Но разве ей жилось легче, чем Нине? Маму потеряла, сама находилась сколько раз на волосок от гибели! Сколько жуткого и страшного, такого, что кровь в жилах стынет, видела и испытала! На какое бы задание её ни посылали, она шла. Какими бы ни были трудности и опасности, она их преодолевала. Хотела как можно больше помощи оказать партизанам и Красной Армии. Смерти не боялась. Все Нинины больницы, вместе взятые, ничто по сравнению с тем, что Валя пережила. А как её пытали! Даже слушать страшно! Вот где настоящая боль! А она-то, Нина, дурочка, ещё ревёт на растяжках. Ревёт и обижается на инструкторшу, когда та её палкой легонько постукивает для того, чтобы ей же помочь.

А Таня Звягина? Такая, казалось бы, трусиха, на передовой под пулями раненых бойцов, в два раза тяжелее себя, с поля боя выносила! Это ж какой труд! Адский!

Получается, что в то время, когда прадедушка Игоря воевал с фашистами на море, Таня Звягина, Валя и другие воевали с ними на земле, спасая жизни советских бойцов. И в конце концов они вместе, объединившись ещё с тысячами и тысячами советских людей, достигли долгожданной победы.

Нина вдруг ясно увидела Валу прямо перед собой. Она стояла и улыбалась, глядя на неё, и будто бы говорила ласково так: «Мы воевали ради Победы, ради будущего, ради тех, кто живёт сейчас и будет жить дальше. Так радуйся этой жизни! Радуйся мирному небу над головой! Старайся каждый день жить с пользой как для себя, так и для других! А всё остальное приложится». – «Что остальное?» – «Всё, чего хочешь. Дружба, например». – «Ну нет, подружиться у меня не получится». – «Почему? Ты думаешь, Алёна – плохая девочка?» – «Дело не в Алёне, а во мне». Валя засмеялась: «По-моему, дело в вас обеих. Не переживай, всё наладится. Всё будет хорошо!» Она дружески взъерошила Нине волосы, улыбнулась, махнула на прощание рукой и исчезла. А Нине стало вдруг так легко и радостно, как не было ещё, кажется, никогда. «Надо будет обязательно рассказать Игорю», – подумала она и уснула. Однако рассказать она ему ничего не успела.

После того, как кончился парад, Алёна с друзьями отправилась гулять по городу. А потом они решили пойти в театр на концерт.

Сначала на сцене городского театра выступали известные артисты разных жанров. Пели песни, читали стихи. Рассказывали о городе и о его людях, которые воевали во время Великой Отечественной войны. А потом на сцену выбежали дети. Мальчики и девочки в пилотках с красными звёздами, в военной форме. Они быстро, как по команде, построились в три ряда, парами, и закружились под музыку, вернее, под песню «Вальс в миноре». Они кружились, преисполненные счастьем, плавно передвигаясь по сцене. А то вдруг расходились в разные стороны и оборачивались то в одну, то в другую сторону, будто в поисках друг друга. Тогда их лица выражали такую боль, такую горечь разлуки, что хотелось плакать. А потом они опять сходились и опять кружились вместе. Все движения они делали одновременно, синхронно, на одну статью, будто танцевала одна пара, а не девять. И это было восхитительно!

Алёна сидела между Ксюшей, сестрой Стаса, и Стасом и глядела на сцену как заворожённая. И все они смотрели не отрываясь. Алёнино внимание почему-то особенно привлекала одна пара, крайняя в первом ряду. Вот в очередной раз мальчик покружился с девочкой, они разошлись, сошлись снова. Затем мальчик опустил перед девочкой на одно колено. Девочка стала обходить его... Батюшки, да это же... Это Нина!

Номер закончился. Ребята поклонились и под гром аплодисментов убежали за кулисы. Всё то, что было дальше, Алёну не интересовало. Она только и думала о том, как бы поскорее увидеть Нину. После концерта она, попросив друзей подождать, расспросила, где находится гримёрная, и побежала туда. Но там Нины не оказалось.

А Игорь и Нина весь оставшийся концерт просидели за кулисами. Нина вкратце пересказала Игорю историю о Вале. Тот выслушал и пришёл в восторг.

– Ну и прабабушка у тебя! Молодчина! Здорово, что она с моим прадедушкой вместе воевала, хотя они даже и не знали друг друга.

По окончании концерта Игорь и Нина спустились в зрительный зал и оттуда направились к выходу из театра. Они никуда не торопились. Шли, взявшись за руки, поглядывая по сторонам.

– Стас! Эй, Стас! – вдруг крикнул Игорь кому-то в толпу и, потянув Нину за руку, объяснил: – Знакомого встретил, рядом живём. Пойдём поздороваемся!

Нина как-то сразу застеснялась, но Игорь уже уверенно вёл её за собой сквозь толпу.

– Здорово, Стас! – сказал Игорь, протягивая руку своему знакомому.

– Здорово! – приветливо улыбнулся мальчишка и пожал руку Игорю. – Я и не знал, что тебя здесь увижу, да ещё с партнёршей.

– Её Ниной зовут.

– Очень приятно! – Стас улыбнулся теперь уже Нине. – Я Стас, а это, – он указал на стоящих рядом с ним девочек, – моя сестра Ксюша и её подруга Марина. Будем знакомы! Кстати, сейчас ещё одна моя подруга подойдёт, вернее, дальняя родственница. Ты, Игорь, её не знаешь, её зовут...

– Алёна! Ух ты, вот это да! Как это ты здесь оказалась?

– Нина! Ой, Нина, привет! А я тебя на сцене видела! Искала потом.

Обе девочки были очень рады столь неожиданной встрече. Конечно, они не бросились друг другу в объятия. Просто стояли и улыбались друг другу. Впервые за долгое время знакомства.

– Что ты здесь делаешь? – с интересом спросила Алёна.

Она просто хотела узнать, как Нина оказалась здесь среди её друзей. Но Нина расценила её вопрос как упрёк. Её словно окатили холодной водой.

«Что я здесь делаю? Это ведь её друзья. А я...»

Нина отступила от Алёны на шаг, ещё на шаг, повернулась и побежала к выходу из театра. Она бежала по улице, спотыкаясь и падая, ничего не видя перед собой. Диплом за первое место весь помялся у неё в руке, рубашка выбилась из джинсов и развевалась парусом на ветру, по щекам бежали слезы. «Ну, конечно, – думала она в отчаянии, – конечно, разве я могу находиться среди её друзей?!»

Алёна побежала следом за Ниной, крикнув на бегу друзьям, чтобы её не ждали, что она потом сама доберётся до дома. За Алёной кинулся Игорь. Они пересекли площадь перед театром, выбежали к дороге. Игорь остановился, девочки продолжали бежать. Игорь хотел крикнуть им: «Стойте! Осторожней!» Но было уже поздно. Нина перебежала через дорогу, а Алёна вдруг увидела мчащийся на неё чёрный «мерседес», услышала пронзительный визг тормозов и сжалась. «Мерседес» остановился. Из него вылетел парень – водитель. Он был совершенно невменяемый от ярости.

– Да ты что! – набросился он на Алёну. – Совсем ненормальная, да? Больная на голову?! Ты что, хочешь, чтобы меня посадили из-за тебя в тюрьму, да?!

Алёна стояла испуганная, ошеломлённая.

– Извините, пожалуйста... – опомнившись, тихо сказала она.

Но водитель не обратил на её слова никакого внимания. Он был в бешенстве. Сверкнув глазами, он занёс над головой Алёны свой огромный кулак. Лучше бы он этого не делал. Потому что тут же получил удар в бок. От Игоря. Никогда в жизни ни с кем Игорь не дрался. Тем более со взрослым парнем. Мама учила его решать споры словами, а не кулаками. И вообще часто напоминала о том, что здоровье надо беречь. Особенно голову. Но сейчас выхода у Игоря не было, потому что слов бы этот парень не понял. Просто не понял бы. А поднимать руку на девочку – самое последнее дело. Видимо, парень этого не знал.

– Ах ты, щенок! – прохрипел он и тут же ответным ударом мазнул Игоря по лицу.

– Прекратите! – в ужасе крикнула Алёна и бросилась было разнимать дерущихся.

Однако её опередила Нина. Издав громкий отчаянный вопль, она кошкой прыгнула на спину парня, схватившись руками за его плечи. От неожиданности парень пошатнулся и присел. Нина оказалась на земле. Парень разогнулся, выдохнул, и вдруг взгляд его упал на Нинину обувь. На ней были старые, выдавшие виды ортопедические ботинки. Нина иногда надевала их, потому что в них было удобно ходить. И сегодня обула именно их. В этих ботинках она дошла до театра, там сменила на чёрные сапоги, выбранные для танца под костюм, а на выходе переобулась опять, сдав сапоги вместе с костюмом, куда было сказано. И вот теперь эти её ботинки, видимо, очень смутили парня. Он молча помог Нине встать, затем сел в машину и укатил.

Некоторое время все трое стояли молча. Первым пришёл в себя Игорь.

– С тобой всё нормально? – спросил он, подбежав к Нине.

Нина молчала, глядя прямо перед собой. Алёна видела, что рубашка у неё на спине грязная, а локти ободраны до крови. Игорь повторил свой вопрос. Нина снова не ответила. Она вдруг закрыла лицо руками и заплакала.

– Мамочка, мамочка! – жалобно всхлипывала она.

– Ну, чего ты!

Игорь нежно провёл рукой по её волосам. Нина заплакала ещё сильнее.

Алёна молча наблюдала за ними. Её поразила отчаянная смелость этих двоих. Сколько раз, будучи в санатории, Алёна задевала Нину, издевалась над ней. Сколько раз доводила до слёз, не хотела ни играть с ней, ни разговаривать. А всё почему? Потому что она «не такая, как все». Но ведь и Игорь тоже «не такой». А как он на парня набросился! Не подумал о себе. Ещё и Нина ему на помощь пришла. И оба они, эти особенные дети, дрались из-за неё. Её защищали. Всеми своими силами. Алёна подошла к Нине и положила ей руку на плечо.

– Сильно ударились?

Это было так неожиданно, что Нина мгновенно перестала плакать. Ответила запинаясь:

– Нет... Чуть-чуть совсем... А что?

– Ничего. Ловко ты на него набросилась. Не ожидала от тебя.

– Да ну...

– Ты знаешь, что... по поводу санатория... Я тогда была не права. Прости.

– Ладно. Прощаю.

И они улыбнулись друг другу. А потом все вместе пошли на автобусную остановку, чтобы оттуда разъехаться по домам.

Нина лежала в комнате на диване, закинув руки за голову, и думала. Голова у неё болела, всё тело ныло, как после долгих утомительных занятий физкультурой, колени и локти сильно саднило, но мысли были хорошие. Сначала она подумала об Алёне. Её не столько поразила их неожиданная встреча, сколько то, как Алёна повела себя с ней. Подошла, спросила, не сильно ли она ударились, причём спросила совершенно просто, без издёвки, даже с сочувствием. Руку ей на плечо положила, будто успокаивая, тоже совершенно просто, как подруга. Удивительно. Внезапно Нинины мысли перенеслись на Игоря, и она почувствовала, как щёки у неё запылали.

– Ты меня слышишь, Нина? Я спрашиваю, что случилось? Упала?

Задумавшись, Нина не заметила, как в комнату вошла мама. Нина взглянула на неё, улыбнулась загадочно и ответила вопросом на вопрос:

– Мам... Слушай, мам, а тебя когда-нибудь в детстве мальчик целовал?
С минуту мама удивлённо глядела на дочь. Потом вдруг тоже улыбнулась, села на диван рядом с Ниной и взлохматила ей волосы.

– Игорь?

– Угадала.

– С чего это он?

– А кто его знает! И главное, так, понимаешь, неожиданно! Стоим мы на остановке, автобус ждём. Первым его автобус подошёл, я говорю: «Ну, пока!». А он с улыбкой: «Гудбай!». И вдруг как подскочит ко мне! Да как поцелует! Я кричу: «Дурак!». А он хохочет! А потом ещё раз как поцелует! Чуть автобус не упустил, на ходу запрыгнул.

Ох, и смеялась же мама! Долго смеялась! И Нина тоже смеялась. Про драку она решила маме не рассказывать, пусть думает, что где-то упала. Отсмеявшись, мама обработала Нине ссадины и ушла. А Нина почувствовала, что очень устала и очень хочет спать.

Она начала медленно проваливаться в сон. Перед внутренним взором её стали проноситься события сегодняшнего дня, и вдруг подумалось о Вале. Почти сразу Нина одёрнула себя. Что-то уж больно я разошлась! Разве можно сравнивать себя с Валею? Там была война, а здесь обыкновенная уличная драка. И вообще... «Ну что вообще? Что? Эх, Нина, Нина! Дурочка ты!». Нина замерла. А Валя тёплой мягкой ладонью нежно провела по её волосам. Нина снова замерла. Она не отрывала глаз от медали у Вали на груди. На медали были в профиль изображены Ленин и Сталин. По окружности медали на ленте надпись: «Партизану Отечественной войны».

Медленно-медленно Нина села на кровати. Взглянула Вале в лицо. Она улыбалась. На груди у неё алел аккуратно выглаженный пионерский галстук. Минуту царило молчание. Потом Валя сказала: «Знаешь, ты очень похожа на меня и не только внешне. Я даже испытываю некоторую гордость за тебя». «Да что ты! Да если бы я оказалась на твоём месте...» – «А тебе не нужно оказываться на моём месте. У тебя своё есть. У каждого человека есть своё место. Своя судьба. Вот, например, сегодня День Победы. Знаешь, как мечтала моя мама дожить до этого дня? Знаешь, как мечтала она дожить до того дня, когда папа вернётся домой? А ведь мы тогда ещё не знали и не могли знать исхода войны. Но мы всем сердцем, всей душой верили в победу и в конце концов завоевали её. Завоевали, но, увы, маме не пришлось увидеть этого торжества. И ещё многим, многим людям... Так вот, я хотела сказать тебе, что в жизни далеко не всегда всё бывает гладко. Важно не поддаваться трудностям и верить в себя. Верить в свои силы и упорно, шаг за шагом идти к намеченной цели. Проявлять самостоятельность как в делах, так и в убеждениях. Ты можешь прислушаться к мнениям окружающих, но зависеть от них не должна никогда. Ты не должна зазнаваться, но в то же время должна иметь чувство гордости, собственного достоинства. Ну, а если встретятся тебе в жизни, как покажется, нехорошие и сложные люди, а они могут встретиться, помни, что даже в очень плохом человеке всегда есть что-то хорошее, главное – дать ему возможность это хорошее проявить. А для этого мы должны, прежде всего, уважать друг друга, уважать человека в человеке».

Валя замолчала на секунду, потом спросила: «Я, наверное, говорю слишком долго и поучительно, да? Извини». – «Нет, нет, Валя, я всё понимаю, только... знаешь... Я боюсь». – «Чего это?» – «Самостоятельности... Ты говоришь, что всё надо делать самой, ни от кого не зависеть...» – «Так чего же тут страшного? Наоборот, здорово, когда ты ни от кого не зави-

сишь. Но это вовсе не значит, что тебе не смогут помочь. Очень хорошо, когда у человека есть настоящие, верные друзья, очень хорошо! А у тебя они есть, ведь правда?». Нина кивнула. «Вот и отлично! Отлично, товарищ Нина! Жизнь прекрасна!» – Валя засмеялась, взяла обеими руками Нинину правую руку и крепко пожала её...

Нина долго ещё лежала на диване, закинув руки за голову и улыбаясь. Ей вспомнились Стас, Ксения, Марина, Игорь с Алёной... Вспомнилось, как, прощаясь, Игорь поцеловал её, чудак этакий, а Алёна спросила: «Нин, ты завтра свободна? Если хочешь, приходи ко мне, ну, то есть к Стасу домой. Погуляем вместе, пообщаемся. Придёшь?». «Да, – ответила Нина, – приду». «Знаешь, где он живёт?» – «Знаю, Игорь говорил». – «Приходи, мы тебя ждать будем!».

**Людмила
БРАГИНА**

КОТ ПАНДОРЫ

Первым её домашним питомцем был пещерный кот.

После него появились курица, семья волнистых попугаев, четыре собаки и целый «питомник» шиншилл.

Как такое может случиться, тогда не знал никто: ни белый пушистый и совершенно дикий кот, которого увидела в этот судьбоносный майский день Лида, ни её мама и бабушка, поспособствовавшие началу этой длинной цепочки познания мира и себя.

Город располагался в низине между двух рек, где ему было уже тесно, поэтому он интенсивно строился и расширялся. Большой котлостроительный завод, где работала Лидина мама, выделил ей квартиру в новеньком белокирпичный доме на возвышенности, которую называли Солнечная гора. Отданные под застройку колхозные поля, которые прежде засеивали кукурузой и подсолнечником, теперь заросли чертополохом и осотом. Первую пятиэтажку в новом микрорайоне возвели посреди высоченных бурьянов, бушевавших от ветра, как море-океан при шторме, и новосёлы чувствовали себя робинзонами на необитаемом острове.

Все существа вокруг, замеченные пытливым Лидиным взглядом, были свободны и ещё не приручены человеком, полны первозданной силы, ловкости и красоты. По полю носились длинными зигзагами зайцы-русаки, а в небольшой зелёной роще сновали ежи и скакали по веткам ярко-рыжие белки.

Новая квартира казалась Лиде необычайно просторной и полной уюта. Оставаясь дома одна, она счастливо разгуливала из кухни через коридор в комнату и на балкон, а затем обратно, примеряя на себя перед зеркалом в прихожей роль маленькой хозяйки. В душе у Лиды царил праздник. Все струнки внутри возбуждённо дрожали и пели.

-
- Людмила Петровна Брагина родилась в Белгороде. Окончила филологический факультет Белгородского государственного университета. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Нева», «Традиции & Авангард», «Невский проспект», «Нижний Новгород», «Северо-Муйские огни», «Камертон», «День и ночь», «Истоки», «Белая скала» и др. Автор четырёх поэтических книг и сборника песен. Редактор литературного журнала «Дрон». Лауреат премии «Молодость Белгородчины» в области литературы, лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле». Член Союза журналистов России и Союза писателей России.

Осматривая новые предметы обихода и мебель, Лида находила их превосходными, уютными и многофункциональными. За столом в комнате можно есть, читать книжки, рисовать, собирать конструктор и играть. На диване спать, сидеть, читать, грызть семечки, вышивать и играть в карты, пупиков или в пуговички – это когда подбрасываешь и ловишь одну, а в промежутке хватаешь с дивана вторую.

Для игр, кстати, подошли все предметы обстановки. Если составить несколько стульев, а их было целых три, и накрыть покрывалом, можно залезть внутрь и представить, что это шалаш, палатка или домик.

А в большом полированном и блестящем шифоньере можно отправиться, как на автобусе, в путешествие. В одно из таких путешествий, стоило только бабушке внезапно вернуться домой, автобус потерпел аварию. И за вывалившиеся измятые простыни и полотенца Лиду отругали и отправили гулять с не очень педагогическим напутствием: «На улице хоть на голове ходи, а я только вчера порядок здесь навела!»

Выйти погулять в то время было всё равно что остановить поезд в чистом поле, высадить пассажира и предложить ему чудесно провести вечер. Ни спортивных, ни детских площадок не было и в помине, двора как такового пока тоже. Кучи земли и строительного мусора вокруг дома заютюжили бульдозером, а тротуары планировались только после завершения строительства всего нового района. Но, учитывая сроки возведения кирпичных «брежневок», контингент «созидателей» и другие факторы, надежды на скорое благоустройство территории было мало.

Рядом, за невысоким забором на стройке, начался обеденный перерыв. Наверху в оконном проёме показался прораб и зычно крикнул: «Баста!» Затем он спустился по лестнице, бросил на бетонную плиту белую каску и брезентовые рукавицы, сплюнул пыль и затынулся «Беломором». Бригаде, в основном состоящей из «химиков», не требовалось особого приглашения.

На закуску была крупно порезанная варёная колбаса, намазанная томатной пастой. Загорелый парень с синеватой татуировкой на плече приглашающе махнул прорабу рукой: «Давай к нам, Семёныч, на шашлычок!»

Боязливо поглядывая в сторону стройки и не обнаружив возле подъезда никаких гуляющих детей – видимо, все они вели себя хорошо, – Лида решила обойти свой дом вокруг. Она осторожно брела по щёбёнке и битому кирпичу, стараясь не наступать на комья глины и куски неубранной арматуры. И тут Лиду ожидало чудо: в тёмном проёме низенького подвального окошка сидел ослепительно-белый пушистый кот. Его огромные глазища светились молодой зеленью, а чёрные зрачки то расширялись, то сужались.

Лида замерла на месте: если бы там появился инопланетянин, это было бы скучно и буднично и не произвело бы такого впечатления.

Она молниеносно поняла, что именно этот кот станет её другом, она будет о нём заботиться, и все будут счастливы.

Не в силах отвести взгляда от этой красоты, она сделала шаг в сторону окошка. Кот пристально посмотрел на неё и бесшумно отступил в темноту.

Лида сорвала травинку, присела и пошуршала стебельком, надеясь привлечь и заинтересовать будущего друга.

– Кис-кис-кис...

Белая любопытная мордочка показалась и тут же спряталась.

– Трусилка, иди ко мне, не бойся, я тебя не обижу...

Теперь в окошке промелькнул пушистый хвост, и через миг яркое, радостное видение снова сменилось пустым чёрным квадратом.

Без толку прождав с полчаса, Лида решила действовать. Между вторым и третьим подъездами под скошенной шиферной крышей находилась крепкая дверь из тёмного дерева, которая вела в подвал. И она была открыта. Придерживаясь за стену ладошкой, Лида спустилась по бетонным ступенькам. В подвале пахло цементной пылью и свежеструганной древесиной.

У самого входа под низким потолком тускло горела лампочка, а дальше коридор разделялся на два прохода, в один из которых свернула Лида и попала в подвал второго подъезда. Справа было множество деревянных дверей с номерками, как на квартирах, а слева тянулись толстые трубы, обмотанные серебристым утеплителем. На одной из труб был установлен большой красный вентиль, похожий на руль. Лиде очень хотелось его закрыть, но тут она уловила лёгкий сквознячок.

От трубы отделился белый комочек, мягко спрыгнув на пол. Кот помчался вдоль кладовок и исчез за поворотом. Не раздумывая, Лида азартно бросилась за ним. Казалось, что кот летел. В длинных прыжках вперёд его гибкое тело то растягивалось, то упруго сжималось. Он сильно отталкивался задними лапами от пола и неслышно нёсся дальше.

Лида бежала по стелюющейся за ним позёмке из пыли. Её подстёгивали внезапно проснувшийся охотничий инстинкт и желание во что бы то ни стало заполучить этого необыкновенного зверя.

Других мыслей и эмоций не было – ни сомнений, ни усталости. Не было даже страха перед неизвестным полутёмным подвалом, встречей с недобрыми людьми или опасения, что могли прийти слесаря и закрыть дверь на ключ. Историю про Тома Соьера и Бекки, заблудившихся в пещере, Лида пока ещё не читала. Позже она станет одной из самых любимых её книжек, а сейчас ею двигали чистая воля и несокрушимая вера в свои силы.

Когда она станет взрослой, она будет вспоминать это состояние в тяжёлые минуты упадка духа и учиться у маленькой и всемогущей самой себя.

Они бегали по всему подвалу, словно связанные невидимым крепким тросиком, и, кажется, даже сам процесс стал приносить удовольствие обоим. Но вот белое пятно заметалось в конце тупика. Запыхавшаяся Лида перешла на шаг. В паре метров от беглеца она остановилась и присела на корточки, даже не допуская мысли, что животное прошмыгнёт мимо неё и снова убежит.

Они смотрели друг на друга как набегавшиеся, наигравшиеся в салки друзья-сорванцы, и больше всего Лиде хотелось вместе пойти домой.

– Котик, пойдём ко мне жить..

Он медленно прищурил глаза и несколько раз моргнул.

– Ты улыбаешься? Значит, да? – обрадовалась Лида.

– А ты не будешь меня будить и пугать пылесосом?

Кот развернул уши по сторонам «самолётиком». Снова сверкнули два кошачьих глаза, как два зелёных зеркала.

Лида услышала этот вопрос и сразу поняла, хотя он не прозвучал.

– Что ты! Я сама поспать люблю, а пылесоса у нас вообще нет.

– А тискать и таскать за хвост?

– Никогда. Я буду гладить тебя, только когда ты захочешь.

– А забывать обо мне и бросать меня, как надоевшую игрушку?

– Котик, я дам тебе имя, мы будем всегда вместе. Завтра я схожу в школу на «последний звонок», а потом начнутся каникулы. Днём мы будем играть в мячик. А по вечерам я буду рассказывать тебе интересные истории, а ты мне мурчать свои..

На пару секунд кот закрыл глаза. Потом по всему его гибкому телу прошла волна, он выгнул мостиком спину и ощетинился, отчего стал казаться вполтину больше.

– А ты не принесёшь домой другого кота?

– Откуда ты всё это знаешь? Мне не нужен никакой другой кот, ты самый лучший, – твёрдо сказала Лида и осторожно протянула руку.

Кот неожиданно оказался очень тяжёлым и мускулистым. Сначала его тело было напряжённым. Но когда Лида взяла его поудобнее, бережно прижала к груди, кот обмяк и тихонечко замурчал. И пока она его несла, всё время представляла, что это её маленький братик.

Недалеко от подъезда курила бригада строителей. Они ждали автобус, который забирал их после смены. Подобревший прораб Семёныч толковал про планы и нормативы каменщикам, но, заметив девочку с котом, переключился на них и одобрительно поднял большой палец вверх.

– Ишь ты, какой кот у тебя знатный: брови как у Брежнева, усы как у Сталина.

Работяги обернулись и засмеялись.

Лиде стало приятно, что все видят, какой замечательный у неё кот, и она, гордо подняв голову, прошествовала в подъезд.

«Фф-ух, хорошо, что мы на втором этаже живём», – выдохнула девочка, сдула упавшую на глаза взмокшую чёлку и постучала носком туфельки в дверь. Немного подождя, заколотила сильнее.

– Иду, – раздался за дверью насторожённый бабушкин голос, – кто там?

– Это я! Открывай, бабушка!

– А что, звонок не работает, в честь какого праздника ты барабанишь? – распахнув дверь, начала она и остановилась. – А это что такое у тебя?

– Это котик. И он теперь будет жить с нами.

Лида с нескрываемой радостью и облегчением опустила своего нового друга на пол в прихожей, и кот немедленно направился в сторону кухни.

– Где ты его взяла? Зачем он нам нужен? И где ты весь день пропадала, я десять раз на балкон выходила тебя звать!

– Даже Баба Яга Иванушку в баньке попарила, накормила, напоила, спать уложила! А ты же моя родная и любимая бабулечка! Не ругайся!

– Вот я тебя сейчас тоже попарю веничком, хитруля, – бабушка усмехнулась, – зубы мне не заговаривай. Я же волновалась.

– Бабушка, я целый день его ловила, мы такие голодные...

– И грязные как трубочисты. Иди мой руки, а потом уже про еду поговорим.

Бабушка отправилась на кухню разогревать ужин, по пути отогнав вертевшегося под ногами кота. Она поставила на стол перед внучкой тарелку с гречневой кашей и котлетой, а для кота нашла маленькое блюдечко и капнула туда немножко сметаны.

Лида решительно разделила свою порцию и отгрузила половину своему пушистому другу.

– Вот скоро мама с работы вернётся, скажет тебе, где он будет жить, – усевшись напротив на табуретку, многозначительно сказала бабушка, – а скорее всего, это чей-то кот, а ты его украла.

– Ничего не украла, я его нашла. Ему там плохо жилось, я знаю.

В прихожей щёлкнул замок, и послышались лёгкие мамины шаги.

Мама заглянула на кухню и устало улыбнулась.

– Ну как вы тут? Ужинаете?

– Да вот кормлю тут нового жильца! – с чувством произнесла бабушка, показав рукой на кота, и многозначительно замолчала.

– А откуда у нас кот появился?

– Принесла откуда-то наша Лидуся. Целый день где-то бегала, и только недавно вдвоём заявились. Садись, Тоня, с нами есть. И послушаем, что она расскажет.

– Мамочка, посмотри, какой он чудесный, какие у него умные глаза!

Словно в подтверждение этих слов, таинственный кот поднял голову, отошёл от блюдечка, сел поодаль, укрыв пышным хвостом передние лапки, и застыл как статуэтка.

Мама поразилась.

– Ты посмотри на него, неужели что-то понимает?

– Конечно, понимает, – с жаром подхватила Лида. – И не только понимает, но и сам умеет разговаривать, только по-своему, по-кошечьи.

– По-кошачьи, – поправила мама. – Тебе его кто-то дал?

– Да в подвале она его поймала! Может быть, ещё и с лишаём этот чудесный котик! – не выдержала здравомыслящая бабушка.

– Нет у него никакого лишаё! – насупилась Лида.

– Да ты вообще не знаешь, что это такое, молчи уж, горе луковое. Доедайте да идите отдыхать, а я посуду помою, – рассердилась бабушка.

Лида с мамой поблагодарили за ужин и пошли в комнату, а кот остался с бабушкой на кухне. Сначала он облизал длинным розовым язычком-ленточкой усы, потом лапки и умыл мордочку. Бабушка поглядывала на него и вздыхала: «Не было у бабы хлопот, так купила поросё». Потом, протерев вымытые тарелки насухо вафельным полотенцем, громко крикнула:

– А вы что это без кота пошли? Забирайте, нечего мне его оставлять!

Кот как по команде вскочил и выбежал из кухни. А в это время Лида включила телевизор. На экране важный бородатый профессор обстоятельно и со знанием дела рассказывал о Египте: «Египтяне почитали кошек с незапамятных времён. Кошка в Египте и сейчас является животным, которого уважают и относят к категории посланных богами существ».

Лида в восторге захлопала в ладоши и закричала что было мочи:

– Ба! Иди к нам скорее! Тут про кошек рассказывают!

Котик замер на пороге, пронзительно мяукнул, прижался животом к полу и белой стрелой ринулся под кровать. Раздались ужасающий грохот бьющегося стекла, тяжёлый стук банок с заготовками на зиму, скрежет когтей по паркету.

– Ты куда полез, нечистая сила?! – грозно закричала бабушка.

– Ой, мои закрутки! Огурчики! Помидорчики! – запричитала мама и выскочила из комнаты.

Вернулась она вооружённая шваброй, легла на пол и начала изгонять кота, как самого настоящего злого духа.

– Вон отсюда! – кричала она, тыкая деревянной ручкой в темноту.

В ответ послышалось возмущённое фырканье.

– Марш оттуда!

Фырканье перешло в громкое шипение и разъярённое рычание.

– Мамочка, так нельзя! Мы и так своими криками его напугали. Пожалуйста, убери швабру. Я сама его оттуда достану.

– Надо его выкурить оттуда, – с озабоченным видом бабушка полезла в шифоньер, – где-то тут у меня пучочек шалфея был...

– Вы мне тут ещё пожара наделаете! Не надо, пусть уже сидит. К утру вылезет. У меня уже никаких сил нет.

Мама поднялась, отряхнула халатик и, расстроенная, села на диван.

Телевизионный многоопытный египтолог всё ещё продолжал расписывать сладкие плюсы кошачьей жизни, делиться ценной информацией: «В России этим животным тоже уделяется много внимания. В этом нет ничего удиви-

тельного – пушистики не только ловят мышей, но и благоприятно влияют на нервную систему».

Лида чувствовала угрызения совести за негостеприимство их семьи. Она залезла под кровать, чтобы получше разглядеть животное.

– Котик, миленький, это случайно так получилось. Мы же не на тебя кричали. Не бойся, иди ко мне. Я никому не дам тебя в обиду.

«Дух тьмы» забился в самый дальний угол и теперь сидел тихо-тихо.

Добравшись ползком до кота, Лида сняла с его усиков паутину и погладила по голове.

Бабушка достала свою ежевечернюю коробочку с катушками, напёрстками, ножницами, взяла из отложенной стопки белья наволочку и попросила Лиду вдеть нитку в иголку.

– Охо-хо, живём как ошарашки, каждый вечер дрань штопаю. Очки старые, уже и в них не попаду в ушко, да и свет слабый. По-хорошему бы вкрутить в люстру все пять лампочек, то-то было бы светло как днём. А при одной больше по пальцам тычешь...

– Бабушка, так давай все вкрутим, что ж ты мучаешься?

– Ага, вкрутим, с нашими-то доходами... Электричество так нагорит, что не расплатимся, приставы придут всё имущество опишут и квартиру отберут, а тебя в детдом определят.

– Что значит в детдом? У меня мама есть!

– И слава Богу, что есть! С моей пенсией мне и рубля тратить в день государство не разрешает. Если б не дети, как прожить на семнадцать рублей? Да и вам же одеться, обуться надо, тебе в школу деньги то на одно, то на другое... За квартиру заплати, за электроэнергию заплати, а у вас вон телевизор не выключается, как будто там что-то путное показывают.

Бабушка говорила серьёзно, и от этого Лиде стало страшно и грустно.

– Да мы только новости и смотрим, – попыталась успокоить бабушку мама. – Сейчас программу «Время» поглядим и выключим.

Бабушка нахмурилась, но промолчала.

На синем фоне экрана появился белый часовой циферблат. Секундная стрелка проделала семь маленьких шажков – и послышалась знакомая музыка. Вращающаяся и светящаяся огнями спутниковая антенна доставила в каждый дом приветственные слова дикторов: «Добрый вечер, товарищи».

После информации об официальных приёмах главы государства настал черёд международных новостей. Сюжет был посвящён африканским странам, освободившимся от колониального гнёта – Анголе и Мозамбику, которые избрали в качестве ориентира построение социалистического общества. На экране прошла картинка, где чернокожий раб со вздувшимися на шею и руках венами разрывает оковы. Голос за кадром воодушевлённо рассказывал о происходящих изменениях.

– История борьбы ангольского народа за свободу подтвердила идейное и моральное превосходство пролетарского интернационализма. Советский Союз, революционная Куба, другие социалистические страны по-братски помогают молодым народным республикам в мирном строительстве.

– А говоря по-простому, везут они на Кубу пшеницу, а с Кубы везут обезьян... Тоня, а сколько у нас гречки осталось? – вдруг спросила бабушка.

– Да пара килограммов, наверно, – удивилась мама. – А что?

– А мукички? – продолжила свою неожиданную ревизию бабушка.

– Тоже столько же.

– Ну как-то протянем, на оладушки хватит да, может, пару раз на сырники.

– Да, должно хватить, в пятницу уже получка, не волнуйтесь.

– Я б не волновалась, да теперь же нас прибавилось. Мышей у нас нет, а кот вон какой здоровый...

«В Африку отправились советские культурные и торговые миссии, а в Советский Союз – темнокожие студенты. Там, где была выжженная империалистическими агрессорами земля, вырастут новые современные города, цветущие сады, будут открываться кинотеатры и библиотеки. Помогая Анголе, мы помогаем себе, мы строим новую Африку, новый мир».

В подтверждение слов комментатора, операторская камера дала крупным планом толпу смеющихся длинноногих темнокожих девушек, в коротких белоснежных платьях, с блестящими серёжками в ушах и серебрястыми браслетами на запястьях.

Бабушка ещё больше помрачнела и снова обратилась с вопросом к маме:

– А сколько ж лет ты своё ситцевое платьишко носишь, уже светится на плечах и локтях... И ей, – она кивнула в сторону Лиды, – ничего такого не купишь, в магазинах одни мешки висят с дыркой для головы...

«Первый Первомай в бывшем «африканском алмазе Португалии», а ныне – независимой Анголе...»

На экране появились радостно марширующие под звуки «Интернационала» колонны: дети, машущие флажками, стройные женщины в ярких сарафанах, мужчины с портретами канонического триумвирата – Маркс-Энгельс-Ленин...

«Постепенно, но уверенно возрождается жизнь в Луанде...»

Крепкие, модно одетые ангольцы щётками подметают улицы, а под раскидистыми пальмами секаторами стригут траву.

– Вот не с одних фиников они такие! – продолжала комментировать бабушка. – Небось и мясо туда гоним вагонами. А тут и рыбы не на что купить.

Лида крепче обняла своего друга и подбадривающе шепнула в розовое пушистое ухо: «Не слушай, найдём. Я поделюсь!» А вслух сказала громко, стараясь быть убедительной и подражая дикторской интонации:

– Бабушка, у нас такая богатая страна, мы всему миру помогаем. И кота прокормим!

Было решено оставить нового жильца на ночь в коридоре и постелить в туалете газетку для его надобностей. Засыпая, Лида перелистывала этот день, будто увлекательную книгу, заново. Ей было приятно снова переживать самые яркие впечатления. А потом она представила, как вместе с котом они будут делать уроки. Он свернётся пушистым клубочком рядышком на стуле и будет мурлыкать, а она будет делиться с ним секретами, сделает ему игрушку из пёрышек...

Где-то вдалеке пронзительно затрубили в горн, а потом прозвенел бодрый и звонкий детский голос: «Здравствуйте, ребята! Слушайте «Пионерскую зорьку!»»

Это бабушка на всю громкость включила на кухне радио. Уже без двадцати восемь, и пора вставать в школу, хотя очень хочется повернуться на другой бочок, уткнуться головой в подушку и хоть минуточку ещё поспать...

И тут Лида вспомнила про кота. Остатки дрёмы мгновенно улетучились, и она вскочила с кровати. Майское утреннее солнце играло с хрусталем в серванте, и солнечные зайчики распрыгались по всей комнате. Бабушка стояла возле плиты и жарила на сковородке яичницу с колбасой, а кот сидел рядом, задрав мордочку и принохиваясь.

– Доброе утро! Ой, как же хорошо! – потягиваясь, радостно воскликнула Лида и погладила своего котика по выгнувшейся спинке. Побежала умыться и села завтракать, откусывая кусочки колбасы и протягивая коту, который переместился от бабушки к ней.

– Ешь сама, я ему уже давала, а то он лопнет, – пыталась пресекать внучкины вольности бабушка, не одобряя здоровый аппетит нового подопечного.

Под бабушкино ворчание, информацию о достижениях в науке и технике, успехах советских школьников Лида уплела всё до крошки, тем более что к чаю были её любимый печенюшки с маслом, которые коту тоже понравились.

– Бабушка, завяжи мне сегодня белые бантики, нам сказали, что сегодня в школе праздник последнего звонка! – попросила Лида, надевая коричневое школьное платье, белый кружевной фартук, белые гольфы и белые туфельки. – А ты, котик, жди меня, я приду и расскажу тебе всё, что будет интересного!

Лида аккуратно надела ранец, чтобы не помять ляжками воланы на выглаженном фартуке, в котором она была похожа на весёлую бабочку-капустницу, и вприпрыжку побежала в школу.

Ещё издали она услышала громкую музыку, которая доносилась со школьного двора.

Школьные годы чудесные,
С дружбою, с книгою, с песнею,
Как они быстро летят!
Их не воротить назад.

Перед школой на линейку собрались все классы. Лиде помахали рукой одноклассницы, она тоже помахала в ответ, подбежала и встала в ряд. Все были такие же нарядные. Учительница в новом платье, с праздничной высокой причёской. Рядом волновались и гомонили первоклашки с многоцветными букетами. В прошлом году, а кажется, совсем недавно, и Лида с мамой тоже стояли здесь, и она была такой же растерянной и даже испуганной, что почти ничего не запомнила. Зато сейчас она с удовольствием следила за всем происходящим. Когда закончились песни, к микрофону подошли два старшеклассника – юноша и девушка, а за ними директор школы и пожилой седой дядечка в военном кителе. Вся грудь у него была в медалях. Они блестяли на солнце и, наверное, тихонько позвякивали. Лида пожалела, что стояла далеко и ей не было этого слышно.

Держа в руках красные папки, ведущие открыли линейку какими-то праздничными стихами, а затем передали слово ветерану. Он откашлялся, выпрямил спину, по-генеральски оглядел построившихся в каре, будто принимая парад или готовя их к бою. «Здравия желаю, товарищи ученики! Равняйся! Смирно!» – скомандовал он вдруг. Все засуетились, подтянулись и замерли. Потом он рассказывал, как таким же 17-летним мальчишкой ушёл на фронт и воевал с фашистами. Самое трудное было то, что никто не знал, когда эта страшная и тяжёлая война закончится. Но они выстояли и победили. Потом ветеран пожелал всем крепости духа, хорошо учиться, а выпускникам – так же любить, беречь и защищать нашу советскую Родину, как это самоотверженно и бескорыстно делало его поколение.

Когда он закончил, все захлопали. Со всех сторон к нему побежали дети с цветами. Ветеран улыбался и благодарил.

Потом слово взяла директор. Она повернулась лицом прямо к их классу и поздравила с первыми летними каникулами. А потом обратилась к десятиклассникам:

– Этот последний звонок провожает вас во взрослую жизнь. Удачи на экзаменах и выборе трудовой биографии! Вы – молодые строители коммунизма, и перед вами открыты все пути!

Подготовишки подбежали к выпускникам и подарили им цветы. Высокий и сильный десятиклассник, в костюме, с галстуком, поднял самую маленькую девочку на плечо, и она, крепко держа в руке большой колокольчик, старательно трезвонила изо всех сил. Вместе они совершили круг почёта по периметру школьного двора. Девочки-старшеклассницы, выросшие из коротких платьиц, вытирали платочками слёзы.

Лида не понимала их слёз. Она уже в мыслях бежала домой, к бабушке и коту. «Как же его назвать? – думала она. – Он не какой-нибудь Мурзик-Барсик, Снежок-Пушок, нет! Может быть, там, где он жил раньше, его как-то и называли, но теперь у него будет новое имя и новая жизнь».

Когда она уже открывала ключом дверь в квартиру, её озарила замечательная мысль. Как же она раньше не додумалась? Это ведь так правильно и просто!

– Бабушка, я дома! А котика мы назовём Май! Правда, здорово?

Из кухни вышла бабушка, вытирая мокрые руки о ситцевый кухонный фартук.

– А котик не дождался и убежал.

– Куда? Как это убежал?

Лида почувствовала, как будто на неё стеклянный колпак надели, под которым совсем нет воздуха.

– Я выходила за хлебом, открыла дверь, а он и прошмыгнул.

– Чего ему прошмыгивать? Это ты, наверное, его нарочно выпустила?!

– Да что ж мне его за хвост ловить? Захотел, вот и убежал. Не переживай ты так, у него ещё и лишай на ухе был...

– Так его же лечить надо! Он же пропадёт один!

– Не пропадёт. Все кошки травками лечатся. Они знают, какую нужно съесть, а в какой поваляться. Хватит уже про этого кота толковать. Пойдём кушать.

– Не буду я кушать, пока он там голодный, несчастный, больной бегаёт. Я пойду его искать.

Лида бросила ранец на тумбочку, снова надела на шею шнурочек с ключом и хлопнула дверью.

Первым делом она побежала к подвалу. Входная дверь теперь была закрыта на винтовой замок. Лида обошла весь дом и заглянула в каждое маленькое окошко. Присев на корточки, она звала и вслушивалась в каждый шорох. Долго вглядывалась в темноту – не мелькнёт ли хоть краешком белый пушистый хвостик, не сверкнут ли изумрудным светом его прекрасные глаза?

Но кота нигде не было. Лида вздохнула и смело направилась к стройке. Прошла в открытые ворота и поискала взглядом, к кому тут можно обратиться. Наверху работал кран. Его большая железная рука перетаскивала поддоны с кирпичами на растущие этажи.

Вдруг откуда ни возьмись перед ней появился высокий усатый мужчина в синем комбинезоне и жёлтой каске. Вскоре ещё несколько человек вышли из вагончика и подошли к ним.

Лида обрадовалась, что можно порасспрашивать о котике побольше людей.

– Девочка, ты что тут делаешь? Сюда нельзя заходить! Читать умеешь? Видишь, что написано, – он показал пальцем на жёлтую табличку с большими красными буквами: «ВНИМАНИЕ! ОПАСНАЯ ЗОНА. ВЕДУТСЯ СТРОИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ».

– А как же вы тут работаете и не боитесь?

Работяги обступили её, улыбаясь и с любопытством разглядывая, как какую-то мелкую забавную зверушку.

– У меня, видишь, каска есть.

– В труде рождаются герои, – гоготнул другой, низенький, с голым торсом, в брезентовых штанах, с огрубевшими здоровыми руками, похожими на клешни краба.

– Так, что вы тут филоните? Что за собрание? – сурово врезался в толпу прораб Семёныч. – Чей это ребёнок?

Рабочие обрадовались новому поводу позубоскалить. Они начали толкать друг друга, высказывать предположения о том, на кого больше похожа Лида.

– А вы здесь начальником работаете? – перешла к делу Лида.

– Самым главным, – добродушно улыбнулся Семёныч. – Рассказывай, зачем пришла.

– Котик у меня потерялся. Я уже везде его искала! Может быть, вы видели? Беленький, с большими зелёными глазками. Вы вчера говорили, что брови у него как у Брежнева...

– Ты где живёшь, девочка?

Лида показала на свой дом.

– В первом подъезде на втором этаже.

– Помню я твоего котана. Замётано. Иди домой, а мы, если увидим его здесь, изловим и принесём.

Лида кивнула, повернулась и побрела домой. Горло сдавливало и жгло, но она не могла плакать. Пришла, разделась, легла под одеяло и отвернулась к стенке. Бабушка пыталась её расспросить, но Лида крепко зажмурила глаза и притворилась спящей.

На следующее утро идти в школу было не нужно, и, когда раздался сигнал «Пионерской зорьки», Лида не стала вскакивать. «Дудите, хоть лопните», – думала она сердито. В комнату заглянула бабушка и бравадно пропела: «Вставай, поднимайся, рабочий народ! Иди на врага, люд голодный!» Раньше Лиду сместило, когда бабушка будила её «Марсельезой», а сегодня она молча встала и поплелась в ванную. За завтраком вяло поковыряла ложкой овсянку и отодвинула тарелку в сторону.

– Ты не заболела? – забеспокоилась бабушка. – Что-то ты ничего не ешь?

– Не хочется. Бабуль, а что такое «корвалан»?

– Не корвалан, а корвалол, – поправила бабушка. – Это лекарство такое успокоительное для нервов, а что?

– Мне бы сейчас корвалолу принять. А то совсем нервы расстроились...

– Веником по попе тебе надо! – рассердилась бабушка. – Вот тебе 25 копеек, иди купи хлеба и булочку! И не обгрызай по дороге, а то, если не дай Бог кто придёт, подумают, что мыши у нас!

Ещё с весны Лида ждала летних каникул. Она мечтала вдоволь накататься на велосипеде, порисовать новыми красками, играть в мяч с подружками, ходить в бассейн.

А получилось так, что целыми днями она сидела дома и не могла ничем заняться. Слонялась по квартире без цели, останавливалась возле окна и, прижавшись лбом к стеклу, долго смотрела вдаль без всяких мыслей. Если

давали какое-то поручение, делала механически, как заводная кукла, не вникая и забывая сразу же. Пыталась читать, но не могла сосредоточиться. Спать тоже не получалось. Иногда бабушка выпроваживала её на улицу «подышать воздухом». Лида послушно выходила, дышала, обходила дом вокруг, поглядывая на подвальные окошки, возвращалась и снова маялась и томилась.

Она догадывалась, чувствовала, что бабушка была с мамой в стоворе. И утром они специально открыли пошире дверь, и безымянный майский котик убежал подальше от цивилизации, в некомфортные, но привычные ему пампасы и прерии.

Они открыли дверь, и вслед за котом устремилась Лидина душа, полная заботы и нежности, в поисках слабых и маленьких, которых нужно опекать и выхаживать, кормить и любить, словно братишек и сестричек. А теперь она сидит, и внутри у неё пусто, а на сердце тяжело.

Через неделю у неё на плече появилось розовое пятно с красноватым ободком и шелушащимися чешуйками внутри. Оно было небольшое и немного чесалось, но бабушка, как только его увидела, ахнула: «Таки лишай, чтоб его!»

Мама не на шутку переполошилась, схватила Лиду в охапку и собралась вести в кожвендиспансер, но бабушка удержала их.

– С такой ерундой могут и в больницу положить. В школе узнают, будут сторониться. Ты, Тоня, прямо сейчас иди в гастроном за водкой, а потом съезди в магазин «Пчёлка» за настойкой прополиса. Сами вылечим. На живом всё заживёт!

Когда спецзаказ был доставлен, бабушка смешала йод пополам с водкой и помазала пятнышко. Через несколько часов натёрла его пчелиной настойкой. Вечером всё повторилось снова.

Оба выходных дня мама мыла с хлоркой полы, протирала едкими растворами стены и подоконники. Все Лидины вещи перестирала и прокипятила в эмалированном ведре, высушила и прогладила горячим утюгом. Кошачью мисочку, которую Лида спрятала у себя под кроватью, нашли и выбросили.

Лида не капризничала, не просила подуть, смиренно сидела, терпела и думала про себя, чтобы как можно дольше лишай не проходил.

Изредка в её глазах вспыхивали маленькие искорки надежды. И тогда она думала: вот бы найти этого белого котика и тоже вылечить, мазать йодом его розовые ушки и тихонечко говорить, что всё пройдёт, до свадьбы заживёт...

Лишай постепенно исчез, но невидимая дырочка в сердце побаливала и продолжала чесаться. И в этот маленький проём незаметно проникло множество маленьких быстрых лапок, чтобы с течением времени оставить свои следы, царапки и ранки на сердце.

А пока Лида грустила, смотрела на бледнеющее пятно, тихонько гладила его пальцами, вздыхала.

Бабушка тоже вздыхала и как-то вечером за своим привычным шитьём, будто продолжая начатый разговор или отвечая своим мыслям, не выдержала и повернулась к Лиде:

– Да заводи ты хоть крокодила! Лишь бы он в нашу ванну поместился!

*Саратовская государственная консерватория
имени А.В. Собинова*

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и массовых коммуникаций Саратовской области,
Саратовское региональное отделение Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».
Директор – В. В. Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Е. С. Данилова.
Дизайн и вёрстка – Т. Н. Черноиванова.
Корректор – Е. Н. Березина.

Подписано в печать 15 апреля 2024 года.
Дата выхода в свет 26 апреля 2024 года.
Журнал отпечатан в ООО «Амирит».
Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.
Заказ № 41/15044.
Цена свободная.

Адрес издателя: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.
Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.
Тел. (факс): (845-2) 72-10-06.
E-mail: lizamart@yandex.ru
Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс: П4923

При перепечатке ссылка на издание обязательна.
Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.
Бумага типографская. Печать цифровая.
Тираж 100 экз.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2024.
© «Волга–XXI век», 2024.

РАБОТЫ ХУДОЖНИЦЫ КСЕНИИ ЧЕПЕЛЕНКО

Иллюстрация к циклу «Царь Фантом»

Ксения Чепеленко.
Иллюстрация к циклу «Царь Фантом»

